

Джонатан Уилсон

ПАЛЕСТИНСКИЙ РОМАН

проза еврейской жизни

Палестинский роман
Джонатан Уилсон

Аннотация
Джонатан Уилсон. Палестинский роман
Благодарность
Иерусалим, июнь 1924 года
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18

19
20
21
22
23
24
25
26
27
Август
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
Декабрь
39
Коротко об авторе

Аннотация

Прозаик, эссеист и переводчик Джонатан Уилсон (1951) написал увлекательный — не оторваться — триллер в духе романов Грэма Грина.

1924 год, Палестина под британским мандатом.

Художник Марк Блумберг и его жена Джойс, не еврейка, но пламенная сионистка, становятся свидетелями убийства ортодокса Яакова де Гроота. Бытовое на первый взгляд убийство оказывается в центре интересов и англичан, и ортодоксов, и сионистов, а Блумберг и его жена волей-неволей втянуты в их грязные игры.

Джонатан Уилсон связывает запутанные нити политических интриг и любовных страстей в смертельный клубок.

Джонатан Уилсон
Палестинский роман

Посвящается Шарон

Благодарность

Книги двух авторов оказали мне неоценимую помощь при создании романа: «Дэвид Бомберг» Ричарда Корка (Richard Cork, *David Bomberg*) и «Под мандатом: Жизнь британцев в Палестине в 1919–1948 гг.» Э. Дж. Шермана (A. J. Sherman, *Mandate Days: British Lives in Palestine 1918-48*). Им обоим я очень благодарен.

Иерусалим, июнь 1924 года

1

Блумберг вышел из дому, сел на велосипед и поехал по дороге, ведущей из Северного Тальпиота к арабской деревне Абу-Тор. Минут через десять остановился и нашел подходящее место — тут отвесную скалу сплошь заливал лунный свет. Ночь выдалась ясная. Он раскрыл этюдник, достал палитру. Еще в Лондоне Джойс, спасибо ей, аккуратно пронумеровала белым все тюбики, чтобы он мог работать не прерываясь даже в сумерках. Он разлюбил ее, как ни горько в этом признаться. Отдалился от жены — стыдно сказать почему, ведь в его возрасте смерть матери вроде не должна стать таким потрясением. Но для него стала. Поздняя ночь в лондонской больнице, иссиня-черный саван неба в исчерченном дождевыми каплями окне за ее кроватью, и мама, внезапно очнувшись, впервые за долгие недели узнала его. «Я тебя никогда не забуду», — сказала она. Но, естественно, все вышло как раз наоборот. Это Блумбергу никогда ее не забыть: для иммигрантского мальчика мать была единственной защитой и опорой, надежная, как корабль, в парусах ее широких юбок можно было укрыться,

вцепившись, зарывшись лицом, прижавшись к ее ноге. Он тяжело переживал утрату, Джойс в те дни, как могла, старалась его поддержать, но ее сочувствие его убивало. Своей заботой она лишь подчеркивала его бесчувственность. Он внутренне отгородился от нее, ушел с головой в мир теней. И мать была не единственной в этом призрачном мире. Ее смерть высвободила сонм других. Уже шесть лет как отгремела война, но стоило ему задуматься или замечтаться, и тотчас перед ним, как призрак Банко, являлись погибшие друзья, изувеченные, в крови: Джейкоб Розен — вместо лица рваная рана, затянутая белесой слизью, Гидеон Шиф — все та же обаятельная улыбка, уцелевшая, в отличие от тела.

Блумберг окинул взглядом террасные склоны, плавными волнами уходящие к Силоаму и дальше — к Масличной горе, установил мольберт, закрепил холст. Но прежде чем писать маслом, нужно было, как всегда, подготовить наброски. Он сел на камень, взял блокнот и начал делать зарисовки углем и карандашом. В лунном сиянии кроны олив в долине казались пепельно-серыми, почти белыми.

Через некоторое время послышались шаги — кто-то спускался по козьей тропке чуть выше по

склону. Блумберг обернулся. Два араба шли рядом и, судя по жестикуляции, о чем-то оживленно беседовали. Блумберг проводил их взглядом, пока они не скрылись за поворотом горной тропы, и вернулся к работе.

Прошло, наверное, еще минут двадцать, как снова послышался шум — на этот раз на нижней террасе. Блумберг вскочил и стал вглядываться в серую мглу, пытаясь разглядеть что-нибудь между деревьями. Метрах в ста — ста пятидесяти ниже по склону шла какая-то возня, и довольно энергичная, судя по облачку пыли. Наконец он, как ему показалось, разглядел двоих. Дерутся они там, что ли? Или любятся? Блумберг не сказал бы наверняка. В полосе лунного света появился на миг выбеленный узкий силуэт высокого мужчины. Мужчина этот, кто бы он ни был, отряхнулся и сразу же пропал из виду, скрывшись в оливковой роще внизу. Его спутник, должно быть, вскоре последовал за ним, но Блумберг к тому времени вновь с головой ушел в работу и благополучно забыл о той парочке.

Сделав эскизы, он два часа без передышки простоял за мольбертом и закончил лишь поздно ночью — нужно было все же сделать перерыв и поспать. Он ехал на велосипеде мимо недо-

строенных домов, одна рука на руле, в другой — небольшой холст с только что написанной картиной. Под колесами похрустывал гравий.

Крыльцо его дома освещали два самодельных садовых фонаря в стеклянных банках. Когда он вошел, Джойс сидела на матрасе, у ее ног — дорожный сундук, самый объемистый из двух и уже наполовину разобранный. Волосы она заколола гребенкой, надела зимнюю ночную сорочку, одну из тех, что захватила с собой из Англии. Ее друг и учитель Лео Кон предупредил, что ночи в Иерусалиме холодные, даже летом.

Блумберг протянул Джойс ветку жасмина, сорванную с куста у калитки.

— Гость, — сказал он, — непременно должен принести с собой что-нибудь, хоть какой пустяк.

— Ты не совсем гость.

Он поцеловал ее в лоб. Что он ни скажет, все невпопад. Надо ее отпустить.

— Что рисовал? — продолжала Джойс.

— Деревню, деревья.

Джойс сидела, прислонясь к стене, на узкой койке — две кровати предоставил им во временное пользование Обри Харрисон, местный представитель лондонской сионистской организации, которая их сюда и послала. В комнате

было еще жарче, чем снаружи. Тонкая струйка пота на шее Джойс доползла до расстегнутого ворота ночной рубашки.

Блумберг аккуратно пристроил холст у стены, красочным слоем внутрь, так что стены касался лишь верхний край. Сбросил сандалии.

— Но чего от меня ждут, — сказал он, — я имею в виду заказ, этого я сделать не смогу.

— Неужели так трудно?

Блумберг достал из заднего кармана официальное письмо:

— «Серия работ на тему „Жизнь в условиях преобразований. Прогресс. Предприимчивость. Развитие“». Иначе говоря, вдохновенные образы еврейских первопроходцев. Пропаганда, одним словом.

— Зато вечерами ты свободен.

— Сомневаюсь.

Она ничего не сказала, но он догадывался, о чем она думает: по ее мнению, его не убудет, если он и поработает на кого-то. А тут, насколько ему было известно, она еще и твердо верила в значимость их дела. Хотя пока сочла за лучшее промолчать. Особенно мило с ее стороны, что она не упомянула о деньгах — о тех шестидесяти фунтах, что выдал ему авансом Палестинский учредитель-

ный фонд[1]. Едва ли хватит на молочные реки с кисельными берегами, которые он ей обещал.

— Чаю? — спросил Блумберг.

— Я бы чего-нибудь другого.

Глотнув бренди из бутылки, стоявшей возле кровати, Джойс привстала, стянула через голову сорочку, бросила ее за спину. Сидела так и ждала — смело, подумал Блумберг, — когда он подойдет к ней из своего угла. Прошло много недель, может, даже месяцев, с тех пор как они в последний раз занимались любовью. Он не шелохнулся, но когда она вновь потянулась за рубашкой, груди ее колыхнулись, и он не устоял. В три прыжка пересек комнату и схватил ее за руку.

— Если не сейчас, то когда? Разве не так раввины говорят? — Блумберг рассмеялся и принялся целовать ее грудь.

Когда все было позади (она удовольствия не получила, и он это знал), Блумберг встал и развернул к себе картину. Краски еще не высохли. Он подумал, что лунный свет на крышах домов вышел довольно неплохо, но и только. Вспомнил

---

[1] Примечания: 1

Палестинский учредительный фонд (Керен ха-Йесод) — организация, собирающая пожертвования для Израиля, действующая в 45 странах и позволяющая перечислять целевые пожертвования разным получателям в Израиле. Фонд был учрежден в 1920 г. на Всемирном сионистском конгрессе в Лондоне. — *Здесь и далее примеч. перев.*

про тех двоих внизу на склоне и сказал Джойс, что специально не стал зарисовывать их, потому что люди ему уже не интересны.

— Мизантроп, — ответила она. — А что они делали?

— Обнимались, а может, ссорились. Трудно сказать, далеко было.

Снаружи — как странно — ветер донес еле уловимый запах скипидара. Блумберг, как был нагишом, вышел в сад. Сделав пару шагов, остановился. Чахлую лужайку перед домом обрамляли кусты, меж них кое-где проглядывал каменный розан[2]. Воздух был напоен ароматом лаванды и — скипидара, волны которого исходили, судя по всему, от рощи мастичных деревьев. Джойс вышла следом.

— Не сказать чтобы райский сад, — она прильнула к нему, обняла сзади за талию, — но обидно будет, если нас выгонят. Мне здесь нравится.

Он высвободился из ее рук, отступил на шаг.

Слабый стон — или молитвенное бормотание? — услышали оба, звук приближался, и кто-то окровавленный проломился сквозь кусты,

---

[2] Примечания: 2

Каменный розан — устаревшее название аданника, невысокого кустарника с войлочным опушением.

кинулся к Блумбергу, стиснул его в объятьях и вместе с ним рухнул на землю, придавив своим телом. Джойс закричала — тонко, пронзительно. Блумберг спихнул наконец с себя незнакомца, откатился в сторону. Он тоже кричал, его тряс-ло. Человек, мужчина средних лет в арабской одежде, дернулся раз-другой и затих, его белая джеллаба[3] была порвана и намокла от крови, как и куфия[4], которую он прижимал к груди в тщетной попытке остановить кровь, бившую из колотой раны над сердцем. Джойс склонилась над ним, встав на колени в намокшей траве. На нее смотрел невидящим взглядом мертвец с побитым лицом. Она с удивлением заметила, что у него бледная кожа, рыжая борода и завитые пейсы, как у правоверных евреев. Блумберг тоже поднялся и встал рядом с ней. При свете луны видно было, что его лицо, грудь, руки, ноги и поникший пенис — все заляпано кровью.

---

[3] Примечания: 3

Джеллаба — традиционная берберская одежда, представляющая собой длинный, с остроконечным капюшоном свободный халат с пышными рукавами, распространенная среди мужчин и женщин арабоязычных стран Средиземноморья.

[4] Примечания: 4

Куфия — мужской головной платок, популярный в арабских странах.

2

Сауд, высокий для своих лет, несся под гору гигантскими скачками, задыхаясь, спотыкаясь о камни, стараясь держаться в тени деревьев, и вспышки лунного света, выхватывавшие его ненадолго из тьмы, были для него как ружейные залпы. На середине спуска он сделал короткую передышку — спрятавшись в тени за шотландской церковью, порвал на себе окровавленную рубашку, — и снова помчался дальше, бросая на ходу клочья ткани, как беглец в игре «заяц и собаки» — клочки бумаги. Люди ему почти не встречались, лишь под раскидистой кроной белой акации целовалась юная парочка да вдали гарцевали двое полицейских на конях — по счастью, они двигались не к нему, а от него. Добравшись до Старого города, он свернул в лабиринт тесных улочек. Возле чанов с кунжутным маслом на улице Куш его окликнули, а может, ему послышалось. Сауд припустил еще быстрее, хотя легкие чуть не лопались от натуги, и пять минут спустя он уже выходил из Дамасских ворот. В горле у него пересохло, а сердце так громко стучало, что, казалось, еще немного, и он перебудит весь квартал.

Обойдя дом Де Гроота на улице Святого Павла, он поднялся по лестнице и толкнул дверь. Она оказалась заперта, тогда он пролез в приоткрытое окно. Оказавшись в комнате, первым делом кинулся к стоявшему перед диваном столику, освещенному настольной лампой. И вздохнул с облегчением. Кожаный портфель с учебниками — на их форзацах четко выведено его имя — лежал там же на коврике, куда он бросил его, когда, начался урок. Зажав портфель под мышкой, он прошел в кухню, налил себе из кувшина воды. Стакан он взял с собой и потом на бегу шваркнул его о каменную стену, добавив осколков к сору на обочине.

Недалеко от Мусорных ворот Сауд свернул за угол, подхватил веревку и, упираясь ногами в каменные выступы, спустился на дно цистерны. Он стоял по щиколотку в иле, дрожа от холода, вжавшись в стену. Вонь городских улиц сюда не проникала, внизу пахло прохладой и сыростью. Оставалось подождать, когда в суке[5] соберется народ, тогда он выберется и смешается с толпой.

Облака наверху наползли полукружьем черных гор и загородили луну. Он сел на корточки,

---

[5] Примечания: 5
Сук — рынок в арабских странах.

закрыл руками лицо. Волосы его слиплись от спекшейся крови и пота. Провел пятерней, разделяя слипшиеся пряди, вытер пальцы об остатки рубашки. Когда вонзился нож, Де Гроот, заливаясь кровью, разомкнул объятья, и он побежал, лавируя меж деревьями, в одну сторону, а Де Гроот, шатаясь, пошел в другую. Сначала он не думал о погоне, но потом услышал позади шум, потом топот, крики и — уже вдалеке — стоны Де Гроота. Но к тому времени, когда, лавируя меж скал и тонких кипарисов, он добежал до церкви, преследователя уже не было ни видно, ни слышно.

Перед самым рассветом женщина с кувшином на боку склонилась над краем цистерны и опустила вниз руку в тщетной надежде коснуться воды. Сауд прикорнул на илистом дне, подложив одну руку под голову вместо подушки, другую вытянув вдоль тела. От ее крика он проснулся в испуге, вскочил и, подхватив портфель, взялся за веревку. Увидев, как со дна к ней лезет нечто серое, облепленное грязью, женщина отпрянула, но Сауд уже выбрался и вновь как безумный мчался по улицам и закрученным каменным лестницам — к построенному губернатором Россом крепостному валу, а за его спиной над арками городских базаров и куполами сквозь тонкие розовые на-

слоения уже пробивался солнечный свет.

3

Утром в свой день рождения — ему исполнилось двадцать четыре — Роберт Кирш проснулся под открытым небом. Среди ночи влажная жара в комнате стала совсем нестерпимой, поэтому, рискуя привлечь рой москитов, он сбросил волглую простыню и вытащил матрас на балкон. Он сел, потянулся — его окружали кривоватые, с толстыми стеблями герани в узких ящиках. Олива раскинула ветви над его головой, а в трещинах на стене росли крошечные розовые цикламены. Как повезло, что ему досталось такое жилье, прямо в центре города.

У Кирша болела голова. Ночь он провел ужасно, наедине с бутылкой арака. Письмо от Наоми все еще лежало на столе в кухне, он читал и перечитывал его, отхлебывая спиртное. Милое письмецо обо всяких пустяках — теннис с Тони, чай в саду с Колином, младший братец залез на грушевое дерево и сломал сук, и лишь в последнем абзаце настоящая новость: она помолвлена уже не с ним, а с Джереми Г'олдторпом, долой старое, да здравствует новое. «С днем рождения!» — так оно заканчивалось.

Но чего еще он ожидал? Нельзя же одновременно сохранять любовь (особенно на расстоянии) и независимость: никто не просил его ехать в Иерусалим и становиться полицейским, он и сам не знал, почему попросился на эту должность — может, хотелось приключений, хотелось повидать что-нибудь помимо Англии, чтобы было о чем вспомнить, когда остепенится.

Он, не одеваясь, вошел в крохотную кухню — выгороженный угол в квартире из одной комнаты, — и приготовил себе завтрак: хлеб, маслины, козий сыр, чашка чая. Еще раз пробежал письмо глазами, потом скомкал его и бросил на пол. Пора двигаться вперед. Есть милая бухарская девушка, которая работает в бакалейной лавке на углу и каждый день ставит свой велосипед у стены напротив его калитки, есть молодая женщина, которую он видел на «Поло граундс»[6] в Тальпиоте, она так соблазнительно прильнула к шее своего коня, или американка, спросившая у него дорогу, когда он переходил улицу напротив почтового отделения, постарше его, лет тридцати, наверно, но с рано поседевшими, почти белыми волосами и с таким милым, открытым лицом.

[6] Примечания: 6

«Поло граундс» — стадион для поло, конной командной игры с мячом и клюшками.

«Первый день в городе», — сказала она. Он бы с удовольствием поболтал с ней, но тут со своего мостика им засвистел регулировщик, размахивая руками в белых перчатках, как безумный мим.

Кирш натянул шорты и вышел с чаем на балкон. Небо, молочно-белое, когда он проснулся, постепенно наливалось бирюзой. Вдали над отелем «Царь Давид» плыл цеппелин, парашютики с почтой плавно оседали вниз — точь-в-точь пушинки одуванчика. Двадцать пять шиллингов тому, кто найдет невостребованную и неповрежденную бандероль. Он сам написал это объявление и распорядился распространить листовки в городе и по всей провинции Иудея. Главным здесь, разумеется, было «неповрежденную». Не так давно, в марте, некое международное отправление сугубо конфиденциального содержания по ошибке попало не в те руки.

Был воскресный день. А не махнуть ли в Иерихон, например, или в Хеврон? — подумал Кирш. Пригласить с собой кого-нибудь, угостить мороженым. Та американка, простившись с ним, направилась в сторону муниципалитета. Положим, она там задержалась — вдруг снова покажется? Нужно сделать что-нибудь, пусть в день рождения будет хотя бы видимость цели.

Когда зазвонил телефон, Кирш застегивал пряжку ремня. Послушал с минуту.

— Бог ты мой, — сказал он. — Сейчас буду.

Кирш сидел за письменным столом Де Гроота, — стол был широкий, из светлого ореха, и весь завален книгами, научными журналами, газетами и множеством исписанных листков. Трудно сказать, успел ли здесь кто-то порыться или это бардак, свидетельствующий о хаотичном складе ума. Окно прямо перед Киршем выходило на южную сторону, на улицу Святого Павла. У местных евреев был обычный рабочий день: крики уличных разносчиков мешались с ревом ослов и — изредка — гудками автомобильных клаксонов. Тело Де Гроота перенесли в городской морг, и его почти сразу опознал один из тамошних работников, еврей-ортодокс из квартала Меа Шеарим. Покойный был известен там как стойкий ревнитель веры.

Кирш открыл записную книжку в кожаном переплете: под заголовком «Kussen»[7] — строчки из витиеватых букв в столбик. Кирш попытался прочесть пару строк: «het voorjaarbuiten is altijd

---

[7] Примечания: 7
«Целовать» (*нем.*).

zoel»[8], но сдался. Он учил немецкий в школе, но это была какая-то китайская грамота, вернее, как он вскоре сообразил, голландская. Он принялся методично просматривать все бумаги, особенно внимательно изучая те, что на английском. Позади него, в комнатушке с беленными стенами, два сержанта, Харлап и Пелед, вытряхивали содержимое из гардероба.

Закончив с тем, что было на столе, Кирш перешел к ящикам. В одном он обнаружил коричневый бархатный мешочек с молитвенной шалью покойного, в другом — мешочек поменьше, с вышитыми золотой нитью еврейскими буквами, в нем Де Гроот хранил филактерии. Узкий выдвижной ящик по центру столешницы был заперт на замок. Кирш подозвал Харлапа, и через пару минут сержант взломал его. Внутри оказалась папка, а в ней — небольшая стопка писем, вернее, машинописных копий, оригиналы которых ушли в Лондон. Де Гроот собирался уехать, и день отъезда, дата которого уже дважды переносилась, намечался в начале следующей недели. Ничего особенного эта информация вроде бы не представляла, если бы не одно обстоятель-

---

[8] Примечания: 8
«По весне всегда я болен» (*нидерл.*).

ство: адрес всей корреспонденции Де Гроота, кроме одного письма, был небезызвестный: Даунинг-стрит, 10, резиденция премьер-министра Рамсея Макдональда[9]. И на единственном письме значился адресат не менее высокого ранга: сэр Майлз Давернпорт, Министерство по делам колоний на Пэлл-Мэлл.

Кирш захлопнул папку и встал:

— Ну что, можем уходить?

Харлап и Пелед, проверив карманы черных костюмов Де Гроота, теперь упихивали одежду обратно в гардероб.

— Нашли что-нибудь? — поинтересовался Харлап, глядя на папку в руке Кирша.

— Ничего особенного. Бедняга готовился в отпуск. Взял билет до Рима на «Ситмар», собирался отплыть из Хайфы в конце месяца.

Кирш запер за собой дверь. Трое мужчин спустились по узкой гулкой лестнице и вышли на улицу.

---

[9] Примечания: 9

Джеймс Рамсей Макдональд (1866–1937) — премьер-министр Великобритании в 1924 и 1929–1931 гг.

4

Бриггс просунул голову в кабинет Росса:

— Он здесь.

— Кто?

— Художник.

Росс махнул рукой: заходите.

— Как выглядит, нормально?

— Богемно, даже чересчур. В берете. И, это…

— Что такое?

— Ну, сами знаете. — Бриггс поднес руку к лицу и описал в воздухе кривую, обозначавшую, судя по всему, длинный крючковатый нос.

— Вот этого не надо.

— Прошу прошения, сэр.

— Ладно, пригласите господина Блумберга.

Росс выбрал из трех лежащих на бюваре печатей одну. Припечатал очередной документ меткой «КАНЦЕЛЯРИЯ ГУБЕРНАТОРА», затем, когда вошел Блумберг, встал и, обойдя стол, шагнул ему навстречу:

— Как я рад, что вы смогли прийти.

Мужчины обменялись рукопожатиями.

— Я получил письмо от Тедди Марша. Я так понимаю, вы надолго сюда? На год?

— Может, дольше.

— Отлично, у нас будет время поближе познакомиться.

На стене за письменным столом Росса висела фотография Алленби[10], входящего в Иерусалим, карта города и несколько довольно посредственных карандашных этюдов в деревянных рамах. Блумберг узнал Купол скалы[11] и Церковь всех наций[12], что в начале Гефсиманского сада.

Росс перехватил его взгляд.

— Сам знаю, что не очень. К сожалению, у меня нет вашего таланта. Зато есть страсть. Просто рука не поспевает за мыслью.

— Бывают исключения.

Росс усмехнулся:

— Счастливые случайности, хотите сказать?

---

[10] Примечания: 10

Эдмунд Генри Хинмен Алленби (1861–1936) — английский фельдмаршал. Во время Первой мировой войны с июля 1917 г. командовал войсками Антанты в Египте и Палестине, в том же году под его началом англичане взяли Иерусалим. Алленби со своими офицерами не въехал в Иерусалим, а вошел пешком, отдавая дань уважения Священному городу. Имя Алленби носят названия улиц во многих городах Израиля; его именем назван и один из мостов через реку Иордан.

[11] Примечания: 11

Купол скалы — исламское святилище на Храмовой горе в Иерусалиме рядом с мечетью Аль-Акса.

[12] Примечания: 12

Церковь всех наций — францисканский католический храм. Построен в 1924 г. в Гефсиманском саду на том месте, где, согласно преданию,

Иисус Христос совершил Моление о чаше.

Нет, у меня все несчастливые. Но прошу вас, садитесь.

Росс помедлил с минуту, взял сигарету из серебряного портсигара. Протянул портсигар Блумбергу, но тот отказался.

— Надо же, как встретила вас Святая Земля! Объятьями мертвеца.

Блумберг натужно улыбнулся. Слишком живо было все в памяти: кольцо слабеющих рук, окровавленный торс, прижатый к его голой груди.

— Как жена себя чувствует? Для нее это было, вероятно, жуткое потрясение. Ужас. Даже представить не могу.

— Мне кажется, я больше испугался.

— Неужели?

— У вас есть какие-нибудь догадки, кто…

— Вы имеете в виду жертву или убийцу?

— Обоих вообще-то.

— Убитый, боюсь, человек довольно известный. Якоб де Гроот. Голландский еврей. Приехал в Палестину как журналист, симпатии всецело на стороне сионистов, но, как это часто бывает, а здесь даже чаще, чем можно предположить — жизнь в Иерусалиме его здорово изменила. В последние годы он восхвалял ультраортодоксов. Этих, знаете, в черных шляпах. Они, как вы, на-

верное, слышали, не слишком одобряют идею еврейского государства: для них это осквернение святой земли, священного языка и так далее. Но Де Гроот был относительно безобидный — поэт, знаете ли, причем довольно известный у себя в Голландии. Правда, я не читал его стихов. — Росс покачал головой. — Бедняга! И все-таки странный случай — арабская одежда и все такое. Хоть мы и не нашли при нем бумажника, вот вам мотив, полагаю. А что касается того, кто его убил, пока никаких идей. Думали, может, вы нам поможете. Расследование ведет капитан Кирш. Вы с ним еще встретитесь. Он…

Росс чуть было не добавил «один из ваших», но вовремя сдержался. Кирш не был похож на еврея и вел себя не как еврей. Вообще-то он ходил в ту же школу, что и племянник Росса, вот только мать его, поговаривали… или отец? Должно быть, все же отец, иначе откуда фамилия. Впрочем, какое это имеет значение?

— …Очень способный, — договорил Росс, но вышло неловко, он сам это понимал. И зачастил, пытаясь скрыть смущение: — Кирш молод, но быстро поднялся. Предпочел вместо Оксбриджа приехать сюда. Он с нами чуть не с тех самых пор, как ввели Гражданскую администрацию.

Два года по меньшей мере. Если что-то срочное, он докладывает непосредственно мне. Лучшего работника в полиции не найти. Если кто и может выследить убийцу, так это он.

Но Блумберг отвлекся: за окном послышался крик уличного разносчика. Художник смотрел теперь мимо Росса, на окно за его спиной, где маячили редкие верхушки деревьев.

Росс взял со стола два листка бумаги и помахал одним из них — это была листовка из Уайтчепелской[13] галереи.

— Выставка, которую вы организовали в прошлом году.

— На Тедди Марша она произвела сильное впечатление. Только еврейские художники, правильно я понимаю? — Росс принялся зачитывать фамилии: —Липшиц, Модильяни, Паскин…[14] и вы.

Блумберг был почти уверен, что Россу эти имена незнакомы. Оно и понятно, зачем они ему?

Росс взял другой листок.

---

[13] Примечания: 13

Уайтчепел — исторический район Лондона.

[14] Примечания: 14

Жак Липшиц (1891–1973) — французский и американский скульптор; Жюль Паскин (псевдоним Юлиуса Мордехая Пинкуса, 1885–1930) — живописец и график Парижской школы.

— А здесь Тедди пишет, — Рос провел пальцем по странице, отыскивая нужное место в письме, — что Тейт[15] приобрел одну из ваших картин.

— Увы, всего лишь рисунок.

— Но даже если так, все равно. Вы в достойной компании.

Блумберг кивнул. Росс, похоже, не имел ни малейшего представления о его манере и уж точно не знал, как пошатнулась репутация Блумберга за последний год. Его февральская выставка — своего рода эксперимент — оказалась провальной. В прессе сплошные нападки и насмешки, продать удалось всего одну работу, что едва покрыло затраты на материалы, а потом — надо же сделать такую глупость — он согласился на серию бесед в галерее, а газетчики только того и ждали. Он запомнил ту разгромную статью слово в слово: «ХУДОЖНИК ОБЪЯСНЯЕТ СМЫСЛ СВОИХ КАРТИН: Марк Блумберг, в настоящее время примкнувший к кубистам, выставляет свои работы в галерее Рэнсома, где раз в неделю излагает посетителям свои теории — вот бы его примеру последовали

---

[15] Примечания: 15

Генри Тейт — основатель художественного музея в Лондоне (галереи Тейта), самого крупного в мире собрания английского искусства XVI–XX вв.

другие кубисты, футуристы и прочие искажисты, особенно иностранные. Тогда мы начнем понимать их картины, а может, и нет».

— Что ж, — сказал Росс и принялся рассеянно перекладывать предметы на столе. — Я рад, что мы познакомились. Если я могу вам чем-то помочь — обращайтесь без стеснения. А Кирш тем временем вплотную займется… этим досадным ограблением, этим убийством…

Росс умолк. Казалось, он хочет о чем-то спросить, но не решается. Блумберг удивился, заметив волнение собеседника, но через минуту губернатор, похоже, собрался с духом.

— Послушайте, старина, — продолжал он. — Не знаю, известно ли вам, но я все это время… как бы это сказать, чтобы вы не сочли за хвастовство… не только я, и другие, конечно, занимаемся восстановлением города. Есть у нас небольшое общество, вернее, на самом деле не такое уж маленькое, общество «За Иерусалим»[16] с отде-

[16] Примечания: 16

«За Иерусалим» — благотворительное общество. Основано в 1918 г. военным губернатором Иерусалима Рональдом Сторрсом и архитектором Чарльзом Робертом Эшби. Целью общества была «охрана и обустройство достопримечательностей Иерусалима и окрестностей». Членами правления общества были арабский мэр Иерусалима, великий муфтий, патриархи православной, католической и армяно-грегорианской церквей, англиканский епископ, главный раввин и президент Еврейского агентства.

лениями повсюду — в Лондоне, Нью-Йорке, в Чикаго. У нас очень бережный подход: больше никакой штукатурки, никакого рифленого железа внутри городских стен, и больше ничего не сносить. Мы заново облицевали оголившиеся участки Купола скалы — вот какие вещи мы делаем. Пригласили гончаров из Мутахии, которые до сих пор работают по старинке, построили для них небольшую гончарную мастерскую, нашли печи для обжига возле аль-Харама[17] — вскоре после того, как заняли город. Ужасно интересно, и результат стоит того. Так вот я и подумал, конечно, может быть, вы вовсе не заинтересуетесь, но, может, если время позволит, не могли бы вы, отвлекшись от других работ, запечатлеть кое-какие места, здания, Муристан[18], к примеру. Естественно, вам заплатят…

Чувствуя, что пересек невидимую грань, Росс замолк.

— Вообще-то я такими вещами не занимаюсь.

---

[17] Примечания: 17

Аль-Харам аш-Шариф (*арабск.*), или Храмовая гора — обнесенная стенами прямоугольная площадь, возвышающаяся над Старым городом в Иерусалиме. Место, где находился Первый и Второй Иерусалимский храм, а сейчас находится мечеть Аль-Акса и Купол скалы.

[18] Примечания: 18

Муристан — комплекс улиц и магазинов в Христианском квартале Старого города в Иерусалиме. На этом месте находился первый госпиталь рыцарей-иоаннитов.

— Нет-нет, конечно нет, вы человек известный, это была просто мысль. Что ж, очень приятно было познакомиться с вами, и если вы передумаете… — Росс покраснел.

Блумберг вышел из канцелярии и, спустившись по лестнице, обнаружил, что его поджидает желтовато-коричневый «бентли» с правительственной эмблемой.

— Сэр Джеральд просил отвезти вас куда скажете, сэр.

Блумберг откинулся на спинку широкого кожаного сиденья. Странно, с тех пор, как приехал в Палестину, он работает только в реалистической манере. Что-то заставило его прийти его к этой, как он считал, старомодной и непривычной для него манере. Публичная порка на страницах лондонских газет? Или что-то другое? Заполоняющий все белый свет? Он и сам не знал. И все же Росс странный какой-то, похоже, искусство его интересует больше, чем убийство.

— Так куда едем, сэр?

Блумберг назвал шоферу свой адрес, но потом передумал и попросил отвезти его в Старый город.

5

Джойс, в свободной белой блузе, длинноватой для нее, — Блумберг обычно надевал ее, когда работал, — стояла на лужайке возле дома и с наслаждением дышала полной грудью. Даже воспоминание о кровавой сцене, все еще живое, не умаляло ее счастья. Если говорить честно, хотя в данный момент она не готова была в этом признаться, то это убийство, эта ужасная трагедия стала как бы первым аккордом того волнующего переживания, которая в мечтах сулила ей Палестина. Об этом городе, Иерусалиме, она мечтала долгими месяцами — промозглой лондонской зимой и унылой весной, и акварельная зыбкость столичных парков и садов, и сердитое кряканье автомобильных клаксонов — все это было для нее не так реально, как Палестина, в которой она никогда не была и на которую возлагала теперь столько надежд.

По натоптанной в высокой траве тропке она дошла до того места, где упал Де Гроот. Полицейские обыскали этот пятачок и все вокруг, но ничего не обнаружили. Джойс наклонилась и поскребла ногтями землю, втайне ожидая

увидеть на пальцах кровь. Внимательно осмотрела грязь под ногтями, потом выпрямилась и направилась в дальний угол сада, где торчали три валуна, поросших цикорием и маками. Воздух звенел, черно-белый удод рассекал воздух, словно подписывая и присваивая пространство, принадлежащее только Джойс и Блумбергу. Она чувствовала, что, в отличие от всех ее прежних увлечений, на этот раз она не разочаруется. Когда она в последний раз была на сионистском собрании — моросящий дождь, как всегда, казался нескончаемым, — Лео Кон с улыбкой сказал ей, что по приезде в Иерусалим с ней свяжутся и уточнят, как именно она может помочь. Скорей бы уже, думала Джойс, мысленно представляя, как здесь пригодятся ее таланты. Конечно, она может давать уроки, предпочтительно живописи или танцев, но если нужен только физический труд — она и на это согласна. Она даже не против того, чтобы дробить камни или копать, вообще возьмется за любую работу — это станет для нее проверкой на прочность и закалит.

Марк не подозревал, насколько она связана с сионизмом, он думал, что ее увлечение ближневосточной политикой (как он это понимал) не более чем прихоть скучающей домохозяйки:

сейчас она хочет помочь евреям обрести родину, но с тем же успехом могла бы играть в бридж.

Джойс вернулась в дом. Стены, розовеющие в сумерках, когда она впервые их увидела, соответствовали, как объяснил Обри Харрисон, вручая им ключи от двери, предписанию губернатора: все новые постройки должны быть из известняка и с красной черепичной крышей. И заброшенный вид домика, и временный беспорядок ей нравились, хотя туалет с роем мух, представлявший собой дырку над выгребной ямой, — даже после знакомства с лондонской средневековой канализацией — это было уже чересчур. Тем не менее сама мысль о том, что в доме и в саду придется поработать, давала радостное чувство единения с еврейскими поселенцами, которыми она так восхищалась. И опять-таки, своими восторгами она не могла поделиться с Марком. «Ты ведь даже не еврейка!» — напомнил бы он ей, как обычно, при том что ее товарищи-сионисты на собраниях в Тойнби-Холле[19] считали, что это совершенно неважно.

Свет, сочившийся сквозь решетчатые ставни,

[19] Примечания: 19

Тойнби-Холл — общежитие в лондонском Ист-Энде для студентов Оксфордского и Кембриджского университетов, занимающихся благотворительностью.

складывался в узор из полосок и точек на застланном желтыми циновками полу. Джойс прошлась по тесной комнатушке, прибралась немного. Нога под коленом чесалась — острые травинки искололи ноги. Она расставила картины Марка у стены, рассортировав их по размеру. Его тесная кухонька-мастерская на Степни-уэй, пропахшая вареными овощами, была, наверное, вполовину меньше этой комнаты. Когда она впервые пришла к нему в гости вместе с подругой Анной Марсден, обшарпанный обеденный стол был завален набросками, на которых была изображена грузная женщина с простоватым лицом — его мать, другая модель была ему не по средствам, — но все стены были увешаны картинами, а больше всего места занимало огромное полотно, от пола до потолка. Эта громадная картина поразила Джойс, на ней какие-то люди выходили из грузового отсека корабля, но у Блумберга они были как нелепые марионетки, состоящие из завитков и спиралей в красных, лиловых, синих тонах. При этом они были вполне ощутимыми, живыми. Она загляделась и забыла обо всем.

Анна, желая оставить Джойс наедине с художником, работа которого ей так понравилась, внезапно вспомнила, что у нее есть одно очень

важное дело и ей надо бежать. Марк стоял на массивном стуле и, вытянув руку, подправлял что-то в верхнем углу картины. Джойс смотрела, как он работает. Из-за убогости обстановки ей поначалу было не по себе, но присутствие Марка возбуждало, и вскоре она следила за ним во все глаза и уже только и ждала, когда же он наконец отложит кисти и поговорит с ней, а позже, как знать, и обнимет ее. Так все начиналось, за этим последовали недели бешеной страсти, знакомой всем, кто когда-либо был влюблен. Теперь она уже точно не знает, почему стала уговаривать его уехать из Лондона в Палестину — чтобы его спасти, чтобы спасти их брак или по своим сугубо личным причинам. Но каковы бы ни были ее мотивы, новая страна, куда она только что прибыла, обещала кучу возможностей.

В дверь постучали.

— Входите! — крикнула Джойс и, вдруг сообразив, что кроме блузы Марка на ней ничего нет, стала в спешке надевать юбку.

Молодой человек в отутюженной, но грязноватой белой униформе толкнул дверь и остановился на пороге.

— Ой, прошу прощения.

И отвернулся в смущении, пока Джойс натя-

гивала юбку. Но все же мельком успел увидеть белые бедра и черный треугольник волос.

— Сама виновата, не следовало приглашать.

Кирш постарался собраться с мыслями.

— Госпожа Блумберг?

Она кивнула.

— Роберт Кирш. Я очень не вовремя? Могу зайти позже.

Джойс разгладила ладонями юбку и заморгала, глядя на яркий свет из-за двери, очерчивающий высокую, стройную фигуру Кирша.

— Вы из полиции?

— На самом деле я и есть полиция.

Кирш смотрел на Джойс со смешанным чувством радости и разочарования. Он узнал ее. Седые волосы, тогда на улице собранные в пучок, теперь рассыпались по плечам, а это бледное, красивого очерка лицо и поразительные серо-зеленые глаза просто невозможно забыть.

— Ну, тогда входите.

Ему пришлось пригнуться, чтобы не удариться о притолоку. На тонком покрывале была сложена одежда и обувь. Один сундук, вероятно уже опорожненный, стоял у спинки кровати, другой, с открытой крышкой и почти пустой, перед кроватью. В углу у стены рядком стояли несколько

картин Блумберга. В комнате оказался только один стул.

— Не беспокойтесь, — сказал Кирш. — Я постою.

Джойс сдвинула стопку блузок, села на уголок кровати, указав Киршу на стул.

— Ужасная история, — начал он.

— Действительно неприятная, однако я жива.

У нее был американский выговор с едва заметными британскими нотками, но последнее скорее наносное, подумал он.

— Не возражаете? — Кирш достал из нагрудного кармана небольшой блокнот.

— Я уже ответила на кучу вопросов.

— Да, я знаю, но первыми здесь оказались — как бы это помягче выразиться? В общем, эти констебли по особым поручениям не очень умеют брать показания.

— Не знаю, что могла бы добавить. Все произошло так быстро. Он навалился на Марка, а после все было в крови.

— Он сказал что-нибудь?

— Стонал. А потом — такой жуткий булькающий звук в горле.

— Но слов вы не разобрали — может, он что-то хотел сказать?

Джойс задумалась. Вновь как наяву увидела окровавленного мужчину на лужайке, но вспомнила только собственный истошный крик.

— Была такая неразбериха, — сказала она. — В какой-то момент я, если честно, даже подумала, что это кровь Марка.

Кирш пристально посмотрел на нее.

— Может, — сказал он, — выйдем и вы покажете мне, где именно вы стояли?

Над желтоватой травой жужжали невидимые трудяги-насекомые. Кирш обошел сад, потом встал на четвереньки и пополз от пролома в зеленой изгороди к проплешине, образовавшейся на том месте, где сцепились в смертельных объятиях Де Гроот и Блумберг. Сделал пометки в блокноте, потом захлопнул его и с улыбкой обернулся к Джойс:

— А мы ведь с вами уже встречались, не припоминаете?

Она удивленно вскинула брови:

— В Англии?

Кирш рассмеялся.

— В Нью-Йорке?

— Нет-нет, здесь. Пару дней назад, в городе. Вы еще спросили у меня дорогу. На самом деле именно в тот день вам так не повезло.

— Ну, кому-то в тот день повезло еще меньше.

Кирш смутился — совсем как провинившийся школьник, подумала Джойс, и в довершение картины принялся теребить складки на своих белых гольфах.

— Это было возле почтового отделения.

Джойс улыбнулась Киршу — из вежливости. На самом деле она начисто забыла о той встрече.

— Что ж, вы мне очень помогли, — сказал он.

— Правда?

— Еще я хотел бы знать, где я могу найти…

— Марка?

— Да.

— Он должен был вернуться еще час назад.

— Да, я тоже так думал… Я хочу сказать, по-моему, он вышел из конторы губернатора… — Кирш замялся.

— Он редко появляется там, где его ждут.

— Понятно.

Была ли в ее голосе горечь или это Киршу показалось?

— Что ж, — сказал он, — мне пора идти.

— Простите, что не смогла угостить вас. Мы еще не вполне обустроились на новом месте.

— Не беспокойтесь, — ответил Кирш.

Он помедлил с минуту, и она заметила, что он

смотрит на ее волосы.

— Это после инфлюэнцы, — сказала она, — тогда эпидемия всех косила. Мне повезло, я выкарабкалась. Но пока я болела, у меня выпали все волосы, а когда снова отросли, то были уже седые. Но постойте, — она встряхнула головой, словно отмахиваясь от неприятных воспоминаний, — что же передать Марку?

— Попросите его позвонить мне.

Кирш записал свой номер и вручил ей бумажку.

Он уже шел к калитке, когда она окликнула его. Он обернулся:

— Простите, что вы сказали, я не расслышал?

— Я спросила, что вы здесь делаете. Почему приехали в Иерусалим, в Палестину?

Кирш улыбнулся.

— Я и сам толком не знаю. На то было много причин, но ни одной серьезной, по-моему.

Ее, похоже, устроил такой ответ.

— А кто, как вы думаете, совершил это убийство?

— Моя задача в том, чтобы это выяснить.

— И как, нашли что-нибудь?

— Мы только приступили к расследованию.

Ему хотелось поделиться с ней информацией,

чтобы лишний раз продемонстрировать свою значимость и осведомленность, но кроме писем, которые Де Гроот посылал в Англию, а об этом как раз следовало помалкивать, ему нечем было похвастаться.

— Понимаю, — сказала она. — А вам не интересно знать, почему я оказалась здесь?

Кирш чуть не ответил «из-за мужа», но он знал, что современным женщинам подобный ответ вряд ли понравится. Война все изменила. Даже его мать, образец уступчивости, начала возражать отцу в ответ на некоторые самые невозможные его требования: нет, она больше не будет скатывать его носки попарно, перед тем как убрать их в комод.

— Не знаю, почему вы сюда приехали, — сказал Кирш, — но я рад, что вы здесь.

Она улыбнулась, но он отвернулся и быстро пошел прочь, словно желая зачеркнуть сказанное.

Когда Кирш ушел, Джойс вернулась в дом, налила себе бренди и уютно устроилась на стуле, закинув ноги на кровать. Не было сомнений в том, что Марк с ней лишь дома и в постели, но не в мыслях. Признаки надвигающейся катастрофы нетрудно было заметить: полный провал последней его выставки, после чего он стал замкнутым

и угрюмым, смерть матери и нежелание принимать от нее помощь и поддержку. Он сидел один за кухонным столом в бывшей Вериной квартире, перебирал ее поношенные платья, а потом накрывал голову материнским платком, словно молитвенной шалью. Джойс хотела обнять его, но он расставил локти — не подходи. Скорбел в одиночестве.

А если он ушел, то что это значит для нее? Не будет она изображать безутешную брошенную супругу. Ее мать в квартире на Риверсайд-драйв, после того как отец Джойс ушел «к той женщине», жила уединенно и печально, как безутешная вдова на фоне черного Гудзона, ставшего идеальным задником для ее мелодрамы, и очень рассчитывала, что Джойс, тогда восемнадцатилетняя, предастся тоске с ней заодно. Что ж, она не впала в отчаяние ради матери, не впадет и из-за себя.

Джойс глотнула бренди, передернула плечами и встала. Вышла в сад, и сразу же ее окружило облако бабочек, порхающих над цветами как взвихренные конфетти. Лицо мертвеца всплыло над древесными кронами, устремляя на нее неподвижный взгляд. Она смотрела на него в упор, пока оно не исчезло.

Она надеялась, что человек от Лео не заставит

себя долго ждать. Несмотря на все, что случилось — а этого более чем достаточно для одной недели, — ей не терпелось приступить к делу.

6

В Старом городе Блумберг вскоре нашел кафе, устроился за столиком и заказал кофе и бутылочку арака. Площадная суета — вот нищий с длинными нечесаными патлами пристает к стайке туристов, а у бакалейной лавки два бородача торгуются из-за цены, а вот мальчик катит на тележке большую корзину, доверху наполненную стручками красного перца — скрашивала одиночество. Его друг Джейкоб Розен, когда они были во Франции, без конца говорил и писал о Иерусалиме, мечтательно, с придыханием. Сидя в зловонном окопе и ожидая, что очередной снаряд вот-вот размозжит им головы, Джейкоб, с огрызком карандаша в руке, сочинял стихи о Иерусалиме, которого никогда не видел, о котором грезил. Блумберг подумал: может, он здесь из-за Джейкоба: привез мертвого на родину, показывает призраку рыночную площадь. Будь он правильным евреем, он пошел бы к Стене Плача и помолился о Джейкобе, а потом и о маме.

За соседним столиком старик в красной феске чистил монеты. Окунал ватку в оливковое масло, затем протирал намокшим шариком очередной

кругляш из стопки. Слишком колоритный, решил Блумберг, нужно что-нибудь более правдоподобное. Вынул из кармана блокнот, разломал палочку угля и стал, точными закругленными штрихами, изображать гору арбузов на ближайшей телеге. Подобрал с пола кусок свежего белого хлеба, оброненный с чьей-то тарелки, — будет ему вместо ластика. Он успел сделать несколько рисунков — только предметы, без людей — и наконец заметил, что площадь перед ним опустела. Поднял глаза: над горизонтом поблескивала Полярная звезда. Мимо прошли две женщины с глиняными кувшинами, направляясь к колонке, что была чуть дальше по улице. Но как ни крутили женщины ручку — все без толку. В конце концов им удалось выжать тонкую струйку, но и она через пару минут иссякла. Блумберг слышал от кого-то, что в городских цистернах не хватает воды.

Пора было уходить, Блумберг неохотно поднялся. Закончился его последний день свободы, и добрую половину его он потратил на пустую болтовню с власть имущими. А завтра с утра ему знакомиться с пионерами-социалистами с

еврейской женской рабочей фермы[20] — такая же тоска.

Теперь домой. Не следует оставлять Джойс надолго одну, учитывая недавние события. Но Россу он сказал правду — он действительно после убийства долго не мог успокоиться, его всего колотило, пока Джойс спокойно смывала с него запекшуюся кровь.

На обратном пути к Дамасским воротам к нему прилепилась стайка босоногих мальчишек в обтрепанных джеллабах. Они тянули его за рукава, тыкали в лицо грязными ручонками. Блумберг вложил несколько пиастров в протянутые ладони, шуганул их и прибавил шагу.

Он миновал ворота, обогнул навесы для зерна и вереницу автомобилей, простаивающих в ожидании туристов. Он слишком устал, идти пешком не хотелось, но на такси денег ему не хватит. Направился к автобусной остановке на вершине холма и через некоторое время обнаружил, что идет в круге света — за ним медленно, словно карауля его, ехал автомобиль. Блумберг обернулся. Это был тот самый желто-коричневый «бентли», подвозивший его накануне. Автомобиль порав-

[20] Примечания: 20

Речь идет об учебных фермах для девушек-иммигранток. Там обучали тех, кто хотел работать на земле, не имея трудового опыта.

нялся с ним и остановился. Стекло медленно опустилось, и он увидел Росса.

— Вот здорово! Я так и знал, что это вы. Вас подвезти?

Блумберг хотел было отказаться, но ноги у него гудели, да и Джойс, должно быть, заждалась.

Он устроился на заднем сиденье рядом с Россом.

— Работали?

— Да.

— Удивительное место, согласны? Бесконечно вдохновляет.

— У меня было мало времени.

— Да-да, конечно.

Оставив позади городские улицы с редкими фонарями, машина свернула к Абу-Тору, и не успел Блумберг назвать адрес, как они уже катили прямиком к его дому. Росс открыл свое окошко, снаружи потянуло дымом кизяка.

— Не поймите превратно, то, что я вам сейчас скажу, это так, предположение… У вас здесь нет полноценной мастерской. После того как мы сегодня простились, мне вдруг пришло в голову — крыша моего дома, там есть навес, а места предостаточно. Чем не мастерская? Сверху весь город видно. Завораживающее зрелище. Никаких

обязательств, естественно, — рисуйте что хотите.

— Очень любезно с вашей стороны, но я правда не знаю, когда выберу время…

— Да когда угодно, днем ли, ночью — без разницы. Вы нас не потревожите, а мне будет ужасно любопытно посмотреть на ваши работы.

— Что ж, я непременно об этом подумаю.

Повисла долгая пауза. Росс смотрел в темное стекло. В окнах домишек, изредка встречавшихся им на пути, мерцали керосиновые лампы. Через десять минут машина притормозила.

— Кажется, приехали.

Блумберг вышел из машины, пожелал Россу спокойной ночи.

— Может, вы еще передумаете. В любом случае приезжайте, видами полюбуетесь.

Блумберг подождал, когда огни машины Росса исчезнут вдали, после этого сошел на обочину и справил малую нужду в эвкалиптовой роще. В нескольких шагах от него прошествовала коза, ржавый колокольчик у нее на шее глуховато позвякивал. Блумберг подошел к дому и встал под окном. Джойс набросила на лампу кружевную салфетку и читала, сидя в кресле. Он тихонько постучал пальцами по стеклу — она сразу же подняла глаза, но не испуганно, подумал он, а

как будто ждала кого-то. А убедившись, что это Блумберг, быстро захлопнула книгу.

7

Кирш шагал к дому Росса, где, по его соображениям, вечеринка была в самом разгаре. Он опоздал, потому что уже после того, как все ушли, просидел за рабочим столом еще два часа, изучая скудные свидетельства, с горем пополам собранные его людьми на предполагаемом месте убийства: несколько узких клочков ткани с запекшейся кровью, зарисовки неопределенных вмятин в пыли на том месте, где происходила борьба, описание ободранных кустов и прерывистой тропки, вроде бы указывавших, в каком направлении скрылся нападавший. Однако у них нет ни орудия преступления, ни очевидцев. Нужен информатор, иначе дело не сдвинется с мертвой точки.

Двадцать четыре часа в его кабинете было на удивление тихо, а потом вдруг как прорвало: телефон трезвонил без перерыва, срочно явиться к верховному комиссару, «дело очень серьезное»… «город в настоящий момент как пороховая бочка»… «крайне щекотливая ситуация»… «убийство такого известного лица бог знает к чему может привести». Кирш вернулся в контору, а там его

поджидал Росс, хотя Россу, как обычно, на все наплевать, — добрых полчаса расписывал свой последний архитектурный проект и приготовления к сегодняшней вечеринке. На фоне этого даже письма Де Гроота к Рамсею Макдональду, похоже, его не слишком заинтересовали. «К премьер-министру кто только не обращается! Уж не думаете ли вы, что он действительно собирался встретиться с бедолагой? Ответных писем в вашей пачке нет». Но, при всей своей беспечности, Росс, уходя, все же бросил ему: «Поднажмите, старина». Все валят на Кирша.

Кирш позвонил у двери. Он узнал сладкий запах вьюнка каракаллы, притаившегося в темноте меж гелиотропом и цветущим кактусом. Дворецкий открыл дверь, и Кирш, войдя в дом, сразу же оказался в толпе гостей. Вся иерусалимская верхушка была здесь — муфтий, кади, судьи и адвокаты, как еврейские, так и арабские, и, конечно же, множество британских военных. Росс уговорил одного стеснительного солдатика спеть, и под аккомпанемент одной-единственной скрипки коренастый веснушчатый парнишка принялся выводить рулады новомодного лондонского шлягера.

Кирш лавировал в толпе, вглядываясь в лица,

он был почти уверен, что она здесь. Через пять минут он вышел на просторную террасу. Оглядел парк под балюстрадой, и в желтых полосах света, лившегося из окон гостиной, увидел Джойс — она прогуливалась в одиночестве под перечными деревьями. Волосы ее были собраны в тугой пучок на макушке. Он окликнул ее, но в этот момент ее муж выдвинулся из тени и взял ее за руку. Кирш видел, как она обернулась к Блумбергу и склонила голову ему на плечо. Жест отчаяния, подумал Кирш, но, может, ему просто хотелось так ее видеть. Блумберг, ненамного выше жены, застыл как вкопанный и что-то стал ей говорить.

— Как продвигаются дела, Роберт? — Это был Росс. Он подошел к Киршу и посмотрел туда же — на художника и его жену.

— Боюсь, не очень, сэр.

— Странно.

— Да, сэр.

— Я имел в виду: какого черта Де Грооту понадобилось рядиться в арабское?

— Удобная одежда при здешнем климате, сэр.

Еще не договорив, Кирш понял, что ответ звучит по-идиотски.

— Свидетели?

— Только те, что вы видите, сэр. — Кирш кив-

ком указал на Блумбергов.

— Вы уже побеседовали с ними, верно?

— Только с женой, сэр. С Блумбергом увижусь завтра, надеюсь. Вчера он был вне досягаемости. Пропадал где-то.

— Полагаю, рисовал в пустыне.

Кирш возмутился, ему очень хотелось спросить, почему Росс сразу не поделился с ним этой информацией, но счел за лучшее промолчать.

— Сионисты потирают руки, естественно, — продолжал Росс. — Де Гроот был у них как заноза. Они терпеть не могут всех этих ребят из Агуды[21]. Нетрудно понять почему. Де Гроот и его товарищи видят в сионистах опасных кощунников, оскверняющих Святую Землю. — Росс скривил губы в улыбке. — Но постойте-ка, насчет тех писем, возможно, я немного поспешил. Может, вам следует побеседовать с кем-нибудь в Лондоне?

— Уже побеседовал, сэр.

— О, неужели? Хвалю. В чем дело? Что затевал наш покойник? Замахнулся он высоко. Вот так

---

[21] Примечания: 21

Агуда, Агудат Исраэль — всемирное еврейское религиозное движение ортодоксальных евреев, объединенное в политическую партию, целью которой является стремление сохранить устои еврейской религии и традиции, еврейского общества на основе Алахи. Эта партия была популярна среди ашкеназской диаспоры в Восточной и Западной Европе в конце XIX — начале XX в.

запросто поболтать с премьером, потом с сэром Майлзом. С тех пор как Вейцман[22] начал мутить воду, каждый средиземноморский жалобщик пытается надавать нашим ребятам кучу советов.

— Кажется, оригиналы писем так и не дошли до адресатов, сэр. Никто о них ничего не знает. Вы, кажется, считаете, что он в любом случае не получил бы аудиенции.

— Да, хотя, думаю, все зависит от того, что он собирался рассказать. Подозреваю, что-то такое, чего мне не следовало знать. Надеюсь, Роберт, вам удастся выяснить, в чем дело. Вы докопаетесь до сути, верно? Даже если для этого придется наступить на чью-то мозоль.

— Именно так, сэр.

— Поторопитесь, надо найти убийцу, пресечь зло на корню, так сказать.

Росс помахал рукой Блумбергам, которые решили, по-видимому, вернуться и присоединиться к гостям. Когда они подошли ближе, он крикнул:

— Вы уже были на крыше? Я вас отведу. Там от луны светло. Хочу показать вам кое-что. Не пожалеете.

---

[22] Примечания: 22

Хаим Вейцман (1874–1952) — ученый-химик, политик. С 1921 по 1931 г, президент Всемирной сионистской организации. Впоследствии первый президент Государства Израиль.

Блумберг ускорил шаги, но Джойс медлила. Кирш слышал, как художник сказал:

— Я пойду один.

Кирш быстро сбежал по ступенькам и, когда Джойс поднималась, перехватил ее на середине лестницы. Она прошла бы мимо, не удостоив и взгляда, но он осторожно коснулся ее руки:

— Чудный вечер!

Она улыбнулась:

— Да, действительно.

Джойс глянула на освещенные окна зала. Солдатик уже допел песню, играл один скрипач. Джойс поднялась еще на пару ступенек, остановилась. Потом вдруг обернулась к Киршу:

— Объясните мне одну вещь, Роберт. Когда за нами пришла машина, шофер сказал, что по главной дороге всюду рассыпаны гвозди и придется ехать в объезд. Кто это сделал и зачем?

Кирш улыбнулся, радуясь, что вопрос такой легкий.

— Таксисты бастуют. Не хотят, чтобы другие водители переманивали пассажиров. Если знаешь, по каким дорогам лучше не ездить, то все нормально.

— А у вас тут есть машина?

— Да.

Кирш старался не глядеть на вырез ее короткого жилета, надетого под белый жакет и застегнутого лишь до середины. Появиться в такой вызывающей одежде среди консервативных дам — смелый поступок, как пощечина старым девам, всем этим пожилым дамам, вздыхающим о шейхах. С другой стороны, она ведь жена художника. Может, некоторая лихость у них в порядке вещей.

Джойс улыбнулась ему:

— А что, если я попрошу вас сделать со мной круг по безопасным дорогам?

— Но… — Кирш опешил. — Хорошо, отлично, с большой охотой.

— Тогда поехали.

— Прямо сейчас?

— Или вам хочется еще скрипку послушать?

Кирш почувствовал, что краснеет. Джойс стала подниматься по лестнице.

— Не обязательно, — сказал он. — Можно выйти через сад.

— Ладно.

Она шла за ним вдоль стены, увитой вьющейся геранью с розовыми, как фламинго, цветами. Широкие рукава ее жакета задевали темную листву. Потом они вышли на подъездную дорогу.

С того места на крыше, откуда Блумберг обозре-

вал Старый город, он видел, как Кирш открывает перед Джойс дверцу машины. Видел, как она снимает жакет, сворачивает его и наклоняется, чтобы положить его на заднее сиденье. Как садится в машину бочком, потом подбирает ноги. Как Кирш закрывает дверцу, обходит авто спереди и сам садится за руль. Казалось, прошла вечность, прежде чем машина тронулась с места. Рука Джойс в окне белела четкой полоской, потом полоска исчезла. Автомобиль плавно покатил вниз с холма. Блумберг провожал его взглядом, пока габаритные огни «Форда» не скрылись за поворотом.

Они сидели в машине на боковой улочке возле британского полицейского училища. Кирш сам не знал, зачем привез ее сюда. Место совсем не живописное. Несколько пыльных эвкалиптов вдоль дороги. На ближайшем поле виднеются палатки — там скоро начнут строить новый пригород.

Он заглушил мотор.

— Сигаретки не найдется? — сказала Джойс. — Пожалуйста, скажите, что у вас есть!

Кирш передал ей пачку «Плеерс». Джойс взяла две сигареты, одну предложила ему. Он достал из кармана спички. Джойс сделала глубокую

затяжку, откинулась на сиденье: теплый воздух доставлял почти плотское наслаждение. Странно, но она здесь как дома, совершенно необъяснимо, но это так. Некоторые путешественники, впервые попав в Париж или в Мексику, говорили, что у них было такое чувство, словно они вернулись в родные места, но она давно уже знала, что ее место — здесь, в Иерусалиме, и город не мог разочаровать ее.

Они посидели молча пару минут, потом Кирш, чтобы заполнить паузу (только ли?), начал рассказывать о своем старшем брате Маркусе, который погиб первого апреля 1918-го, в День дурака — даже не верится, правда? Собственный королевский ланкастерский полк. Армия, чтоб ее, два года не могла найти могилу. В конце концов они поехали во Францию. Кирш, его родители, двоюродная сестра Сара, все они стояли под дождем возле той деревушки, Фампу. Отец прочел кадиш[23], никогда раньше не слышал, чтобы тот говорил на иврите. Армия заплатила за надгробие, высеченное на надгробии имя оплатила, но и только. Маркус мечтал стать художником и был не лишен таланта, как оказалось. Мать

[23] Примечания: 23
Поминальная молитва.

попросила добавить: «художник», за это с них запросили целых три фунта и три пенса. Конечно, не деньги.

Кирш понимал, что говорит сумбурно, а ведь это были важные вещи, и он очень хотел бы рассказать о них иначе. Но она, похоже, не слушала. В конце концов, закончил он, вероятно, именно из-за Маркуса он и оказался в Иерусалиме. Нужно было совершить нечто такое, что его брату не удалось, убежать подальше от своего горя, от скорби родителей, из-за которой в доме стало совсем невмоготу.

— Погодите-ка, — сказала Джойс. — Ваш отец читал кадиш? Так вы еврей?

Кирш утвердительно кивнул.

Джойс рассмеялась.

— Извините, — сказала она. — Даже не верится.

— Я этого вовсе не стыжусь. — Действительно ли не стыдился? На самом деле Кирш был не так уж в этом уверен.

— Конечно, с какой стати? Но вы британский полицейский. То есть я хочу сказать, разве вы… разве не видите, что оказались не с той стороны баррикад?

Кирш почувствовал, что краснеет.

— Не понимаю, о чем вы.

— Да бросьте, все вы прекрасно понимаете.

Джойс тут же пожалела о сказанном. Она перегнула палку. Сама виновата, надо сдерживаться, не осуждать сгоряча.

Кирш смотрел прямо перед собой.

— Пожалуйста, простите, — сказала она. — Я здесь почти неделю. Мне очень жаль вашего брата.

Окна в машине были открыты. Кто-то свалил у дороги в кучу пустые канистры для бензина.

— Спасибо, — ответил Кирш.

Джойс стряхнула пепел в окно, потом открыла дверцу машины, выбросила окурок и придавила его туфелькой. В лунном свете можно было разглядеть стены полицейских казарм, асбестовые плиты в стальных рамах.

— Подышим воздухом?

Она вышла из машины, прошлась немного, и на душе стало легче. В конце концов, ничего плохого не случилось. Кирш встал рядом с ней. Ему хотелось ее обнять. Перед ними, точно колючая проволока, раскинулись побеги пыльной инжирной опунции. И хотя ночь была теплой, Джойс вдруг поежилась, как от озноба. Кирш сбегал к машине, взял с заднего сиденья свой пуловер.

— Вот так-то лучше, — накинул пуловер ей на плечи и завязал рукава узлом на груди. — А ваш муж, — продолжал он, — он не будет против, что мы здесь?

— Вряд ли, — ответила Джойс. — Скорее даже обрадуется.

— Почему? У него кто-то есть?

— По-моему, ему никто не нужен. Во всяком случае, сейчас.

— Даже вы? Не верю.

Джойс усмехнулась.

— Вы ничего обо мне не знаете, — сказала она. — И о нем тоже.

Кирш чувствовал: у него дрожат руки. Джойс может говорить все, что угодно, даже самое обидное, и все равно его так и тянет ее поцеловать.

— А теперь, — сказала Джойс, — отвезите меня обратно.

Назад они ехали молча. Он высадил ее у подъездной аллеи, ведущей к губернаторскому особняку. Они отсутствовали не больше часа, гости еще не начали расходиться. По всей вероятности, их никто не хватился. Кирш хотел было спросить, когда он может снова ее увидеть — не в порядке расследования, — как вдруг она обернулась к нему.

— Он произнес имя, — произнесла она задумчиво, словно пересказывала сон. — Убитый произнес одно имя.

8

В первый час после рассвета на крыше было еще холодно. Блумберг предусмотрительно надел вельветовые брюки и толстый вязаный свитер, верно прослуживший ему не одну лондонскую зиму. Голову прикрыл широкополой соломенной шляпой. Джойс говорила, что он в ней похож на гаучо. По просьбе Росса кто-то из прислуги соорудил для Блумберга навес — три занавески и полог: когда поднимался ветер, он надувался и хлопал, как корабельный парус. Еще накануне Блумберг начал размечать полотно углем: как только утреннее солнце встало из-за холмов, весь город был перед ним как на ладони. Такие вещи он мог делать с закрытыми глазами — и, наверное, так было бы даже лучше. Это же за деньги. Но нет. Он вынужден был признаться себе, что из всех мест, которые приметил, чтобы потом запечатлеть — ради чего его сюда и послали, — эти крыши больше всего пришлись ему по душе. Блумберга не вдохновили ни рабочая ферма, ни девчонки в уродливых черных шароварах, ни монотонный труд каменотесов, который ему велено было запечатлеть, он ненавидел жару

и собственное бесчувствие. А если говорить о «настоящей» живописи — так ее попросту не было. К ночи он вконец выматывался. Падал на постель, закрывал глаза и притворялся, что спит. Однажды Джойс прилегла рядом и принялась гладить, пытаясь возбудить, но краткая попытка близости была такой неудачной, что она отвернулась к стенке. Джойс в нем разочаровалась, хотя иногда кажется, что он ей безразличен. А раз так, то непонятно, почему она все еще с ним. Может, ждет, когда он сам ее отпустит. Не то чтобы у него не осталось к ней чувств, скорее, ни к кому не осталось. Ни к кому из живых. Любовь похищена смертью: он видит материнские руки, красные от стирки, с распухшими суставами — и глаза Марка, мамочкиного сынка сорока одного года от роду, застилают слезы. Не повезло Джойс.

Определенно в нынешнем расположении духа Блумбергу лучше находиться здесь, над серыми куполами и тесаным камнем, а не в их домике. Росс, возможно, даже не предвидел, какое преимущество для Блумберга — отдалиться, оказаться в месте, где люди так далеко, что едва различимы в пейзаже. Он нарисует этот Священный город для своего покровителя, и, в конце концов, если у него останется время для себя, вернется «настоя-

щая» живопись.

— Чай, сахар, лимон, хлеб, джем? Последний местного приготовления, можете себе представить?

Росс сделал несколько робких шагов, не желая отвлекать художника. Положил поднос прямо на крышу в нескольких шагах от плетеного кресла и поспешно удалился, как будто это Блумберг, а не он здесь губернатор.

Блумберг продолжил работу. Он был бы не прочь сделать передышку, как не возражал и против завтрака, но только лучше Россу этого не показывать. У Росса явно сложилось представление о художнике как о существе возвышенном, и он не станет его разочаровывать, во всяком случае, на этом первом этапе их знакомства, и уж точно не раньше, чем ему заплатят. Когда же, по расчетам Блумберга, Росс должен был дойти уже до середины лестницы, но все еще мог его слышать, он крикнул вслед «спасибо».

Но Росс все еще был на крыше, маячил поодаль, глядя, как на холсте под кистью Блумберга все явственнее проступают очертания города.

— Знаете, когда мы приехали, они чуть не снесли старый сук аль-Каттанин. Изначально это был рынок торговцев хлопком — отсюда и название,

разумеется. В архитектурном плане это определенно самый важный крытый рынок во всей Палестине и в Сирии. Совершенно очаровательный. Сохранять — важное дело, не правда ли?

— Смотря что сохранять, — отвечал Блумберг, не отрывая глаз от холста.

— А, так вы уже слышали…

— Слышал что?

— Ну, меня критикуют некоторые. Говорят, я питаю слабость к христианским постройкам.

— А это правда?

— Вовсе нет. Взять хотя бы сук аль-Каттанин. Тогда мы убрали от Яффских ворот эту чудовищную турецкую «юбилейную» башню с часами — и не из религиозных, а из чисто эстетических соображений, это было важно для восстановления облика стен. Некоторые, похоже, думают, что наше общество занимается прозелитизмом, каждый раз, когда мы сдираем какую-нибудь ужасную марсельскую черепицу[24] или рифленое железо.

Блумберг отложил кисти и демонстративно отер рукавом пот со лба. Росс верно истолковал

---

[24] Примечания: 24

Керамическая «марсельская» черепица промышленно производилась с середины XIX в. Поставлялась в разные страны, в том числе и в Османскую империю.

это как знак, что ему пора удалиться.

— Ужасно извиняюсь, — сказал он. — Напрасно я вас потревожил. Надо, чтобы вы сами почувствовали. Но не мог остановиться, понимаете ли. Этот город стал моей навязчивой идеей. Думаю, с вами будет то же самое.

Блумберг глядел поверх куполов, башен и шпилей на суровые горы, окаймлявшие горизонт. С тех пор, как он приехал в Иерусалим, его не отпускала лишь одна навязчивая идея: прекратить ту единственную деятельность, от которой он не в силах был отказаться: его работу. «Смерть, — сказал как-то один его лондонский приятель, — самый желанный выход для художника. Это означает, что ему больше не нужно будет писать».

— Оставайтесь здесь сколько хотите, — добавил Росс, — и пожалуйста, Не беспокойтесь о подносе. Наср заберет его.

Блумберг простоял за мольбертом три часа, пока не стало слишком жарко. Вельвет лип к худым ногам, а кисти то и дело выскальзывали из липких от пота пальцев. На часах только девять, а до одиннадцати ему нужно успеть на ферму, пока работники не ушли на обеденный перерыв. Но на самом деле, при поддержке Росса, зачем

ему это сионистское задание?

В десять он уже с альбомом на коленях сидел в «Цитадели» — так называлось полюбившееся ему с недавних пор кафе в Старом городе, возле Яффских ворот. Очередь за водой на этот раз была длиннее, чем обычно. Росс рассказал ему, что в последний месяц поливать улицы запрещено и строительные работы фактически прекратились. В американском колониальном отеле вода в кранах только через день. Блумберг смотрел, как очередь мелкими шажками продвигается вперед, женских лиц не видно под платками, лица мужчин — морщинистые, суровые. У каждого за плечом бурдюк. Резервуар возле мечети аль-Акса в километре отсюда, но пускают к нему не каждого. Эти люди в очереди — специальные водоносы, потом они, как молочники, будут разносить воду по всему городу.

К полудню очередь рассосалась, и Блумберг остался в кафе один. Он вспомнил, что уже второй день подряд не пошел на встречу с Робертом Киршем, но его это не слишком беспокоило. Росс, а он понимал, что важнее, об этом позаботится. И в любом случае, что он может добавить к тому, что Джойс уже поведала полицейскому? К драгоценному имени.

Пять ночей Сауд прятался в потаенных местах, в пересохших резервуарах и пустых чанах, подложив под голову кожаный портфель вместо подушки, а днем отсиживался где-нибудь в темном углу церкви или кружил по городу, лишь в сумерках осмеливаясь стянуть с одного прилавка фрукт, с другого хлеб, и наконец вернулся домой. Он пришел еще до рассвета, снял с веревки во дворе чистое белье, затем прокрался внутрь и спрятал портфель под матрас. Любимейшие книги: давно надо было уничтожить их, но он не мог. Он взял свой бурдюк из комнаты, где спали братья, и попытался, не расходуя много воды, отмыть лицо и почерневшие от грязи руки. Закрывая за собой дверь, услышал, как мать ворочается в постели.

Теперь он медленно, по шажку, продвигался вперед вместе с другими водоношами. Лучше всего, решил он, заняться обычным делом, потому что наверняка сейчас полицейские ищут человека, который прячется или испуганно мечется. Главное — никто не успел разглядеть его толком, когда он бежал с холма, в этом он был уверен. Встретив в суке знакомых купцов, он здоровался с ними и шел дальше как ни в чем не бывало, хотя губы едва шевелились, а глаза ломило от

недосыпа.

Поравнявшись с вывеской «Липтонский чай и шербет», он заметил двух полицейских, они шли навстречу. Хотел было бежать, но он вовремя спохватился: так он сразу привлечет к себе внимание. Поэтому он сделал глубокий вдох и отвернулся к прилавку, буквально втиснувшись в щель между мешками пряностей, словно рассчитывал стать невидимкой среди кардамона и черного перца, и в какой-то миг, когда его окликнули по имени, таким он себя и ощущал — слово «Сауд» проплыло мимо, адресованное кому-то другому: лавочнику в красном тюрбане или художнику за столиком в кафе, а может, впиталось в камни, смешалось с синим маревом под сводами базара.

9

Кирш не был в синагоге с тех пор, как отмечал собственную бар мицву — а это было в Бейсуотерской синагоге одиннадцать лет назад. Отец, присутствовавший на церемонии из уважения к его матери и ее родне, всю службу то и дело отпускал шуточки и продолжал в том же духе, даже когда они потом пошли гулять в Риджентс-парк. И вот Кирш в Иерусалиме: ходит в Священный город по сто раз на дню и при этом ни разу не переступил священного для евреев порога. Он довольно много повидал христианских храмов и мечетей, когда сопровождал Росса: делал вид, что с интересом слушает рассказы начальника о притолоках времен крестоносцев в Храме Гроба Господня или о потрясающих арабесках в росписи на аль-Хараме. Сейчас ему пришло в голову, что, стараясь держаться подальше от храмов, он слишком упорно пытается продемонстрировать свою непредвзятость. Он не бог весть какой еврей, но для всех остальных здесь его религиозная принадлежность — чисто формальная, как он сам считал — стала, похоже, его отличительной чертой.

Комната, в которую он сейчас вошел, внешне похожая на маленький сырой винный погреб — да и чувствуешь в ней себя как в погребе, — могла вместить человек двадцать молящихся, не более. Тонкая занавесь выгораживала тесный, душный уголок для женщин. Из этого сырого угла жены и дочери прихожан могли слышать, но не видеть, что делают их мужчины. Молельню освещало одно-единственное окно, да еще через отверстия в потолке тянулись тонкие-претонкие лучики.

Раввин Зонненфельд сидел перед ковчегом — здесь он представлял собой простой деревянный ящик, обернутый черным бархатом. Позади него к стене был приставлен черный мраморный столик с филактериями, молитвенными шалями и молитвенниками. А выше на импровизированной вешалке, состоящей из трех рядов деревянных колышков, висел единственный в настоящий момент черный сюртук и шляпа.

Как только Кирш подошел ближе, Зонненфельд постучал пальцем по голове, и Кирш, снявший было шляпу, перейдя из солнцепека в тень, поспешно надел ее снова. Кирш огляделся, нашел свободный стул и придвинул его к раввину.

— Прошу прощения, что отвлекаю вас.

Раввин покачал головой:

— Дело это не трудное для вас, капитан Кирш. Потомки Иакова перенимают тактику Исава[25]. Что будет действительно трудно, так это рассказать правду и заставить власти действовать соответственно.

— Простите, я не совсем понял.

— А вы как думаете? Яаков де Гроот — удивительный человек, на случай, если вы не знали. Блестящий оратор, выступавший от нашего имени. Наши враги хотели, чтобы он был нем как могила, и теперь он умолк.

— Враги?

— А вы как думаете? Убийцы эти. Видите теперь, как низко они пали? Сколько раз я говорил своим прихожанам: «Сионистская община есть зло, бегите ее». И вам то же советую.

— Тогда должен сообщить вам одну новость. По информации, полученной от одного из наших свидетелей, мы взяли под стражу группу молодых людей.

— Хорошо.

— Молодых арабов.

---

[25] Примечания: 25

Согласно книге Бытие, Исав продал свое первородство брату-близнецу Иакову. В сказаниях об Исаве отразилась напряженность отношений между сынами Израиля (Иакова) и Исава (Эдома). В Средние века эта метафорика распространилась в еврейской традиции на христианские государства, преследовавшие евреев.

Раввин воздел руки в отчаянии — этот жест Кирш помнил с детства: так отец, передразнивая, изображал лондонских ультраортодоксов.

— Тогда вы совершили большую ошибку.

— Нам так не кажется.

Подвешенная к потолку керосиновая лампа — символ вечного огня — вспыхнула тускло-красным огоньком. За занавеской послышался шорох — появилась женщина в платке и принялась заметать к порогу мусор. Кирш вспомнил, как стоял рядом с отцом в Кентерберийском соборе — они сделали там остановку как-то летом по дороге на южное побережье. «Посмотри вокруг, — сказал ему отец: закинув голову, он смотрел на сводчатый потолок. — Это просто чудо, что лишь немногие из нас крестились. Не понимаю, как сам я устоял». Такие вещи он говорил обычно, чтобы поддразнить жену. И все же в этой аскетичной синагоге, с ее почти пещерными сводами, Кирш понял, что имел в виду его отец.

— Назовите причину, — продолжал раввин. — Объясните мне, зачем арабскому мальчику было делать такое. Вы думаете, молодые арабы убивают еврея, просто потому, что им так захотелось?

— Одежда. Я думал, может, вы объясните про одежду?

Зонненфельд пожал плечами:

— Я уже назвал вам убийц. Вы что, хотите, чтобы я делал за вас вашу работу?

— Нет, но не могли бы вы поподробней рассказать о врагах Де Гроота?

Не говоря ни слова, раввин посмотрел на Кирша в упор. Где-то снаружи звякнул велосипедный звонок, скрипнули шины, послышалась отдаленная перебранка.

— Господин Де Гроот молился здесь вечером в прошлую пятницу?

— Вы это и без меня знаете, зачем спрашивать?

— А потом он пошел домой?

— Спросите у женщины.

— У женщины?

Раввин поднялся. Он оказался более высоким, чем предполагал Кирш, всего на два-три сантиметра ниже его. Зонненфельд снял шляпу с вешалки и направился к выходу из синагоги, что-то крикнув на идише женщине, подметавшей комнату позади. Кирш придержал раввина за рукав.

— Бывают порывы, которые не у каждого хватает сил контролировать, капитан Кирш, и среди нас такие люди есть, например Яаков, который

стремился делать добро.

— Где мне найти ее?

— Не среди нас.

Но Кирш не отступал:

— Сядьте, ребе.

Раввин поглядел на руку Кирша, надеясь, что тот поймет всю неуместность своего жеста. Кирш отпустил его, потом достал из кармана карандаш и блокнот. Протянул раввину:

— Имя и адрес, пожалуйста.

Раввин, вздохнув, прошествовал обратно к своей скамейке. И написал в блокноте одно-единственное слово:

— Это все, что мне известно.

Кирш глянул на бумажку:

— А адрес?

— Там спросите, — и Зонненфельд приписал еще пару слов.

— Благодарю вас, — Кирш пытался говорить как полицейский и в то же время примирительно.

Раввин Зонненфельд взглянул на него:

— Капитан Кирш, британец и еврей, интересное сочетание.

— Не думаю, что большинство людей воспринимают это так.

— Тогда как?

— Ну, скорее уж как подозрительное сочетание. — Он вспомнил о Джойс, как она обвинила его, что он якобы «не на той стороне баррикад».

Зонненфельд улыбнулся, и Кирш сразу же пожалел, что позволил раввину подвигнуть его на откровенность.

— Для евреев — британец, для британцев — еврей, а для арабов — худшее из того и другого мира. Вы это имели в виду?

— Вроде того.

Киршу не нравилось, что разговор вдруг резко свернул в другое русло.

— Вам было известно, что мистер Де Гроот собирался в Лондон?

Раввин сделал круглые глаза.

— У вас есть хотя бы отдаленная идея, почему он собирался поехать туда? Была эта поездка рутинным делом или чем-то из ряда вон выходящим?

— Рутинное — то, что все евреи или, лучше сказать, большинство евреев, не сионисты, и британскому правительству следует напоминать об этом.

— Только и всего?

— А что еще? — Зонненфельд пожал плечами. — А вы, капитан Кирш? Какую позицию вы занимаете? Вы симпатизируете сионистам?

— Нет у меня позиции, — ответил Кирш и опять сразу же пожалел о своих словах, и ему почему-то захотелось добавить, словно в оправдание своей политической наивности: «Моего брата… моего брата убили». Однако он сдержался и вместо этого сказал раввину:

— Мы еще побеседуем.

— Может, зайдете как-нибудь помолиться с нами, — ответил Зонненфельд.

— Едва ли.

В единственной комнате синагоги стало удушающе жарко. А может, это у Кирша начинался приступ клаустрофобии. Отец его в любой синагоге, независимо от размера, так себя чувствовал, ничто не выводило его из себя больше, чем собрание молящихся. Совместная молитва возмущала его по самой своей природе. Он называл это блеяньем овец, атональными выстрелами бездумных, бьющими по единственной постройке, которую Гарольд Кирш ценил: храму отдельной личности. Кирш оттянул воротник. Пора выбираться отсюда, подальше от этого въедливого раввина с желтыми зубами.

— Если вдруг услышите что-нибудь, что, на ваш взгляд, может нам пригодиться, пожалуйста, дайте мне знать.

Раввин кивнул, при этом каким-то образом дал понять, что Кирш его не впечатлил.

Кирш вышел из синагоги. Машина его была в гараже — в ней требовалось заменить выхлопную трубу, деталь, доставки которой, по-видимому, придется ждать неделю, и он одолжил у приятеля-констебля мотоцикл. Он завел мотор, еще раз поглядел на записку раввина и покатил к больнице Ордена иоаннитов. Уже начинало смеркаться, когда он подъехал. Кирш прошелся по коридорам с окрашенными в цвет чая стенами и по палатам, мимо железный кроватей, где больные лежали под натянутыми москитными сетками, словно в гигантских колыбелях. Черно-белые, с загнутыми краями чепцы медсестер делали их похожими на монахинь — возможно, некоторые из них и были монахинями. Но только не женщина Де Гроота, насколько он мог судить.

Кирш ее не нашел. Старшая сестра, дородная дама во всем белом, так и не снявшая с униформы устаревший символ — турецкий полумесяц, сказала ему, что Элис отправилась в Назарет повидаться с друзьями из Англии. Ей снова выходить на смену в воскресенье после полудня, так что она, вероятно, будет в Иерусалиме уже завтра вечером или в воскресенье утром.

— Знаете ее адрес в Назарете?

— Только иерусалимский.

— Можете мне дать его?

Сестра встала из-за письменного стала, подошла к деревянному картотечному шкафу и вынула из него листок бумаги. Крупным, уверенным почерком с ровным наклоном переписала для Кирша адрес.

— Элис в опасности?

— Не думаю.

Кирш спросил у сестры и про Де Гроота. Видела ли она его когда-нибудь?

— Он заходил как-то раз в детское отделение, — ответила сестра. — Принес небольшие подарки, за что мы ему очень признательны. — У Кирша сложилось такое впечатление, что она не подозревала — до этого во всяком случае, — что Де Гроот как-то связан с одной из ее медсестер.

— Не показалось ли вам странным, — спросил Кирш, — что еврейский ортодокс приносит подарки арабским детишкам?

— Да нет. Настоящее милосердие не знает религиозных барьеров, капитан.

На обратном пути Кирш остановился купить миндаля у придорожной торговки. Было уже поздно, когда он вернулся домой. Он сидел на

веранде и лущил орехи. Ночь была ясная, далекие звезды словно уговаривали его примириться с одиночеством. Больничные запахи — камфоры и йода — все еще преследовали его. Он вспомнил воздушный налет в Лондоне во время войны. Он с матерью был тогда в Восточном Лондоне. Зачем они туда поехали? Кажется, к ювелиру. Киршу было тогда шестнадцать. Он схватил маму за руку, и они влились в поток людей, спешивших по Майл-Энд-роуд к Лондонской больнице. Быстро спустились в подвал и уселись на полу. Его мама сложила свое элегантное красное пальто и подстелила его вместо подстилки. Больные в теплых пижамах поддерживали друг друга под руки, это ходячие. Медсестры поднимали тех, кто был в инвалидных креслах. Кто-то постоянно кашлял, воняло ужасно. Он был не по годам рослым, и на него посматривали с укоризной — как и на всех, кто не служит. Очень хотелось крикнуть в ответ: «Я еще слишком молод!» Примерно через час немецкие цеппелины улетели, и дали отбой.

Ободренный воспоминаниями, Кирш решил написать письмо домашним, но как только достал из ящика кухонного стола ручку и бумагу, передумал. Прошлое уступило место мечтам о будущем. Как он путешествует вместе с Джойс, а

ее мужа в поле зрения уже нет. Кирш представлял лицо Джойс, ее серо-зеленые глаза, тонкие, словно очерченные карандашом брови, белые пряди, которые она отводит от лица. Чуть широковатый носик и пухлые губы. Уж не влюбился ли он? Что за нелепость!

10

— Сотня фунтов?

— Ты что, не веришь слову губернатора?

Блумберг вынул из брючного кармана смятый конверт. Вытянул из него бумажку и зачитал вслух командирским басом:

> Выдать М. Блумбергу, в прошлом капралу 18-го Королевского стрелкового полка, за вид Масличной горы. Сто фунтов стерлингов. Половина указанной суммы выплачивается сразу, половина по получении вышеупомянутого шедевра.

Джойс со смехом выхватила письмо. Все именно так, как он и сказал, без указаний на армию, естественно, и без последних двух слов.

— А что же будет с «Еврейской жизнью в Палестине»?

— Продолжится без меня.

Они сидел и в саду под смоковницей, возле прорехи в зеленой изгороди, через которую ввалился Де Гроот. На другом конце долины в темнеющем пейзаже проступали очертания каменных доми-

ков арабской деревни.

— Скажешь им, что я заболел, — добавил Блумберг.

— Сам скажи.

Блумберг привстал со стула и поцеловал ее в губы. Похоже, Джойс не одобряет его поступка, но не стал доискиваться причины. Да и неважно, проще было объяснить это ее американской темпераментностью, которая его всегда умиляла.

— Когда приступишь? — спросила Джойс.

— Уже приступил. Росс выделил мне крышу своего дома.

— Ты уверен, что это именно то, чем тебе хочется заниматься?

Блумберг ответил не сразу. Прошелся до калитки, сметая рукой желтые метелки высокой травы, потом обернулся к Джойс:

— Я не собираюсь рисовать почтовые открытки для правительственных чиновников, если ты об этом.

Потом они лежали на кровати, рядом, но не касаясь друг друга. Блумберг глядел в потолок, где от зимних дождей остались разводы — причудливая карта пятен почему-то действовала на него успокаивающе. Надо бы ему промолчать, но желание завести ее пересилило. И он заговорил,

обманчиво спокойно:

— Как покатались с капитаном Киршем?

Джойс открыла глаза:

— Значит, ты видел.

— Интересно было?

— Не знаю, не заметила.

— Он, должно быть, твой ровесник или еще моложе — так трогательно.

Джойс приподнялась на локте. Она была голая, ее прикрывала лишь простыня. Блумберг осторожно коснулся ее груди.

— У него брат погиб на войне.

— Какая досада.

Джойс отвернулась. Блумберг обнял ее сзади, скользнул ладонью по лицу, словно слепой, очерчивая контур ее губ, носа.

— Помнится, когда я сидел в окопе… — произнес он с расстановкой, как старый вояка, перед тем как поведать очередную страшную байку.

— Да.

— «Какие-то черти затянули провод на шее моей».

— «И я онемел». Почему ты вечно иронизируешь?

Он написал этот стишок на синем карандашном эскизе — единственной работе, которую

Блумберг принес с войны.

Он обнял ее, коснулся губами впадинки на ее спине и сказал шепотом:

— «Приставил ружье к ноге и спустил курок». — И для большей убедительности провел по ее ноге искалеченной ступней, на которой не хватало большого пальца.

— Перестань.

Он погладил ее по щеке. Если он рассчитывал на слезы, их не было.

— Что же с нами будет? — голос его дрогнул.

— Не знаю, — ответила Джойс.

— Тебе лучше уйти от меня, — сказал он.

— Может, и уйду, — прошептала она.

Джойс села в кровати и замерла, прислушиваясь. Кто-то бродил возле дома, сомнений не было. Шаги, глухой стук опрокинутого цветочного горшка. Она тронула Блумберга за плечо, чтобы разбудить, и стала ждать. Подозрительные звуки теперь доносились со стороны пустоши за домом. Потом снова тишина. Она снова прилегла на хлипкую подушку. Наверно, померещилось… Должно быть, бездомная собака, здесь их так много, или коза: эти твари бродят без присмотра, ищут, чем бы поживиться, перекрывают дорогу автомобилистам. Она посмотрела на Блумберга:

тот лежал на спине в полосатой пижаме, натянув простыню почти до самого лба — как саван. Она осторожно поправила ее, подоткнув у подбородка. Во сне черты его лица смягчились. Обиженное выражение на время исчезло. Прошло десять минут, Джойс уже задремала, но на этот раз шаги раздавались уже совсем близко.

— Марк! — повернулась она к мужу.

Кто-то с силой постучал в дверь — Блумберг проснулся в испуге, а Джойс поспешно подхватила с пола ночную сорочку, натянула.

— Кто там? — крикнул Блумберг.

— Полиция. Прошу прощения, что так поздно.

Джойс нашарила возле кровати керосиновую лампу, зажгла ее.

Блумберг открыл дверь и впустил мужчину в форме.

Тот представился: сержант Харлап. И пояснил, что обходил дозором участок — его просили обратить особое внимание на дом Блумберга, если окажется рядом. И он действительно услышал подозрительный шум, но стоило ему подойти ближе, тот человек убежал. Господин или госпожа Блумберг ничего такого не слышали?

— Я слышала, но сквозь сон, — сказала Джойс.

Во время беседы Харлап подошел к дальней

стене, где задниками наружу стояли холсты, подцепил один за краешек и принялся разглядывать.

— Хотите купить? — спросил Блумберг и добавил сурово: — Если нет, поставьте на место.

Харлап обернулся.

— У нас в Палестине, господин Блумберг, много замечательных еврейских художников. Может, вы уже знакомы с кем-нибудь из них — с Зарицким[26], с Рубиным[27]?

Блумберг старался не подать виду, что удивлен.

— Пока не имел удовольствия.

Харлап рассмеялся:

— Вы думаете, простой полицейский не должен разбираться в искусстве? Обычно не так представляют себе лондонских бобби?

— Я бы сказал, обычный лондонский бобби, будь у него такая возможность, должен знать куда больше, чем обычный лондонский искусствовед.

Харлап обернулся к Джойс:

---

[26] Примечания: 26

Иосиф Зарицкий (1891–1985) — израильский живописец. В 1923 г. поселился в Иерусалиме. Был в числе инициаторов первой выставки художников подмандатной Палестины.

[27] Примечания: 27

Реувен Рубин (1893–1974) — израильский художник, скульптор. Один из основателей Ассоциации живописцев и скульпторов Эрец-Исраэль.

— Я знаю, что вас уже об этом спрашивали, — у него был выговор палестинского еврея, — но позвольте еще раз уточнить: может, вы видели или слышали здесь кого-нибудь еще в ночь убийства? Понимаете ли, тот, кто бродил тут сегодня ночью, мог наведываться сюда и раньше. Вдруг они что-то ищут?

— Ничего я не видела, только убитого. И не слышала ничего, только имя, которое он произнес.

— И это имя — Сауд?

— Ну да.

— А может, какое-то другое?

— Может, — Джойс на минуту задумалась. — Но мне послышалось «Сауд».

Харлап улыбнулся. Казалось, он был доволен результатом своей короткой проверки.

Огонь в керосиновой лампе на прикроватном столике едва теплился. Джойс подкрутила фитиль, и пламя полыхнуло с новой силой, осветив комнату до самых дальних углов — ей не сразу удалось с ним совладать.

Харлап подошел к кровати. Присел на краешек рядом с Джойс, положив пятерню на то место, где на подушке еще оставалась вмятина. Ее удивил этот фривольный жест.

— А ваш муж, — продолжал он, оборачиваясь к

Блумбергу — тот присел на пустой сундук, — чуть раньше в тот вечер видел двух арабов.

— Я видел двух мужчин в арабской одежде.

— Ах, да. Один из них — еврей, обожавший играть в переодевания, а другой — Сауд.

— Это мне не известно.

— Господин Де Гроот вел кое-какие денежные дела с арабами. Вы это, конечно, знаете.

— Я не знал.

— Может, у него и другие дела были. — Харлап задрал ноги и развалился на кровати. Что он себе позволяет: полицейский как-никак!

Наступило минутное молчание.

— Боюсь показаться наивной… — начала было Джойс, но Блумберг предупредительно тронул ее за плечо, и она умолкла на полуслове.

— Ой, — сказала она наконец, — любовники. Ну так сразу бы и говорили!

— Нет, не любовники, а любитель мальчиков и его мальчишка. Любовники друг другу не платят.

Блумберг чуть было не крикнул Харлапу: заткнись! — но прикусил губу.

Харлап вальяжно поднялся с кровати.

— Не беспокойтесь ни о чем. Спите спокойно. Мы их поймаем.

Когда он ушел, Джойс прикрутила лампу и легла. Блумберг задержался у составленных у стены картин. На синей табуретке под окном осталась бутылка бренди. Блумберг схватил ее, отхлебнул. Дешевое местное спиртное обожгло горло.

— Полицейские из евреев хуже некуда, — заметил он.

— Почему бы? — Джойс лежала спиной к Блумбергу, лица ее он не видел.

— Слишком нахальные. Слишком богатое воображение.

— А о тебе разве так не говорят?

— Я напрочь лишен воображения. Поэтому образы у меня часто получаются суровыми и тяжеловесными.

— Так написал всего лишь один человек в одной газете.

Как устала она играть роль утешительницы: вечно гладить его по головке, нахваливать, подбадривать.

— В нужной газете и достаточно слов одного человека, чтобы прикончить выставку.

Блумберг все перебирал картины, поворачивая их в желтом свете ночника то так, то эдак.

Джойс думала о Де Грооте и о мужчине или мальчике, возможно, его любовнике. «Я убивал с

лобзаньем, и мой путь — убив себя, к устам твоим прильнуть»[28]. Это откуда? Из «Отелло»?

Через некоторое время Блумберг отложил холсты и прилег рядом с ней. Погладил ее по голове, словно успокаивая, однако из них двоих он первый заснул, причем довольно быстро.

[28] Примечания: 28

В. Шекспир. «Отелло», акт 5, сцена 2. Перевод М. Лозинского.

11

Сауд сидел, сжавшись в комок, в углу узкого зловонного подвала. Рядом с ним два других арестанта прямо на полу играли в кости. Компания подобралась забавная — пятьдесят мужчин и подростков, и все Сауды. Одного за другим их уводили на допрос. Когда подошла очередь Сауда, была, должно быть, полночь. Прошло несколько часов с тех пор, как он слышал крик муэдзина, сзывавшего на вечернюю молитву. За единственным окошком на уровне улицы с воем дрались коты.

Мать наверняка волнуется, куда он пропал. Братья ищут его повсюду. Или все уже знают об облаве? А если мать придет за ним, что она скажет? Или она ничего вообще не скажет? Это было бы лучше всего. В конце концов, зачем ей говорить с британским полицейским? А как быть с женщиной, которая видела его на дне цистерны?

Когда за ним пришли, он уже почти заснул, свернувшись калачиком и положив голову на каменный выступ. Сильные мужские руки справа и слева подхватили его, поставили на ноги. Полицейские были невысокие и кряжистые, лица у

обоих от загара красные, кончик носа особенно.

— Сорок внизу, десять на волю. Да не пугайся ты так. Я капрал Артур, это капрал Сэм. Мы отведем тебя прогуляться.

— Сюда, если не возражаешь, сынок.

И они повели Сауда по широкому коридору, втолкнули в крошечный кабинет. Усадили на стул.

— Минуточку. Зубной врач в уборной, закрепляет бормашину.

— Вряд ли она у него имеется.

— Ну, а если бы была, то такая прикольная, без втулочки на конце.

— У бормашины не бывает втулочки.

Капрал Артур наклонился к Сауду, чуть не вплотную приблизил лицо.

— Бывал здесь раньше, сынок? — спросил тихо, чуть не шепотом. — Потому что у меня такое чувство, будто я тебя знаю.

Сауд сделал вид, что не понял.

— Не говоришь по-английски, Абдул?

— Не тебя ли я видел в прошлый вторник, когда ты запустил руку в ящик для пожертвований, а потом дал деру из храма Гроба Господня? Потому что уж очень тот тип на тебя был похож. Тоже худой, чернявый, и вид такой, что так и подмывает

дать пинка под зад.

Кирш вошел в кабинет, и мужчины нехотя стали по стойке смирно. Он видел, что парнишка запуган. Оно и естественно. Даже не будь тут Доббинса и Кэтрайта, которые любят нагнать страху на «аборигенов». Не то чтобы они недолюбливали арабов, подумал Кирш, просто они глупые или равнодушные. До сионизма или арабского паннационализма им нет дела.

— Сауд номер сорок, сэр.

— Благодарю. Можете идти. Я позову вас, как только буду готов принять следующего.

Когда они остались одни, Кирш налил из графина воды в стакан, предложил Сауду. Парнишке на вид было не больше шестнадцати.

Кирш записал его полное имя: Сауд аль-Саид, домашний адрес: улица Хейн, потом возраст — Кирш определил его верно.

— Итак, Сауд, не расскажешь ли ты мне, где был в прошлую субботу вечером?

Кирш и рад бы не говорить покровительственно, но не мог: трудно побороть давнюю традицию.

— Я был один, сочинял.

Кирша больше удивил не сам ответ, а то, что Сауд, по-видимому, бегло говорит по-английски.

— Что сочинял?

— Стихи.

— Так ты поэт? — Кирш и сам понимал, что вопрос глупый.

Парень пожал плечами.

— И где же ты сочиняешь?

Сауд помолчал, потом поднял указательный палец и дважды постучал по виску. Де Гроот так делал во время занятий, этот жест означал: подумай.

Кирш не знал, как на это реагировать. Издевается парень над ним, что ли? Но в конце концов Кирш сам же и рассмеялся:

— Ладно. Прочти мне что-нибудь из своих стихов. Что угодно.

— На арабском или на английском?

— По мне, лучше на английском.

Сауд, как показалось Киршу, поежился, потом вдруг встал во весь рост и продекламировал: «К островам золотистым, что горят, как рубины, в светлом море заката. То — миры золотые, что в виденьях блистали нашим грезящим взглядам»[29]. Строки эти поразили Кирша и в то же время показались ему смутно знакомыми. Но он

---

[29] Примечания: 29

Строки из стихотворения Хаима-Нахмана Бялика (1873–1934) «Перед закатом» (1902). Перевод В. Жаботинского.

был не знаток английской поэзии — если именно из нее парень позаимствовал, — так что это была только догадка.

Сауд сел.

Кирш глянул на него поверх стола, потом посмотрел на часы, как будто время могло дать подсказку, как действовать в подобной ситуации. Было уже далеко за полночь.

— Спасибо, — наконец сказал Кирш. — Потрясающе.

Допрос продолжался. За истекшие полчаса Сауд не смог подкрепить свое алиби достоверным рассказом о том, где он находился в ночь убийства: когда он вернулся домой, мама спала, а за водой он отправился, когда она еще не проснулась, — но юный поэт, очаровательный мечтатель, явно не походил на убийцу. И тем не менее было во всем этом нечто настораживающее, Кирш и сам точно не знал, что именно. Он решил отпустить парня покамест, но держать его под наблюдением.

12

Три часа Блумберг работал на крыше в полном одиночестве, когда Росс решился нарушить его уединение. Окружавшие город холмы были присыпаны летней пылью, от которой слепило глаза. Блумберг смешивал на палитре белила и охру, пытаясь добиться нужного оттенка. Россову сотню фунтов, надежную как в банке, оказалось непросто заработать. А все потому, что Блумберг есть Блумберг, и с этим ничего не поделаешь: заносчивый, дерзкий и при этом неуверенный в себе — типичная гремучая ист-эндская смесь.

В конце концов Блумберг отложил нож и обернулся к посетителю.

— Грандиозная перспектива, — сказал Росс. Блумберг не ответил. Мучительно — плясать за кусок хлеба, рисовать тоже.

— Камни прямо кричат.

— Я не слышу.

— Неужели?

Блумберг не хотел ставить Росса в неловкое положение, но он не привык кривить душой — и значит, так тому и быть.

Росс вспомнил слова Обри Харрисона, который

провел полдня в компании Блумберга: «Его работа производит более приятное впечатление, чем он сам». К истинному таланту приходится приноравливаться, хотя всему есть пределы.

Мужчины смотрели на город вдали. Росс, руки за спиной, кивком головы указал на восток:

— В первый день на этой должности, примерно через месяц после того, как мы заняли Иерусалим, ко мне пришли двое из местной транспортной компании. Хотели получить концессию на трамвайную линию в Вифлеем и на Масличную гору — прямо тут.

— Вижу, вы не согласились.

— Конечно, я сказал им: первые рельсы проложат поверх тела военного губернатора.

— И теперь они ждут вашей смерти.

Росс усмехнулся:

— Наверное.

— Может, хотите, чтобы вас там похоронили? — Блумберг махнул рукой в сторону Масличной горы. — Тени там мало, правда.

Росс нахмурился. На соседней горе Скопус было британское военное кладбище. Там хоронили тех, кто во время войны служил под началом Росса. Но откуда Блумбергу это знать? И через минуту Росс повеселел.

— Рядом с халифами, крестоносцами и Маккавеями? Большая честь для меня.

Под ними по узкой дороге, что змейкой тянулась к казармам Алленби, шла женщина, в каждой руке по огромной хозяйственной сумке.

— А госпожа Блумберг, надеюсь, дома, готовится к шабату?

— Госпожа Блумберг не еврейка.

В ответ Росс только вздохнул.

— Тем не менее, — продолжал Блумберг, — она любит ходить за покупками по пятницам и, когда мы навещаем набожных знакомых, умиляется, глядя на них. Белая скатерть, две халы, пара подсвечников — все это дает хоть и ложное, но чувство защищенности.

— Сионисты редко соблюдают традиции.

— Ну да, и это тоже — моя жена считает себя сионисткой. В Лондоне она два года подряд ходила на собрания в Тойнби-Холле, зимой они собирались каждый четверг. Кажется, однажды даже пожимала руку Вейцману. А потом пересказывала мне, кто да что говорил. Это она уговорила меня приехать сюда. Джойс, добрая душа, полагала, что своим скудным талантом я могу хоть как-то помочь их делу.

— Правда? Выходит, вас уговорили, правильно

я понимаю?

— Что до меня, мои взгляды менее экзотичны, я равнодушен к политике и вообще, можно сказать, мизантроп. Типичный бедолага-художник.

Росс рассмеялся было, но мигом посерьезнел, когда Блумберг добавил:

— На самом деле я просто ушлый ист-эндский еврей. Видно, кто-то ошибся, распределяя таланты, и выдал мне малую толику.

Росс обернулся посмотреть на картину Блумберга. Как он и ожидал, стилистически это было идеальное сочетание топографической точности и классической выразительности — на то он и рассчитывал.

— Не такую уж и малую, я бы сказал. — Росс оглядел город, затем вновь перевел взгляд на картину.

У Блумберга комок стал в горле, и вместо «спасибо» получился лишь сдавленный звук, похожий на кашель.

В голубом небе белело одинокое пушистое облачко — как будто озорной ангел-художник пыхнул сигаретным дымом на чистый Божий холст. Когда облачко нашло на солнце, края его сделались желтовато-коричневыми.

— Вы уже поймали убийцу?

— Нет. — Росс помолчал. — Но поймаем, хотя меня такая перспектива не радует. Возможно, лучше ограничиться поисками, — произнес Росс не очень уверенно, как будто эта идея только что пришла ему в голову.

Блумберг хоть и считал себя циником, не представлял себе, что безуспешный финал расследования можно предопределить заранее.

— То есть?

Росс явно пожалел, что не ограничился коротким «нет», но раз уж проговорился, стыдно было идти на попятный:

— В общем, как только у нас на руках окажется преступник, тут и начнется черт-те что. Враждующие стороны пока вынуждены соблюдать хрупкий мир, но как только мы вычислим и арестуем убийцу, тут-то все и начнется. Если это араб, то арабы взбунтуются и станут кричать, что он невиновен. Если это еврей, евреи схватятся за оружие. Стыд и позор, знаете ли. Последние три года здесь было, в общем-то, относительно спокойно. Вы не представляете, сколько женщин с детьми смогли приехать к своим мужьям, жить нормально. Наш клуб делает успехи, арабские парни в прошлом году победили на теннисном турнире, обыграв Уорбертона в одиночном фина-

ле. Да вы, наверно, слышали.

Росс замолк. Он ошибочно полагал, что художников интересуют только возвышенные темы. То есть настоящих художников, к которым палестинские живописцы-энтузиасты, по мнению Росса, не относились: на его взгляд, у многих из них был темперамент, но недоставало мастерства. Так что ему вдвойне повезло, что такого талантливого человека, как Блумберг, не вдохновила механическая сеялка в полях или пляски иммигрантов вокруг ветхозаветных майских шестов, его взгляд на действительность — холодный и беспристрастный.

Где-то вдали послышался звук мотоциклетного мотора, а вскоре из-за дальнего поворота показался и сам мотоцикл. Когда он подъехал ближе, Блумберг и Росс — с крыши все было хорошо видно — смогли разглядеть и водителя, и пассажирку. Джойс крепко держалась за Кирша, сцепив руки у него на груди, ее длинные волосы, прикрытые свободно повязанным платком, развевались за спиной как знамя. Мотоцикл пронесся мимо и вскоре скрылся за очередным поворотом. Мужчины на крыше какое-то время молчали.

Первым заговорил Росс:

— Пожалуй, мне пора. Завтра предстоит даль-

няя поездка, собираюсь на охоту в Рамлу, — и протянул на прощанье руку.

Вместо рукопожатия Блумберг показал ладони: они были все в белой и желтой краске.

— Похоже, моя жена сыта по горло приготовлениями к шабату.

Росс покраснел или ему показалось? Как знать. Сухое лицо губернатора покрывал стойкий загар.

После минутной заминки Росс снова заговорил, с деланной непринужденностью:

— Мы охотимся на шакалов, можете себе представить? В последний раз набралось пятьдесят конных…

Росс продолжал бы и дальше, но Блумберг его перебил:

— Сколько лет капитану Киршу?

— Киршу? Лет двадцать пять, я полагаю. Он… славный парень. — Последние два слова Росс произнес очень тихо.

— Не сомневаюсь, — ответил Блумберг и добавил задумчиво: — А я — нет.

13

Кирш и Джойс оставили мотоцикл на дне долины, обрамленной по краю зубчатыми выступами, похожими на пальцы, а сами пешком стали подниматься к роще, вернее, к тому, что от нее осталось. Турки вырубали леса, объяснил Кирш. Причем в таких масштабах, что, когда Росс начал восстанавливать провинцию, нужную древесину пришлось завозить из Индии. Сосновая роща наверху чудом уцелела, и она довольно густая — весной он собирал там грибы: госпожа Бентвич, супруга генерального прокурора, организовала воскресный поход.

Кирш понимал, что слишком много болтает. Не мог опомниться после этой поездки, оставившей ощущение невольной близости.

Когда свернули с пыльной тропы в тень, Джойс развязала красный платок, распустила волосы. Ветерок навевал прохладу, но кроны деревьев наверху были неподвижны. Ее белое хлопчатое платье с короткими рукавами, чуть присборенное на бедрах и доходившее до середины икр, совершенно не подходило для поездки на мотоцикле. И все же, когда Кирш ее увидел — как он

уверяет, случайно — возле солнечных часов на Яффской дороге, времени на то, чтобы поехать домой переодеться, не было.

— А он не будет волноваться, где вы? — К своему стыду, Кирш не в силах был произнести имя Блумберга.

— Не думаю. Хотя я бы не сказала, что Марку все равно. Если я исчезну, ему некого будет… — Джойс чуть было не сказала «мучить», но, подумав, заменила его на более мягкое, — …дразнить.

Кирш залез на скалистый выступ, протянул руку Джойс и помог ей забраться. Вид сверху открывался не сказать чтоб захватывающий — со всех сторон их окружали только серо-зеленые сосновые стволы.

Они сели рядом на плоском каменном выступе.

— Закурим?

— Потом, — сказала она.

Кирш потянулся было за сигаретами, но теперь просто похлопал по нагрудному карману — как будто обыскивал подозреваемого, не прячет ли где оружие.

Он хотел спросить, скучает ли она по Англии или по Нью-Йорку. Хотел, чтобы она рассказала ему о своих отношениях с Блумбергом — начиная

с того, как познакомились, и до сегодняшнего дня. Хотел рассказать что-нибудь и о себе, что-нибудь такое, чем можно было гордиться. Но ничего не сказал, потому что они поцеловались. Потом он точно не мог вспомнить, сама ли она потянулась к нему или он первый наклонился к ней. Если так, думал он, то скорее это, должно быть, сам воздух с ароматом хвои, тяжелый и душный, пригнул его голову словно невидимой рукой. Она отвечала на поцелуй так пылко и умело, что он почувствовал себя неуклюжим подростком. Тело его напряглось, потом они расцепили объятия.

Джойс, с невозмутимым лицом, сидела и смотрела прямо перед собой, как будто ничего не произошло — как будто они всего лишь обменялись парой дежурных фраз. Кирш даже подумал — нелепая мысль, конечно, — случись такое в Англии, в этот момент ему, пожалуй, пришлось бы извиняться.

— Я познакомилась с Марком на Шефтсбери-авеню, — начала Джойс, словно отвечая на вопрос, который Кирш собирался задать, но не задал. — К тому времени я уже месяц жила в Лондоне, остановилась у папиного знакомого, арт-дилера Феликса Шуберта. Он пытался, правда безуспешно, продать две картины Марка. Я в то

время выглядела экстравагантно, во всяком случае по британским меркам. На мне было такое пунцовое платье с черной накидкой.

Джойс посмотрела на Кирша и улыбнулась. Он не в силах был отвести от нее глаз.

— Я одна из тех несчастных, имеющих толику таланта в разных областях, но не способных сосредоточиться на чем-то одном. В Нью-Йорке я начинала как танцовщица, потом собиралась стать пианисткой. В Париже снова решила вернуться к танцам, но было уже поздно. К тому времени как я попала в Лондон, решила, что мое призвание — живопись. И весь месяц у Шубертов собирала портфолио из натюрмортов и графики. Надеялась, если удастся, поступить в Слейд[30].

Кирш достал сигареты. Поцелуй, если он вообще имел место, должно быть, случился сотню лет назад.

— Шуберт меня отговаривал. Навидался он нищих художников. И когда мы в тот день столкнулись с Марком, он попытался заручиться его поддержкой. «Помогите мне переубедить мисс Пирс — она нацелилась заниматься живописью

---

[30] Примечания: 30

Слейд — так неформально называют Школу изящных искусств Слейда, знаменитое художественное училище, основанное меценатом Феликсом Слейдом в 1868 г.

— скажите ей, что денег на ней не заработаешь». Я возмутилась: вот еще, будут они за меня решать! И ответила: «Деньги меня не интересуют — меня интересует живопись». Марк не стал поддакивать Шуберту. Он сказал: «Если мисс Пирс интересует живопись, а не деньги, то меня интересует мисс Пирс». С этого все и началось. Он пригласил меня к себе в мастерскую, если это можно назвать мастерской. Скорее уж кухней. И, представьте, он мне понравился. Сразу. Он красивый, вы сами видели, у него такие трогательные глаза. До меня у него было много женщин. И все были без ума от его картин. Он не ищет компромиссов. Он такой же одержимый, как я, только не разбрасывается. У него в мастерской висела картина, во всю стену. Ничего подобного я раньше не видела. Он выбрал один эпизод из жизни иммигрантов: пароход выгружает вновь прибывших в лондонских доках, но изобразил это на редкость современно. Никакого намека на сентиментальность, только едва намеченные фигуры и буйство красок. Сильная картина. Мастерская у него была крошечная, картины занимали почти все свободное пространство. Они настигали тебя повсюду — от них никуда не денешься.

Кирш, по роду службы привыкший расспраши-

вать, сейчас не находил слов. Ему казалось, что Джойс вся из острых углов, просто нет места, где можно было бы уютно свернуться и отдохнуть. Упругое тело — как-никак бывшая танцовщица — и пытливый, беспокойный ум. «А она вообще когда-нибудь отдыхает?» — мелькнула мысль.

Она протянула руку ладонью вверх:

— А теперь сигарету.

Кирш, нашаривая пачку, умудрился-таки задать дурацкий вопрос, ответ на который был заранее известен:

— Значит, в Лондоне вы жили вместе?

— Три года, и еще три года после того, как поженились. Я встретила его сразу после войны. Я занималась в художественном училище. Но главный учитель был у меня дома. В конце концов стали снимать на двоих мастерскую в Вест-Хемпстеде. Мне кажется, Марку не очень понравилось, когда я перестала ходить на курсы. Он стал придирчивым, иногда жестким — и мелким.

— Как это?

Джойс усмехнулась:

— Украл у меня тюбик с белой краской. Я не успела закончить картину и отлучилась из дому, в магазин наверно, а когда вернулась, обнаружила пустые тюбики — из них выдавили все

до последней капли. Но, думаю, он имел на это право, все же он — фигура. Я в сравнении с ним дилетант.

— Уверен, что это не так.

— О нет, пожалуйста… Не люблю фальши.

Джойс вдруг встала. Затушила сигарету о скалу, стряхнула с платья сосновые иголки.

Кирш тоже поднялся. Он хотел обнять ее, но она отстранилась и стала поспешно спускаться. Кирш последовал за ней. Когда они дошли до мотоцикла, она обернулась к нему:

— Знаете, о чем я подумала? Вторым именем всех мужчин должно быть: Я Тебя Разочарую. Джон Я Тебя Разочарую Смит, Марк Я Тебя Разочарую Блумберг.

— Роберт Я Тебя Разочарую Кирш?

— Именно.

— Но я тебя не разочарую, — произнес он не задумываясь: фраза была банальной и стопроцентно предсказуемой.

— Правда? — откликнулась она. — Что ж, вероятно, я не дам вам такой возможности.

Кирш чувствовал, как внутри разверзается бездна. Без этой «возможности» он мог бы с тем же успехом собрать вещи и ехать домой, назад в Англию, к кому-то надежному, вроде Наоми.

Закатное солнце проникало сквозь зеленые лапы сосен, выстроившихся на вершинах холмов. На этот раз, когда проезжали мимо дома Росса, в окнах второго и третьего этажей уже горел свет.

Кирш собирался отвезти Джойс домой, но вместо этого повез к себе. Она не возражала. Более того, она первая вошла в крошечный дворик и стала подниматься по гулкой каменной лестнице в торце здания. Он еще не предложил ей выпить, а она уже расстегивала платье. И быстро скользнула под простыню, заменявшую ему плед. Кирш, все еще одетый, присел на краешек кровати. Он получил то, что хотел, но чувствовал себя и нелепым, и неловким. Он не знал, с чего начать: поцеловать ли Джойс или развязать сначала шнурки? Она сама сделала за него выбор, и на этот раз можно было не сомневаться, кто зачинщик. Джойс села и обвила его шею руками. Лунный свет лился в комнату из створчатых окон, разделявших спальню и балкон, и в этом сиянье ее голые груди казались молочно-белыми, словно выточены из слоновой кости. Кирш наклонился к ней. И принялся целовать. Джойс откинулась назад, закрыла глаза. Кирш скользил губами по ее шее, плечам, груди. Дыхание Джойс участилось, она, ероша его волосы, снова властно

притянула его к себе, и снова они целовались. Его рука, спускаясь все ниже, нашла ложбинку меж стиснутых ног…

— Думаю, — сказала она, — было бы неплохо, если бы ты разделся.

14

Перед Дамасскими воротами женщины продавали садовые цветы и дикие лилии. Блумберг прошел мимо них в сук. Смеркалось, торговцы закрывали лавки. Двое мужчин скатали ткань в гигантский рулон, поставили его на попа и, подхватив с обеих сторон, оттащили в складскую часть лавки, как перебравшего собутыльника. Чуть дальше, возле мясной лавки, где над выставленными тушами носились полчища мух, разносчики, обступив жаровню, поворачивали на раскаленных углях куски мяса.

«Ну вот, — сказал он Джейкобу Розену, своему невидимому спутнику, — ты хотел это увидеть? Надеюсь, ты не разочарован».

Джейкоб отер с глаз запекшуюся кровь и огляделся.

Блумберг шел куда глаза глядят. Хорошо знакомые рыночные звуки, запахи и образы раньше вызвали бы у него любопытство и восхищение — сейчас его мало интересовали. Только когда «раньше»? Месяц, год назад? Сейчас их заслонял запах тела Джойс, когда она в ужасе проснулась рядом с ним в то утро. Наверно, ей привиделся тот

мертвец. Блумберг, все еще в полудреме, прижался к ней, уткнувшись носом ей в шею, как кутенок. А теперь он тянет время и бесцельно наматывает круги, чтобы дать ей возможность прийти в себя и сочинить для него правдоподобную ложь. Ложь, к которой он сам же ее и подтолкнул. Он говорил себе, что это для ее же пользы. Отпустить ее — единственный альтруистический жест, на который он способен. Немного, конечно, но все лучше, чем ничего. Через час или около того он вернется домой.

Росс, перед тем как проститься с ним сегодня, намекнул Блумбергу на еще одно задание, которое для него придумал. Может, пожалел его из-за мотоциклетной эскапады Джойс. Так или иначе, Россу понадобилась картина, вернее даже несколько картин — изображение неких древних храмов в какой-то Петре, о которой Блумберг слыхом не слыхивал. Он хочет отправить Блумберга — с оплатой дорожных издержек, естественно, — в Трансиорданию. Джойс могла бы его сопровождать (это что, завуалированная попытка примирить их?), а в помощь им и для охраны дадут двух бедуинов. Путешествие, хоть такое и маловероятно, может быть сопряжено с опасностями, поэтому нужна охрана. Что Блум-

берг на это скажет? Блумберг думал, расхаживая по очередному рыночному закоулку, похоже отведенному исключительно для почтовых открыток и сигарет, что если бы под ним сейчас разверзлась бездна и поглотила его — это был бы лучший выход. С другой стороны, раз он повелся на сотню фунтов, почему бы не взять пятьсот? Но без Джойс. Если он и поедет, то только один.

Он достал из брючного кармана разлинованный листок. На нем был отпечатанный на пишущей машинке список мест, которые сионистская организация просила его посетить, чтобы нарисовать еврейских переселенцев за работой: чулочно-носочная фабрика «Лодзия» (для этого потребовалось бы ехать в Тель-Авив), шелкоткацкая фабрика Дельфинера, кондитерская-пекарня Раанана и печи для обжига силикатного кирпича. А еще — кошерная скотобойня и родильное отделение больницы Шаарей-Цедек[31]. Блумберг скомкал листок и бросил в кучу вонючих овощных ошметков — здесь у входа в узкий проулок, похоже, обитала целая стая бездомных кошек.

В Тальпиот он вернулся уже после девяти. Он надеялся увидеть в окнах свет и немного уди-

---

[31] Примечания: 31
Больница Шаарей-Цедек была открыта в Иерусалиме в 1902 г.

вился, потому что дом был погружен во тьму. Он вошел, плеснул в стакан бренди, сел на край кровати и залпом выпил. Чуть погодя вынес на лужайку любимый плетеный стул и развалился на нем, как сонный страж у дверей. Месяц светил ярко, вполне можно было еще порисовать, но у Блумберга не было ни сил, ни желания работать. Он уже совсем задремал, когда на шоссе послышались легкие шаги. Калитка с шумом распахнулась. Он поднялся.

— Повеселилась? — крикнул он в темноту — туда, где ветви жасмина, свешиваясь через ограду, даже ночью создавали густую тень.

Джойс остановилась.

— Он лучше, чем я? Хуже ведь быть не может? Ладно, забудь. Я дам тебе чашку горячего какао. Укутаю пледом. Сделаем вид, что мы в промозглом Лондоне, а не в этой богоспасаемой дыре.

Она не двигалась. Блумберг выкарабкался из кресла, опрокинув его при этом. Покачиваясь, спустился с крыльца. Вот она, его Джойс, бледная, раскаивающаяся. Но только это не Джойс. Это мальчик-араб. Блумберг быстро глянул на руки парня. «Заряжай ружье, спасайся от ножа», — отцовские слова всплыли из памяти, словно хранились там сорок лет ради этой минуты. Но

никакого оружия видно не было.

Парень быстро нагнулся, пошарил руками и, похоже, что-то подобрал с земли. Потом развернулся и побежал.

— Эй! — крикнул Блумберг ему вслед.

И, пошатываясь, пошел к калитке. Подобрал камень, замахнулся, чтобы бросить ему вдогонку, но передумал, и камень выпал из его руки. Он огляделся вокруг, словно не понимая, как вообще здесь оказался. Звезды над головой складывались в незнакомый, колеблющийся узор.

Когда наконец на рассвете Джойс вернулась, Блумберг крепко спал, развалившись на их кровати. Убрав со своей подушки пустую бутылку, она разделась и, поеживаясь, скользнула под простыню к мужу, если его еще можно было так называть.

15

Кирш поднимался по широкой винтовой лестнице, огибавшей внешнюю стену храма Гроба Господня. Он ощущал приятную усталость, кожу под рубашкой слегка пощипывало. Джойс в порыве страсти вцепилась в него, оставив на спине саднящие отметины.

Он вышел на крышу, следуя за архиерейской процессией, двигавшейся меж древних глинобитных келий с окошками в форме креста. Долговязый худой монах, весь в белом, держал над головой архиерея ярко-желтый зонтик. Войдя в абиссинскую церковь[32], Кирш остановился в притворе — поодаль от прихожан, певших и раскачивавшихся под звуки барабанов. Он пришел сюда ради подруги Де Гроота. Он наведался к ней на квартиру и узнал от соседки, что та часто ходит на воскресную службу именно в эту церковь. И, оглядываясь вокруг, Кирш понял почему: розовый потолок, яркие фрески на стенах, исступленная африканская музыка, — все такое

[32] Примечания: 32

Абиссинский (эфиопский) монастырь в храме Гроба Господня действовал до 1938 г.

радостно-чувственное. Казалось, еще немного — и он присоединится к этому диковинному хору, правда, совсем по другой причине.

Кроме него на службе оказалось довольно много белых: абиссинская церковь числилась среди главных достопримечательностей, рекомендованных вновь прибывшим. Кирш заметил Хелен Уиллис — она приехала полмесяца назад к своему мужу Джерри, а в первом ряду — его нетрудно было узнать по характерной монашеской тонзуре — сидел Лоренс Мильтон, новый иерусалимский глава округа.

— По работе или просто так?

В первую секунду он испугался: ему показалось, что это голос Блумберга. Он обернулся, но, к счастью, это оказался Дж. В. Роулендс, эксперт по древностям, работавший в британской администрации. На нем был шерстяной костюм, совершено не по погоде. Обливаясь потом, он утирал лоб гигантским носовым платком.

— По работе, к сожалению.

— Дело Де Гроота?

Кирш криво улыбнулся. Он не собирался говорить ничего такого, что потом передадут Россу.

— Я слышал, на похоронах было двадцать тысяч черных шляп, — продолжал Роулендс. — Неуже-

ли правда? Вот уж не ожидал, что в городе их так много — хотя, если судить по тому, какой гвалт поднялся в Еврейском квартале, могло показаться, что их там полмиллиона.

— Толпа была большая.

— Есть подозреваемые? Говорят, убитый заигрывал с арабскими мальчиками. Конечно, не он один такой.

Краем глаза Кирш заметил полноватую растрепанную даму, — выйдя из бокового прохода, она пристроилась в переднем ряду.

— А еще я слышал, что он взял денег в долг и не вернул. Арабы такого не любят, знаете ли. Честь для них — не пустой звук.

— Простите, — сказал Кирш, — мне нужно кое с кем поговорить.

— Понимаю.

Отзвучали последние звуки дивного хора, умолкли барабаны. Архиерей жестом разрешил собравшимся занять места на скамьях.

— Кстати, — Роулендс схватил Кирша за рукав, — что вы думаете о Блумберге? Росс говорит, его новая картина великолепна.

— Простите? — Кирш сделал вид, что не расслышал вопроса.

— Жена у него — загадка, — продолжал Ро-

улендс, — что странно для американки, обычно они такие открытые. Почему-то никто не хочет приглашать их на чай. Как думаете, стоит?

— Я бы не рискнул. Чего доброго, начнут пить из блюдечка.

Оставив Роулендса размышлять над ответом, Кирш стал проталкиваться вперед. Элис стояла прямо перед огромным распятием, занимавшим полстены. Алые капли крови из пронзенных рук, ярко-зеленый мученический венец над черным челом. И правильно, подумал Кирш, пробираясь к алтарю, этот голый черный Иисус определенно лучше, чем тот сентиментальный, задрапированный британский, у которого порой даже загара нет. В Лондоне на Рождество шел дождь, как обычно, и он помогал ребятам наклеивать кусочки ваты на картон — для рождественского вертепа. Он помнит запотевшие окна классной, туберкулезный кашель соседа по парте Джонни Чизома, и как мать не могла скрыть разочарования, узнав, чем он был занят целый день, — точно как его коллеги здесь, когда обнаруживают, что снег в Вифлееме такая же редкость, как и у них на родине.

Подобравшись ближе к женщине с косами, Кирш сел на скамью. Он приготовился ждать

конца службы, чтобы потом с ней поговорить, но, как только началась проповедь, она встала и, утирая слезы, двинулась к выходу. Кирш последовал за ней. Он догнал ее у лестницы, ведущей вниз, в сук.

— Мисс Боун?

— Да.

— Роберт Кирш, полиция Иерусалима. Я расследую убийство Яакова де Гроота. Можем мы побеседовать?

Казалось, женщина вот-вот опять заплачет. Но она отвернулась. Смотрела вниз, где у подножья лестницы ослик орошал камни желтой брызгучей струйкой, превращая их из белых в коричневые.

— Я понимаю, что не вовремя, — продолжал Кирш. — Но я уже искал вас в больнице. Если бы мы могли поговорить несколько минут!

И он повел ее через сук к маленькому кафе возле Яффских ворот. Кирш спросил чаю, но Элис от чая отказалась. На его вопросы отвечала кратко, но по делу. Ей нечего скрывать, сказала она.

— Когда вы познакомились с мистером Де Гроотом?

— Два года назад.

— Где?

Она покраснела:

— В ресторане «Бристольский сад». На одной из *thés dansants*[33]. Все сестры туда ходили — то есть когда могли себе позволить.

— На танцах?

— Ну, в то время Яаков еще не был… Вы правда не знаете? Он вовсе не был таким набожным, когда приехал в Палестину. Он был социалистом.

У Элис было открытое, круглое лицо. На лбу над бровями тонкий шрам, как след от сестринского чепца. Гладко зачесанные волосы заплетены в косы, нос чуть приплюснутый, как у татарки. Но вовсе не внешность, а мягкость манер и проницательный, умный взгляд — вот что в ней привлекало. На вид ей было лет сорок.

Кирш поднес к губам стакан с чаем — к мятным парам примешивался запах лона Джойс, приставший к кончикам его пальцев и ногтей. На краткий миг он снова оказался в своей спальне, Джойс под ним, ее глаза закрыты, волны пульсируют и нарастают. У Джойс на лбу капельки пота, струятся по лицу, по шее. Он наклоняется поцеловать ее грудь, но она, по-прежнему крепко зажмурившись, отталкивает его: продолжай.

---

[33] Примечания: 33
Вечеринка с танцами (*фр.*).

Элис Боун все говорила и говорила — рассказывала о том, как Де Гроот из социалиста стал ортодоксом и отказался от всего, во что раньше верил.

— Но не от вас, — заметил Кирш.

— Простите?

— От вас он не отказался.

Лицо его собеседницы застыло.

— Я не хочу вас обидеть, но вы сами понимаете, что ваши отношения обычными не назовешь. Христианка — и ортодокс.

— Между нами ничего не было, мы просто дружили. Что тут странного?

— Дружили? Но я так понял…

— Что именно вы поняли? — Элис смотрела на него чуть не плача. — Мы были друзья, говорю же вам. — И добавила тихо: — Разве могло быть иначе?

— Из-за его религии?

— Нет. — Элис отвернулась и, обращаясь к пустому соседнему столику, прошептала: — Из-за мальчика.

Кирш молчал. Кто знает, может, она лжет, а может, нет.

Официант незаметно подошел, забрал пустой чайный стакан и положил на его место счет.

Наступало самое жаркое время дня, и базар закрывался — скрипели ставни, звякали цепи и тяжелые замки.

— Я его пыталась предупредить, — продолжала Элис. — Семьи, знаете, за своих горой, могут и отомстить. А что касается самого мальчика, то можно ли ему доверять, что он не украдет, не…

— Не — что?

— Не зарежет.

Элис закрыла ладонями лицо.

— Вы знали этого мальчика?

— Нет.

— Но были с ним знакомы?

— Нет.

— Но хоть раз его видели?

— Однажды, издалека. Я зашла к нему домой. Меня не ждали. Яаков сказал, что не хочет прерывать урок. Он открыл дверь — в дальней комнате за столом сидел мальчик. Яаков выпроводил меня.

— Вы знаете имя мальчика?

Элис взглянула на Кирша с удивлением:

— Не знала, пока вы не устроили облаву. Теперь его знает весь Иерусалим.

Кирш поблагодарил Элис, заплатил по счету и поспешно вышел из кафе. Путь ему перегородила

процессия — священнослужители в длинных белых одеяниях, препоясанных веревкой, и в одинаковых панамах оживленно говорили друг с другом по-итальянски. Кирш протолкался сквозь толпу. Нужно как можно скорее поймать мальчишку. Кирш велел капитану Харлапу приглядывать за ним, но в пятницу вечером, пока Кирш с Джойс предавались страсти, Сауд умудрился ускользнуть. Пока Харлап опять не напал на след подозреваемого, Киршу следует уведомить Росса о новом повороте в расследовании. Или, может, лучше сначала дождаться ареста Сауда.

Но долго раздумывать не пришлось. Сразу за Яффскими воротами он увидел припаркованный губернаторский «бентли». Рядом с бежевой машиной стоял Росс, импозантный в своем белом кителе. Он увлеченно беседовал о чем-то с высоким блондином в дорогом костюме — этого молодого человека Кирш раньше не встречал. Оба рассматривали карту, разложенную на капоте. Кирш вышел из ворот, и в эту минуту Росс, оторвавшись от карты, стал указывать собеседнику куда-то на самый верх зубчатой стены — и тотчас заметил Кирша. И еще издали, не успел тот перейти дорогу, заговорил:

— Знаю, знаю. Вы думали, я в церкви. Конечно,

по всему, я должен там быть. Нобби Брайант читает сегодня отрывок из Библии[34] в церкви Святого Георгия. Я обещал ему быть, но, боюсь, увлекся кино, как, впрочем, и все.

Кирш был явно озадачен.

— Простите, капитан. Я должен пояснить. Это мистер Питер Фрумкин из киностудии «Метрополис».

И обернулся к своему собеседнику:

— Мистер Фрумкин, познакомьтесь с капитаном Робертом Киршем. Думаю, он в этом предприятии может оказаться для вас даже полезней, чем я.

— Рад знакомству.

Мужчины пожали друг другу руки.

— Мистер Фрумкин хочет снимать на этих древних стенах осаду Иерусалима римлянами. Для чего просит одолжить ему легионеров из нашего Британского полка. Нарядит их в палии и шлемы — они будут изображать взятие города. Что скажете? Пустим Голливуд в Иерусалим?

— Похоже, вы уже решили согласиться, сэр.

— Мистер Росс рассказывал мне про общество «За Иерусалим». Звучит захватывающе, мы будем

---

[34] Примечания: 34

В англиканской церкви зачитывать во время богослужения отрывок из Библии может и мирянин.

только рады поддержать такую организацию. И, смею заверить, капитан Кирш, к концу съемок ни один камень не будет потревожен, ни одного пятнышка краски в неположенном месте.

— Ладно.

— Мы собираемся снимать в Иерусалиме всю следующую неделю. А прямо сейчас отправляемся в пустыню, чтобы до четверга закончить с верблюжьими гонками. У меня три сотни переодетых бедуинов, только и ждут отмашки.

Кирш молча кивнул. Что за чушь! И нетерпеливо обернулся к Россу:

— Можно вас на пару слов, сэр?

— Хм.

Повисла неловкая пауза, и Фрумкин принялся сворачивать карту.

— Прошу извинить меня, мистер Фрумкин, — начал Росс, — но, боюсь, тревожный тон капитана означает, что дело безотлагательное.

Фрумкин помахал над головой картой — к ним плавно подкатила стоявшая поодаль машина. Водитель вышел, открыл перед начальством дверцу. Фрумкин помедлил немного, потом обернулся к Киршу:

— Вы ведь один из наших, верно? — И подмигнул.

Кирш, пропуская Росса вперед, сделал вид, что не расслышал.

16

— Я уезжаю, — сказал Блумберг. И надвинул на глаза потрепанную соломенную шляпу.

— От меня? Навсегда? Или просто уезжаешь?

Они сидели в саду за круглым обшарпанным столиком — он, наряду с четырьмя колченогими стульями, достался им от предыдущих жильцов. Еще раньше утром, смущенная, но на удивление счастливая, не в силах противиться всему новому, что готовит ей этот теплый сияющий день, Джойс нарвала цветов у крыльца. И теперь их поникшие лиловые и желтые головки свисали по краям побитого эмалированного кувшина в центре стола, как пятна крошечных синяков.

— Еду рисовать. Это не имеет отношения к пятничной ночи. Можешь встречаться с ним, если хочется.

Ей не требовалось его разрешение — во всяком случае, она об этом не просила. Лучше уж давешний пьяный гнев, чем это равнодушие, по крайней мере в его злости была страсть. Может, он удивился ее выходке, хотя считал себя невозмутимым. Он ведь сам просил ее уйти, но не думал, что она воспримет это всерьез.

Маленькая ящерка, в мизинчик, взобралась по ножке стола. Там рядом с цветами стояла тарелка спелого инжира. Обри Харрисон принес их накануне, застав их в разгар семейной ссоры. Вопли Блумберга и ее пусть не такие громкие ответные реплики, вероятно, были слышны за версту. Тем не менее Обри, совершая утренний моцион, не спешил ретироваться. И лишь подойдя ближе, он осознал серьезность происходящего и не решился постучать. Оставил подарок на крыльце. Джойс видела в окно, как он уходит.

Блумберг взял Джойс за руку и стал поглаживать веснушчатое запястье.

— А помнишь, как мы взяли лодку на Темзе?

— Это для плакатов с видами Лондона? Я сидела на веслах, а ты рисовал.

— Да, точно. Ну и хватит — ты и так слишком долго гребла. Больше тебе не придется меня терпеть.

Джойс помнила прохладный речной бриз, вокруг ни души, на одном берегу виднелись какие-то заросли, напротив на грязном лугу паслись коровы.

— Я уезжаю в конце недели. Работа денежная. «Забытые храмы Петры» кисти сэра Марка Блумберга, П. К.

— Почетного кавалера?

— Простившегося с кибуцниками.

— И как долго тебя не будет?

— Месяца два-три, а то и больше.

— А я что, должна все это время сидеть здесь?

— Можешь вернуться в Лондон, если хочешь, удерживать тебя здесь никто не будет, разве что твой пылкий капитан Кирш.

Блумберг оттянул ворот пуловера, потом вытер потные ладони о вельветовые брюки. Зачем так выряжаться в такую жару? Да просто назло всем, и это лишний раз доказывает, что они совершенно не подходят друг другу. За примерами далеко ходить не надо. Джойс любит танцевать — он терпеть не может. Он аккуратен — она вечно все разбрасывает. Ей нравится водить машину — он же признался, что никогда особо не хотелось. Он ненавидел оперу. Ненавидел музеи, — но при этом мог часами таскаться за ней по длинным залам, брюзжа всю дорогу. Английскую деревню, которой Джойс не уставала восхищаться, он находил слишком шумной. Она, наивная американка, видела прекрасное даже в самом непритязательном, даже утиное кряканье ее умиляло. Сословных различий она не понимала.

Год назад все это не имело значения, теперь

же лишь подталкивало к разрыву, думала она. За пять лет она ни разу не усомнилась в том, что любит его, но в последний год злость, раздражение и, хуже всего, невнимание и нечуткость с его стороны сильно поколебали эту уверенность. И несмотря на это, возможно, она все еще любит его, любовь — штука живучая.

Но если так, тогда почему она переспала с Робертом Киршем? Этот вопрос, естественно, Марк не задал ей во время вчерашней сцены. Наверняка ему казалось, что он знает почему, даже если она не знает. Ему хочется думать, что только он, и никто другой, в ответе за ее поступки. Лишний повод себя упрекнуть, занимаясь самоедством. Но, если честно, была и другая причина: она сделала это по своей воле, поддавшись страсти, и это тревожило ее гораздо больше, чем уверенность Марка в том, что никакой страсти не было.

— Я еще поживу в этом доме, — сказала Джойс. — Мне нравится в Иерусалиме. Надеюсь найти здесь работу. — Наверняка скоро кто-нибудь из друзей Лео Кона свяжется с ней, подумала она.

— Вот и отлично, — сказал Блумберг. Похоже, он даже обрадовался.

17

Когда настала ночь, как назло ясная, Сауд спрятался за асбестовыми щитами, прислоненными к стене дядиной булочной. Поглядывая наружу, в какой-то момент он заметил полицейского, который гонялся за ним в пятницу, и похолодел от страха. Сауд тогда ускользнул от него и ухитрился добраться до места, где умер Яаков. Но не прошло и двух дней, и вот опять этот коротышка с мощными бицепсами, обшаривает темные проулки. Он, должно быть, уже побывал у Сауда дома, колотил в дверь, разбудил мать, напугав ее, и выстроил в ряд всех братьев, чтобы еще раз убедиться, что Сауда среди них нет.

В конце концов его поймают. И снова поведут на допрос к тому английскому офицеру, а может, до этого не дойдет. Он знал, что расправа может быть очень быстрой. Нож в сердце или перережут горло. Сауд замер, стараясь не дышать, мимо прошел полицейский, он слышал гулкий звук шагов по каменным ступеням, когда тот спускался по Кардо. Сауд дождался, когда все стихнет, и зашел в булочную с черного хода. На ощупь в темноте добрался до открытого устья печи и, втиснувшись

между двумя огромными чанами, один с кунжутным маслом, другой пустой, сжался в комок на каменном полу. В каждой смутной тени виделся ему Де Гроот — он шатался, стонал, в груди нож. Сауд закрыл глаза — и Де Гроот снова был рядом, обнимал, нашептывал ласковые слова, гладил по голове.

И ничего-ничего нельзя сделать. Дядя Камиль наверняка обнаружит его, когда утром придет на работу. Полицейский вернется, усядется в кафе напротив и, попивая сладкий кофе, будет терпеливо ждать, наблюдая, как дядя, с белыми от муки руками, стопка за стопкой складывает горкой лепешки и насыпает в бумажные кулечки заатар[35].

[35] Примечания: 35
Заатар, или душица сирийская, — ближневосточная пряность.

18

Кирш нашел Росса лишь в воскресенье днем. И теперь шофер Росса вез их по Вифлеемской дороге, мимо протестантского кладбища, мимо Школы епископа Гоба[36], в сторону горы Сион, все дальше от Старого города, в сторону Северного Тальпиота. На черном небе высыпали звезды, как будто в лицо ночи бросили горсть светящихся крошек.

— Он у нас в руках, — сказал Кирш как бы между прочим. Он замечал, что при Россе почему-то всегда старается говорить в той же светски беспечной манере.

— Ага. — Росс снял очки, достал из нагрудного кармана аккуратно сложенный белейший носовой платок и принялся протирать линзы. — Значит, дело ускорилось?

— Вот именно, сэр. Думаю, мы знаем преступника, я велел сержанту Харлапу его арестовать.

— То есть он не совсем у вас в руках.

— Согласен.

---

[36] Примечания: 36

Самуэль Гоба (1799–1879) — религиозный деятель, протестантский епископ в Иерусалиме.

— И кто же наш убийца?

— Подозреваемый — арабский мальчишка, сэр. Сауд аль-Саид. Его видели в доме Де Гроота. Сейчас мы обыскиваем район вокруг дома. Возможно, этот аль-Саид был любовником Де Гроота.

— Сколько ему лет?

— Шестнадцать. Я допрашивал его в пятницу и отпустил, но он оставался под наблюдением. Теперь всплыли новые улики. Хоть они и косвенные, но я думаю, дальше дело пойдет быстрее.

— Правда? — Росс потянулся к нагрудному карману. В салоне, отделенном от водительского места стеклом, было жарко и душно. Кирш подумал, что Росс снова полез за платком, чтобы вытереть потный лоб, но тот продемонстрировал конверт.

— Вы не против, если я зачитаю вам кое-что, присланное утром с одного из полицейских постов — поспешу добавить, что не в вашем районе.

Кирш ответил натянутой улыбкой:

— Конечно, нет, сэр.

— Ладно. — Росс надел очки, извлек письмо и начал читать вслух:

Дорогой сэр Джеральд,

Хочу поблагодарить вас от имени Окружной полиции за ваш бесценный подарок — футбольную игру, которую вы представили в пятницу на матче, организованном с этой целью на Казарменной площади. Команды были составлены из мусульман, христиан и евреев, капитанами были (а) сержант Швили (еврей) и (Ь) П. К. Бадави (мусульманин), при этом стоит особо отметить полнейшую гармонию, царившую на поле в течение 50 минут игры. Знание правил игры в настоящий момент не самая сильная сторона Окружной полиции, но сам дух честного соревнования, развивающего сообразительность, присутствует в полной мере, и обучение искусству футбола будет предпринято. Ваш, и так далее.

— «Полнейшую гармонию», понимаете, Роберт? И зачастую, чтобы ее достичь, достаточно приложить немного усилий, и получается дешево и эффективно. Это хорошая новость. А теперь мы зажжем эту пороховую бочку, объявив об аресте юного Сауда, и тогда пламя перекинется на весь город. Нам лучше бы подготовиться. Сер-

жант Швили и П. К. Бадави едва ли готовы будут пожать друг другу руки в конце матча. Предположительно гомосексуальный арабский мальчик убивает предположительно гомосексуального еврея-ортодокса, который по чистой случайности оказался одним из самых влиятельных антисионистских ораторов Агуды — убивает из-за денег (Де Гроота или чьих-то еще), из-за любви, или черт его знает из-за чего еще — и что, все тихонько расходятся по домам ужинать и молиться? Я так не думаю, старина.

— Да, сэр.

— И скажу напрямик: если здесь действительно случится заварушка, не уверен, что у нас хватит людей сдержать ее. Мы выполняем здесь «священную миссию», которая состоит в том, чтобы подтянуть тех, кому не так повезло, как нам, но это возможно, только если мы поддерживаем иллюзию, будто контролируем ситуацию. Иллюзию, которая основывается в том числе и на нашей вполне заслуженной репутации людей честных. Мы же не турки. Вешать на площадях не будем. Горькая правда, однако, заключается в том, что Палестина — довольно бесполезная и заброшенная часть нашей империи. Хоть и не совсем бесполезная. Мы не собираемся, напри-

мер, сидеть и ждать, когда французы придут и начнут шнырять вокруг Суэцкого канала, и в настоящее время, пока мы здесь, мы пытаемся удержать арабов и евреев, иначе как бы они не стали резать друг друга. Тем не менее, как я говорю, и в самой Британской империи, и за ее пределами есть, уверяю вас, мнения намного более авторитетные и признанные, чем мнение моей скромной персоны. Что такое наш гарнизон в сравнении с индийским? Много ли у меня военных и полицейских? Горстка аэропланов, шесть броневиков, жандармерия в семь тысяч человек на всю страну и только две сотни ваших ребят — это не считая разных Швили и Бадави, которым нельзя полностью доверять. И скоро с футболом придется завязывать. Итак, лекция закончена, ваши предложения?

— То есть?

Росс смотрел выжидающе, как будто имеет дело с самым тупым учеником в классе:

— Насчет аль-Саида.

На самом деле Кирш прекрасно понял, к чему Росс клонит, еще когда тот зачитывал письмо.

— Итак?

— Мое предложение, сэр, арестовать аль-Саида.

— А если вам скажут, что этого делать не стоит?

— Тогда мне придется обратиться к верховному комиссару.

Кирш выложил козыря. Он играл с огнем. Только лорд Сэмюэл имел власть над Россом. Но станет ли он на сторону Кирша? Трудно сказать.

Росс улыбнулся:

— Отлично, Роберт. Вы правы. Не сдавайте позиций. Правосудие превыше всего.

Кирш, чувствуя, что задыхается, открыл окно со своей стороны. Машина свернула влево, к резиденции губернатора, где развевался на флагштоке хорошо видный при луне британский флаг.

Росс сменил тему разговора:

— Я попросил Марка Блумберга съездить в Петру. Я хочу, чтобы он посмотрел там храмы. Вряд ли художник такого уровня когда-либо их изображал. Предприятие серьезное, так что оно займет несколько месяцев.

Кирш чувствовал, что краснеет, но ничего поделать с этим не мог.

— Его жена, разумеется, поедет с ним, — продолжал Росс, — если…

Машина подъехала к воротам резиденции. Росс постучал по стеклянной перегородке.

— Минуточку, — сказал он водителю. — …Если финансы позволят. К тому же суровость трансиорданской пустыни делает ее не лучшим местом для молодой женщины, особенно в это время года. И все же я подумал, что Блумбергу — разумеется, если он едет без жены — может понадобиться помощник. Кто-то, кто будет таскать за ним мольберт и краски, — в общем, мальчик на побегушках. Аль-Саид для такого дела отлично подходит. К тому же рядом будет унтер-офицер арабского легиона и еще четверо из Верблюжьего корпуса[37] — на случай, если в пути случится что-то непредвиденное или же мальчишке вдруг придет в голову еще кого-нибудь зарезать. Но все это, конечно, если Блумберг вообще примет это предложение, и уж конечно если поедет без — как звать эту миссис Блумберг? — Джейн. Нет, Джойс. Но ведь Блумберг человек сложный. Его не поймешь. Хотя мне кажется, я сумею его уговорить. Мои знакомые о нем высокого мнения, и картины у него и впрямь замечательные. По правде, я восхищаюсь его талантом и готов оплатить эту довольно необычную экскурсию. Ну как

[37] Примечания: 37

Имперский верблюжий корпус — войсковое соединение Британской империи, основанное в 1916 году. Личный состав формирования передвигался на верблюдах.

вам этот план?

Кирш взялся за ручку двери.

Росс перегнулся через сиденье и придержал его за рукав:

— Отпустите мальчишку, держите рот на замке — и у вас с миссис Блумберг будет предостаточно времени, без каких-либо помех. Все проще простого. — Росс отпустил его.

Кирш распахнул дверцу машины.

— Ладно, — сказал Росс. — Не сомневаюсь, скоро вы дадите мне знать о своем решении.

Кирш выбрался из машины, громко хлопнув дверцей. Пред ним расстилались поля, поросшие чахлой травой и пыльным бурьяном. Он склонился над обочиной, его вырвало. Машина Росса въехала в ворота губернаторской резиденции.

19

Кирш сидел в своем кабинете, душной каморке без окон, уставившись в стену. От губернаторского дома он шел пешком, а это километров пять, форменную фуражку — как утраченный символ прежней жизни, которой сам был хозяин, — он забыл в машине Росса. И теперь он сидел в темноте и слушал, как кровь пульсирует в висках. Он знал, как до́лжно поступить, и знал, как поступит. Если он отпустит Сауда в Петру с Блумбергом, тогда его работа — фикция, и сам он тоже фикция. Ему пришло в голову, что в этих краях уже был похожий прецедент. Царь Давид послал мужа Вирсавии на передовую, чтобы устранить соперника. Царь заполучил женщину, к которой вожделел, но всю оставшуюся жизнь раскаивался. Впрочем, не Кирш решил отправить Блумберга в Трансиорданию, а Джойс не раба его желаний. Даже напротив. Никогда еще он не чувствовал себя таким беспомощным в чужой игре. У него было ощущение, что его используют. Но он никогда еще не чувствовал такой привязанности к другому человеку. Почему? И не находил ответа в душе. Все равно, с какой стороны ни

посмотри, потворствовать Россу не должно, а Кирш пусть и смутно, но понимал, что стал полицейским отчасти для того, чтобы уравновесить весы справедливости по отношению к своей семье, покачнувшиеся, когда убили брата. И сейчас уступка с его стороны означала бы победу тех самых сил зла, которые погубили Маркуса.

В дверь громко постучали. Кирш кинулся было зажечь свет, но Картрайт уже входил, не дожидаясь приглашения. Позади него в дверях маячил Харлап. Картрайт остановился перед столом Кирша, оставив дверь нараспашку — жидкий зеленоватый свет коридорной лампочки обрисовывал могучую фигуру Харлапа.

— Мы его взяли. Лампард его нашел — он прятался у своего дяди, в чане из-под кунжутного масла.

Кирш посмотрел на двух своих сержантов. Один англичанин, другой — палестинский еврей, но одеты оба неряшливо, как принято у местных. Картрайт в мятой рубашке с закатанными рукавами, у Харлапа на гимнастерке не хватает двух пуговиц, волосы на груди торчат как войлок из матраса.

— Парень здесь? — спросил Кирш.

— Доставляют.

— Хорошо. Как только он будет здесь, переправьте его в резиденцию губернатора.

— Так поздно? Зачем?

— Поздно, не поздно — делайте как я сказал.

Харлап тотчас удалился. Картрайт еще помедлил — видно было, что он недоволен. Кирш знал, что Картрайту не нравится, что им командует офицер лет на десять его моложе, вдобавок еврей.

— Ступайте же. Чего вы ждете?

— Стало быть, высадить его у дверей, а потом?

— Люди губернатора встретят его. Допрос будет проходить в резиденции.

— Ладно.

Вряд ли Картрайт знает, что про допрос он выдумал, и все же Кирш был уверен, что тот догадался.

— Если вам будет угодно, сэр, мы можем выведать все, что нужно, прямо в машине по пути туда.

— : Нет, мы этого делать не будем.

— Нет, сэр, конечно нет.

Машина, зеленый спортивный «моррис» — одна из четырех, имевшихся в распоряжении полиции, лихо промчалась мимо монастыря клариссинок, а когда Доббинс свернул на объездные

улицы, чуть притормозила, чтобы не напороться на гвозди — таксисты продолжали разбрасывать их на главных магистралях. Сауд сидел на заднем сиденье, зажатый между Лампардом и Картрайтом. Доббинс вел машину молча, только однажды выругался, когда чуть не задавил козу, не спеша переходившую дорогу. Возле проселка, ведущего к учебной ферме, он снова вырулил на шоссе и прибавил газу — теперь они ехали в направлении Государственного арабского колледжа.

Картрайт ткнул Доббинса в спину:

— Давай поскорее.

— Отстань, — ответил тот, — скоро доедем.

— Вот упрямый козел, — буркнул Картрайт, и тотчас стекло пробили пули — одна угодила Доббинсу в руку, другая в голову Картрайта. Машину занесло, но Доббинс кое-как удержал руль и справился с управлением.

— Гони, гони же! Черт…

Пуля, слегка задевшая голову Сауда, попала Лампарду в правое плечо. Парень все еще машинально придерживал на коленях голову Картрайта — под ней натекла лужа крови.

— Он мертв. Мертв. Чертовы арабы, чертов сукин сын.

Лампард хотел ударить Сауда раненой рукой,

но не смог — только застонал от боли. Из раны над ухом Картрайта сочилась густая темная кровь, заливая ноги Сауда, пол в машине. Доббинс рыдал — одной рукой вцепившись в руль, он на полной скорости въехал в ворота губернаторской резиденции. Въехав во двор, он затормозил и уронил голову на рожок — и так и сигналил, пока дежурные охранники не вышли забрать — троих живых и одного мертвого.

В кабинете Кирша зазвонил телефон.

— Берите Блумберга и везите сюда. Экспедиция в Петру отправляется прямо сейчас.

Судя по голосу, Росс был вне себя.

— Что происходит? Почему такая спешка?

— Господи! Вы что, ничего не слышали? По машине стреляли. Один рядовой убит и двое ранены — один в руку, другой в плечо.

— Кого убили?

— Вашего Картрайта.

Кирш закрыл ладонью глаза. Росс на другом конце провода молчал.

— А парень?

— Жив-здоров. Везунчик.

— А кто?..

— Кто стрелял? Откуда мне знать? Это ваша работа — узнавать. Я полагаю, евреи. Это может

быть абсолютно не связано с нашим неприятным грузом. Месяц назад кто-то стрелял в эту же машину, когда мы были в Хевроне — капот поцарапали. Не боюсь показаться нескромным, если скажу, что, вероятно, охотятся за мной. Или, может, за вами? Думаю, местные сионисты не в восторге от того, чем вы занимаетесь.

Сообразив, что, возможно, перегнул палку, Росс чуть сбавил тон:

— Послушайте, берите Блумберга и тащите его сюда. Подвезете к черному ходу. О планах никому ничего не говорите. И ни слова о том, что произошло. Чем меньше Блумберг будет знать — тем ему спокойнее, а к тому времени, когда кто-нибудь проболтается, они уже будут далеко в пустыне.

— А Лампард и Доббинс?

— Лампарду размозжило плечо. Доббинс потерял много крови, но он выкарабкается.

— Картрайт. Надо дать телеграмму…

— Утром дадите.

Щелчок на другом конце провода. Кирш повесил трубку. То, как Росс объяснил засаду, было явной натяжкой. Что-то Кирш не слыхал об инциденте в Хевроне. Насколько ему было известно, уже год не случалось ни одного покушения на жизнь британского офицера или рядового, при-

чем в последний раз это была пьяная выходка, а не покушение. Такой сценарий маловероятен, разве что обстановка в корне изменилось, а он, Кирш, это каким-то образом проглядел. Что возможно, особенно потому, что в последние несколько дней он особо не держит руку на пульсе. Едва заметная перегруппировка политических сил — и не успеешь оглянуться, как у тебя под боком бунт. Бедняга Картрайт. Жаль парня. Как-то раз, непонятно с чего вдруг расчувствовавшись, Картрайт показал Киршу семейную фотографию: мама, папа и сестричка возле крохотного домика в Бермондси[38]. Все, кроме лысеющего отца, светловолосые, как Картрайт. Сестра хорошенькая, милая девочка, улыбчивая, лицо в веснушках.

Кирш встал из-за стола и вышел во внутренний двор, где стоял его мотоцикл. Хотел было завести мотор, как вдруг сообразил, что и Блумберг, и его багаж на заднем сиденье не поместятся. А больше ни мотоциклов, ни машин свободных не было. В отделении меж тем царила тревога: ночная смена уже узнала о смерти Картрайта. Каким-то образом — наверное, по взглядам, какими его провожали, когда он шел в свой кабинет, Кирш

---

[38] Примечания: 38
Бермондси — квартал в Лондоне.

чувствовал, что по крайней мере двое из британских полицейских винят во всем его. Но, может, ему помстилось.

Пришлось ждать целый час, пока не приехала машина, и, когда он отправился в Тальпиот, на часах было уже почти девять. Сначала он ехал с закрытыми окнами, точно боялся пуль, но вскоре опустил стекло на водительской дверце — и тотчас, словно только того и ждали, на него набросились тяжелые запахи ночного Иерусалима: запах верблюжьего и ослиного навоза, жимолости и жасмина. Но Кирш в эту минуту весь ушел в воспоминания и слышал только запах, который стоял в их общей с братом спальне, когда они детьми сидели на полу у камина в одних кальсонах и сушили промокшие фуфайки, держа их перед огнем и поеживаясь от холода: запах тела Маркуса, резкий запах пота от подмышек.

Скрипнули шины на каменистом проселке, который вел к домику Блумберга. Свет фар на повороте выхватил из темноты густую стену каперсника с белыми цветами-звездами — на рассвете они увянут. Остановился, выскочил из машины, с силой хлопнув дверцей, чтобы предупредить хозяев. Не хотелось бы ему застать Джойс в постели с Блумбергом.

— Эй! Есть кто-нибудь дома?

В темноте звякнуло стекло, и Кирш направился на звук.

Блумберг сидел под деревом в дальнем углу сада, в одной руке стакан вина, в другой — початая бутылка.

— Меня Росс послал. Боюсь, вам придется уехать раньше, чем предполагалось. На самом деле прямо сейчас.

Блумберг поставил на землю стакан и провел пятерней по густым, черным с проседью, кудрям. Он был без рубашки, и Кирш с удивлением отметил, какой у него мощный торс. Он почему-то считал Блумберга тощим — может, ему хотелось видеть его слабаком.

— Сейчас? Ну, это действительно скорее, чем я думал. К чему такая спешка?

— Обстоятельства изменились. Некие бюрократические сложности, которых Росс хочет избежать. Думаю, это связано с парнем из Арабского легиона, который должен вас сопровождать.

Кирш оглядел сад. посмотрел на коттедж. В одном из окошек горела лампа.

— Ее нет здесь. На случай, если вам интересно. Странное дело, я ведь думал, может, она с вами. Обоих водит за нос, выходит?

Кирш не знал, что сказать. Он бы еще понял, если бы Блумберг дал ему по морде, но это было еще хуже.

— Вам надо собрать вещи.

— А и правда. — Блумберг опять приложился к бутылке и осушил ее до дна.

Кирш навис над ним, ждал. В конце концов Блумберг поднялся и отряхнул брюки. Кирш заметил на земле еще одну пустую бутылку.

— Ну что же, — сказал Блумберг, — приказ есть приказ. — Вытянулся по стойке смирно и неуклюже отдал честь. — Капрал Марк Блумберг. Готов рисовать, сэр.

Потом покачнулся и, чтобы не упасть, схватился за рукав Кирша. Он был вдребезги пьян: как Кирш повезет его в таком состоянии?

— Сюда пожалте, Киршеле, — хихикнул Блумберг. — Вы же чуточку знаете идиш? Эс нит ди локшен фар Шаббес. Не ешьте лапшу до шабата. Мило, правда? Знаешь, что это значит? Не трахай девчонку до свадьбы. Но ты ведь уже ее трахнул, не так ли? Умял целую гору локшен. Пошли.

И потянул за собой Кирша.

— Вот здесь он ввалился к нам в сад, сукин сын. С ножом в сердце. — Блумберг принялся колотить себя в грудь. — Вот тут. С ножом в сердце,

чтоб ему.

Кирш поддерживал Блумберга под локоть. Тот вдруг вырвался.

Луна застыла над рощицей тонких, чахлых акаций. Блумберг был мертвенно бледен, только налитые красным глаза горели.

— Дайте мне пятнадцать минут, — пробормотал он и, ковыляя, побрел к коттеджу.

В сухой траве что-то блеснуло. Кирш принял это сначала за монету, вероятно выпавшую из кармана Блумберга. Нагнулся подобрать. Но это была не монета, а пуговица — серебряная пуговица от полицейской гимнастерки, точь-в точь как у него. Кирш провел рукой по гимнастерке, проверил. Нет, все на месте.

Тонкий лучик света прорезал тьму за садовой калиткой. Слышно было, как кто-то слезает с велосипеда. Звякнул велосипедный звонок. Он сунул пуговицу в карман.

— Я приехала домоо-о-ой! — закричала издалека Джойс, куда более радостно, чем Киршу хотелось бы. Прозвучало это так по-домашнему уютно, чуть не с любовью.

Кирш двинулся ей навстречу:

— Он в доме, собирает вещи. Он должен уехать.

Кирш старался говорить тихо и спокойно, но Джойс все равно всполошилась — велосипед вильнул, но она его удержала.

— А, — сказала она, — это ты.

— Я приехал за мистером Блумбергом, чтобы доставить его к губернатору.

— За мистером Блумбергом? — усмехнулась Джойс. — Это арест?

А Блумберг в доме распевал во все горло. «Утром, вечером и днем хорошо с тобой вдвоем» — лилось из распахнутой двери. Пел он фальшиво, на гнусавом уайтчепелском кокни — в обычной речи Блумберга этот акцент обычно не проскальзывал. Потом и сам он появился на пороге, в одной руке папка, в другой — кисти.

— Ладно, хорошо. Поехали.

Джойс засмеялась. Кирш смутился и даже разозлился. Что они тут перед ним комедию ломают?

— Захвати одежду на смену, — сказала она мужу.

— Ща. — Блумберг решительно бросил папку и кисти, повернулся к дому: — Одежду — да, но сначала потанцуем. Иди сюда, любовь моя.

Джойс прислонила велосипед к ограде и чуть не вприпрыжку помчалась к дому.

Блумберг обхватил ее за талию, распевая во

все горло: «Де-вуш-ка-мо-я-тан-цу-ет-чарль-стон, чарль-стон...», и принялся лихо отплясывать, выкручивая коленки и дрыгая ногами. Джойс ему вторила, поигрывая воображаемой ниткой жемчуга — и, наконец, утомившись, оба со смехом повалились на кровать. Кирш стоял у крыльца и чувствовал себя чужим на этом празднике, как мальчик, впервые заставший родителей на хмельной вечеринке. Ему очень хотелось крикнуть: «Поторапливайтесь, я не могу ждать всю ночь!» Но присутствие Джойс его сдерживало. Он и так достаточно скомпрометирован — и чего ради?

В конце концов Блумберги угомонились и посерьезнели. И если их бесшабашность была явным вызовом Киршу — свалился как снег на голову и еще командует, но теперь они, казалось, вовсе перестали его замечать, вяло слонялись по комнатушке, собирая одежду, туалетные принадлежности, краски, скипидар, кисти, тряпки, холсты. Кирш подогнал машину задом к калитке и вместе с Блумбергом принялся загружать вещи в багажник, а Джойс тем временем складывала на пол и на заднее сиденье машины дополнительные материалы, которые могут понадобиться художнику для работы. За все это время супруги

не перемолвились и словом. Блумберг ходил от дома к машине и обратно насупившись, а лицо Джойс, поначалу мрачное, теперь стало безучастным и даже каменным. Когда вещи были уложены, молчание супругов стало тягостным и давящим. Как затишье перед бурей, подумал Кирш. Он сел за руль, повернул ключ зажигания, мотор ожил и громко судорожно зафыркал, как будто вот-вот заглохнет. Кирш пару раз продавил акселератор, выведя двигатель на более плавный ход.

Блумберг склонился над окошком.

— Дайте нам еще минуточку, — сказал он и, взяв Джойс за руку, повел обратно к дому. Войдя, пинком захлопнул за собой дверь.

У Кирша сердце готово было выскочить из груди. Ему хотелось кинуться за ними следом и стеной встать между Блумбергом и Джойс, чем бы они там ни занимались. Но, конечно, ничего такого он не сделает. Что бы ни происходило между ними сейчас, это уже не так важно. Через пять минут они расстанутся, а потом время и расстояние начнут вбивать между ними клин, разводя их все дальше и дальше, пока не образуется достаточно места для Кирша. Если Джойс казалось, что она все еще любит Блумберга, то

Кирш в это верить отказывался. Это не любовь, а болезненная зависимость, богемная слабость — любовь к страдальцу-художнику. Обычное дело для девиц, начитавшихся стихов, особенно для американок, как Джойс. Пронзительная синева английской зимы, картины Блумберга в выстуженной комнате, небрежно повязанный длинный шарф. Ну как тут устоять?

От этих мыслей его отвлек звук открывшейся слева дверцы: Блумберг вернулся.

— Поехали, — сказал он.

Мужчины ехали молча. До резиденции губернатора отсюда было недалеко. Кирш, помня о судьбе Картрайта, жал на акселератор. Повороты проскакивал на полной скорости — рисовальные принадлежности в багажнике тряслись и громыхали. Наверно, он должен что-нибудь сказать Блумбергу, но все, что приходило ему на ум, было связано либо с Джойс, либо с засадой, так что лучше помалкивать.

Они притормозили позади дома. Из ворот тотчас шагнул солдатик с винтовкой на изготовку.

Блумберг, развалившийся на сиденье, сразу же подобрался. И обернулся к Киршу. На его синей рубашке с короткими рукавами проступили темные пятна пота.

— Она хамелеон, — пробормотал он себе под нос.

Кирш смотрел прямо перед собой.

— Увлечется, поиграет и бросит.

— Посмотрим, — ответил Кирш.

— На вашем месте я бы остерегся. Я ее хорошо знаю. Вы видели ее сегодня.

— Если она такая непостоянная, почему же она не ушла от вас?

— У нее спросите, — сказал Блумберг.

Часовой подошел к окошку машины. Узнав Кирша, помахал им рукой: выходите. Кирш хотел еще порасспрашивать Блумберга, но тот был пьян. В любом случае, как только Кирш припарковался, возможности поговорить уже не было: незнакомые люди обступили машину, принялись переносить вещи из багажника и с заднего сиденья в другой автомобиль, побольше.

Росс вышел из кухни, спустился по бетонным ступенькам крыльца. Если он и был озабочен, то виду не подавал. Не обращая внимания на Кирша, он всецело сосредоточился на Блумберге.

— Марк, какой вы молодец, что приехали. — И энергично пожал тому руку. — Приношу извинения за непростительную спешку. Я вам после все объясню, когда вернетесь. Но даю вам слово, избе-

жать этого было нельзя. Послушайте, у вас будут две машины до Аммана, я договорился, что вы переночуете у Фредди Пика. Наутро продолжите путь до Керака, а оттуда на лошадях и на верблюдах — в Петру. В вашем распоряжении будут пятеро из Арабского легиона. Мухаммад Рахман — унтер-офицер. На него можно полностью положиться. Найдет дорогу в пустыне с закрытыми глазами. И никаких забот — ни дрова собирать, ни воду таскать не придется. Предоставьте это им. Вы пишите картины, а они пусть ставят палатку и стелят постель. Вот гляньте-ка…

Росс достал карманный фонарик и развернул на капоте машины Кирша копию приказа — чтобы Блумберг ознакомился. Блумберг прочел выхваченные тонким лучом строчки: «При художнике, когда тот работает, непременно должен находиться один человек».

— Это излишне.

— Я так не считаю. И давайте не будем спорить. Вам предстоит жить в охраняемом лагере. Ах да, и, кстати, вот мальчик вам в помощники, его зовут аль-Саид.

— Не нужно мне…

— Ладно-ладно. У всех великих итальянцев были подмастерья. Мальчики Джотто на при-

ставных лестницах. А вы чем хуже? Представьте: школа Блумберга. — Росс усмехнулся и похлопал художника по спине. — Ну что же, не будем откладывать. Не терпится увидеть, что вы сделаете с тем местом. Ужасно интересно. «…Там на востоке город небывалый, где древний камень розовый и алый…»[39]

Кирш — а его с тех пор, как он приехал в Иерусалим, уже замучили этой цитатой, её, говорят, нашли в томике «Оксфордских стихотворений»[40], принадлежавшем кому-то из военной администрации (Харрисону?), — отвернулся и сделал вид, что наблюдает за тем, как укладывают в багажник свернутые в рулон холсты. В высоких соснах и эвкалиптах трещали крылышками невидимые цикады. И вдруг Киршу показалось, что он стал прозрачным и все его мысли, все закоулки желаний стали видны остальным во дворе. Но быстро стряхнул с себя это наваждение, прикрикнув на молодого субалтерна: поосторожнее с вещами художника!

---

[39] Примечания: 39

Строки из сонета «Петра» англиканского священнослужителя Джона Уильяма Бергона (1813–1888). В 1845 г. удостоено премии Оксфордского университета. Сам Бергон никогда в Петре не был.

[40] Примечания: 40

Сборники стихов, получивших в разное время награду Оксфордского университета.

Через полчаса экспедиция была готова отправиться в путь. Группа, довольно нелепая не только на взгляд посторонних, но и как минимум пятерых ее непосредственных участников (ну к чему простому художнику такая мощная вооруженная охрана!) разделилась надвое. Головную машину — большой черный «форд» — вел Мухаммад Рахман. Блумберг, по лицу его тек пот, сел слева от него, а Саламан, рядовой из Арабского легиона, коренастый, с пышными усами, втиснулся на заднее сиденье рядом с картонной коробкой, от которой несло скипидаром: в ней были кисти и тряпки для протирки кистей. В последний момент из дома быстро вывели Сауда и втолкнули во вторую машину — усадив сзади, между двумя самыми рослыми из трех оставшихся арабов-легионеров. Кирш пошел было к машине, но Мустафа, водитель, знаком велел ему не приближаться и завел мотор. Через стекло Кирш разглядел Сауда: его переодели в костюм, какой носят британские школьники: белая рубашка с нелепым галстуком в красно-черную полоску и серые брюки, волосы гладко зачесаны назад, на лбу — марлевая повязка. Если Сауд и заметил Кирша, то виду не подал и продолжал смотреть прямо перед собой. Когда автомобили

вырулили с заднего двора и покатили на восток по холму Неправедного совета[41], Кирш поднес руку к карману гимнастерки и извлек оттуда серебряную пуговицу, подобранную возле дома Блумберга. За суетой он начисто забыл о ней. Какое-то время он разглядывал ее на ладони, потом сжал кулак и, хотя ему что-то кричали из-за открытой двери кухни, сел в машину и погнал обратно в участок. Но, не проехав и километра, передумал и свернул к дому Блумберга.

Джойс там не было. Он постучал в дверь — так стучит полицейский, чтобы поднять жильцов по тревоге, или любовник в отчаянии: чересчур громко для такого домишки. Потом подошел к окну и заглянул внутрь: в тусклом свете керосиновой лампы можно было разглядеть разбросанную по полу одежду, заправленную кровать. Такое впечатление, что Джойс покинула дом в спешке. Кирш походил вокруг, звал ее, но никто не откликался. Вернулся к тому месту, где нашел пуговицу, и пошарил наугад в траве и на ближайшей клумбе. Что такое там говорил Росс по телефону, что местным евреям не по вкусу планы

[41] Примечания: 41

Холм Неправедного совета — так назывался холм, на котором расположен район Абу-Тор. Считалось, что там находился дом первосвященника Каиафы, где Иуда замыслил предать Христа.

Кирша? Странно, похоже, Россу они тоже не по вкусу. И все же, вопреки ожиданиям Кирша, в Палестине — во всяком случае пока — практически не имело значения, что он еврей. Он вспомнил, как отец, за день до того, как Маркус отправился в Олдершот[42], сказал ему в гостиной: «Тебя наверняка удивит армейская неделикатность, особенно в отношении евреев. Я вас слишком долго оберегал, мальчики, держал под серой кипой этого дружественного квартала». Так говорил отец Кирша, добродушный, но бесконечно ироничный, хотя после гибели Маркуса он шутить перестал.

Месяц спрятался за черным облаком. Большую часть сада накрыла тень, но Кирш и не присматривался особо — он весь превратился в слух, надеясь услышать шаги Джойс или шорох велосипедных колес. Днем стояла невыносимая жара, еще утром из Иудейской пустыни налетел хамсин, припорошив желтой пылью ставни и подоконники. И теперь Кирш чувствовал, как волосы, коротко стриженные по уставу, липнут к голове. Он отер потный лоб. Где ее носит в такой поздний час? Он подождал еще с полчаса

[42] Примечания: 42

Город на юге Англии, где расположены казармы британских сухопутных войск.

и уехал.

20

Две машины ехали по древней римской дороге прочь из Иерусалима. Жара, в городе почти удушающая, по мере спуска к Мертвому морю усилилась. Блумберг ерзал на сиденье, пытаясь устроиться поудобнее. Спиртные пары выходили потной испариной, рубашка намокла, брюки липли к телу. Во рту пересохло, соленый на вкус воздух обжигал язык. И в этот момент чистого безумия — тащиться куда-то в компании вооруженных людей, чтобы нарисовать место, о котором пару дней назад даже не слышал, — Блумберг даже не мог вспомнить, почему они с Джойс уехали из Лондона. А ведь в далекой туманной столице вооруженная свита ему была бы как нельзя кстати. Поставил бы парочку в галерее Рэнсома — попугать критиков. Не нравится? Ну так штык вам в задницу.

Так ли все там было плохо? Вообще то да: безденежье, и негде выставляться после жуткого провала, и нет рядом мамы, да и друзей, по сути, тоже не осталось. Половину забрала война: Джейкоба, Гидеона, скульптора Нормана Тейлора, их группы — товарищей по Слейду — не

стало. Дурацкая война. Он сидел себе и работал в чертежном отделе в нескольких километрах от линии фронта, как вдруг заявляется бригадный генерал, оглядывает его с головы до ног и спрашивает у дежурного офицера: «А этот чем у вас занимается?» — «Секционным картографированием, сэр. Потому его и взяли. Он художник». — «Как фамилия?» — «Блумберг, сэр». А генерал в ответ: «Мы не можем допустить, чтобы человек с такой фамилией рисовал карты». И Блумберга мигом отправили на фронт. Получается, если ты еврей, умереть за свою страну тебе позволено, а рисовать для нее карты — нет. Но все равно там была его страна, а эта, с чокнутыми евреями и арабами, для него чужая.

Машина подпрыгнула на ухабе, и Блумберг очнулся от грез.

— Где мы? — поинтересовался он.

Рахман, глядя прямо перед собой на дорогу и старательно объезжая пыльные воронки, ответил — неожиданно на довольно приличном английском:

— Через полчаса будем проезжать Иерихон, затем по мосту Алленби — в Трансиорданию.

Блумберг развалился на сиденье. Рахман глянул в зеркало заднего обзора: в сотне метров

позади светили фары второй машины, потом вдруг погасли, а затем вынырнули из-за поворота — машины спускались по длинному серпантину, ведущему — и Блумберг увидел в этом глубокий смысл — к самой низкой точке на земле.

Сауд сидел неподвижно на заднем сиденье другой машины, зажатый между двумя легионерами. В салоне воняло застоявшимся табачным дымом и потом. Внезапно водитель притормозил у обочины. Головной автомобиль по-прежнему катил дальше, вниз. Сауд похолодел. Мустафа вышел, открыл пассажирскую дверцу, и мужчины выбрались наружу, последний сначала вытолкнул Сауда, затем вышел сам. Мустафа взял Сауда под локоть и повел его к краю небольшого оврага. Сауд услышал за спиной два щелчка: мужчины заряжали винтовки. Звезды покачнулись над головой. Сауд в панике огляделся: куда бежать?!

— На колени, — приказал Мустафа. — И закрой глаза.

Сауд подчинился. Странно, его почему-то беспокоило только, как бы не запачкать английские школьные брюки. Увидел вдруг дядю, в промасленном фартуке — он все спрашивал, куда полицейские уводят мальчика, потом — как мать, вся в слезах, тянет к нему руку из возмущенной

толпы. Где-то совсем рядом послышался смех. Сауд открыл глаза. В свете фар видно было, как Мустафа и двое других, спустившись на пару шагов по склону оврага, мочатся на камни. Сауд поднялся и отряхнул пыль с колен.

— Тебе кто разрешил вставать?

И снова смех.

Мустафа пощелкал языком.

Сауд громко выругался, проклиная их всем скопом. Они перестали смеяться и велели ему садиться в машину.

— Думал, мы тебя пристрелим? Да мы уж скорее его застрелим, — ухмыльнулся Мустафа и кивком указал на машину Блумберга, которая скрылась и вынырнула вновь уже у подножья холма.

На рассвете, когда проезжали Гор[43], Блумберг проснулся от боли в левом плече. Он сел поудобнее и увидел за окном бурный поток, бегущий по камням в теснине: Иордан. Потом дорога долго петляла по голым каменистым склонам, горы обступали ее с обеих сторон, и он завидел впереди, в сотне метров, нечто похожее на гигантский перевернутый черный плуг.

Когда подъехали ближе, Рахман чуть притор-

---

[43] Примечания: 43

Гор — арабское название долины реки Иордан.

мозил и указал на плуг рукой.

— Иерихонская Джейн. Немцы подарили туркам, — пояснил он.

— Что-что? — не понял Блумберг.

И тут до него дошло, что над обрывками колючей проволоки и кустиками олеандров возвышается огромная гаубица.

— Это мы так ее назвали?

Блумберг забыл, что и здесь шла война.

Рахман еще сбавил скорость, так что машина едва ползла.

— Алленби дошел досюда, — он махнул рукой направо, — а турки драпали оттуда, — и указал налево.

Рахман говорил с еле заметным раздражением, как будто бегство турок, событие, как представлялось Блумбергу, более чем желанное в то время, было позором для всего региона.

— А вы, — спросил Рахман, — вы служили в британской армии?

— Да.

— Где?

— Во Фландрии. Рисовал карты. Мне было тридцать восемь, староват для окопной жизни, но в конце концов меня отправили на фронт.

— Участвовали в боях?

— Сначала да, немного, потом нет.

— Ранило?

Блумберг мог бы и не поддерживать этот разговор, но он чувствовал, что должен выговориться. Джойс рядом нет, так пусть Рахман послужит жилеткой. И почему бы не вернуться к этому еще раз? Чтобы еще раз проверить, храбрец ом или трус. Хотя, конечно, он и без того знает ответ

— Я сам себя ранил. Отстрелил большой палец на ноге. Лишил ее величество услуг одного присягнувшего бойца. Короче, дезертировал.

— Почему вас не расстреляли?

— Хотели сначала, — ответил Блумберг и усмехнулся. — А потом решили, что худшим наказанием будет оставить мне жизнь.

Рахман улыбнулся. Никто в этой машине, слава Богу, не собирался его жалеть.

— И в чем же заключалось наказание?

— Три недели без денежного довольствия, потом легкие работы, пока рана не зажила.

— А потом?

— Обратно на передовую, как воздаяние за грехи. Был связным, зарисовывал вражеские позиции.

Рахман кивнул.

— Повезло. Здесь бы расстреляли на месте, это

точно. Если бы вы были арабом и выстрелили себе в ногу, чтобы не участвовать в бою… — Рахман прищурил глаз и изобразил, что целится из винтовки. — Расстрельная команда.

— А если б я был еврей?

— Так вы вроде и так еврей.

Блумберг засмеялся. Во всем мире чуть не у всех судьба еще ужасней, и никакого снисхождения к его глупым переживаниям ждать не приходится.

Они ехали мимо сонных арабских деревушек на юг по холмистому плато — на взгляд Блумберга, здесь было больше лесов и водоемов, чем в тех местах Палестины, где он побывал. Вдруг, откуда ни возьмись, возник замок — горделиво высился над рекой на скалистом утесе. Однако Рахман не счел этот объект достойным пояснений. Блумберг еще полюбовался пейзажем, потом посмотрел на руки: пальцы чуть заметно подрагивали, дрожь невозможно было унять. Как там Джойс без него? Счастлива, наверное. Если счастье вообще возможно — хотя американцы в это, похоже, верят: вся их культура нацелена на то, чтобы подпитывать иллюзии. Бедная, что он с ней сделал… Предложил ей любовь — и забрал, уговаривал ее писать картины — и ругал их почем зря. Сколько раз он срывал на ней злость

и раздражение, тратил ее деньги — как гадко все это. В Лондоне, когда он впервые ее увидел, Джойс была пылкой, увлекающейся и, к счастью, такой и осталась, несмотря на все трудности, но последний год в Вест-Хемпстеде стал для нее настоящим испытанием. Он не мог объяснить ей, что с ним происходит. Он думал, она и так поймет, и она действительно всячески старалась его утешить. Оставалось только надеяться, что со временем он сможет отплатить ей добром за все, что она для него сделала, прежде чем они расстанутся навсегда. Или уже расстались?

Один из легионеров, сидевших позади, проснулся и сказал что-то Рахману, тот проехал еще немного и остановил машину в тени деревьев. Мужчины вышли размять ноги. Через несколько минут подкатила вторая машина, и ее седоки высыпали наружу. Сауд неподвижно стоял возле багажника и глядел вдаль — туда, откуда они приехали. Он расстегнул ворот рубашки и чуть ослабил, но не снял галстук, выданный ему в резиденции губернатора. Грязная марлевая повязка сползла — под ней была запекшаяся кровь.

Блумберг обошел вокруг машины.

— Что с тобой случилось?

Мальчик сначала глянул на легионеров, стол-

пившихся вокруг карты. И хотел было ответить, но Рахман отделился от остальных и что-то резко приказал ему по-арабски.

— Поранился случайно. Ничего особенного, — ответил Сауд.

— Если что, я Марк Блумберг. Думаю, ты сможешь мне помочь кое в чем.

— Да, — ответил Сауд, — я вам помогу.

— Нагружать я тебя не буду. Я работаю один и сам смешиваю краски! — Блумберг счел это тонкой шуткой и очень удивился, когда мальчик сказал на полном серьезе:

— Разве может кто-то другой это делать за вас?

— Именно, — сказал Блумберг. — Никто не может.

Мальчик потупился и принялся ковырять каблуком дорожную пыль. Когда же вновь поднял глаза, у Блумберга возникло чувство, будто он его где-то видел раньше: он помнит эту долговязую фигуру, худое лицо, пушок над верхней губой. Он точно его уже где-то видел, в этом сомнений быть не могло. Вот только когда и где? И еще мальчик так странно смотрел на него — хотя почему бы и нет? Он ведь вообще странный.

Рахман сложил карту и стал поторапливать остальных: пора ехать.

— Еще увидимся, — сказал Блумберг мальчику. Тот промолчал.

С холма на окраине Амман выглядел как большая деревня, однако, когда подъехали ближе, Блумберг убедился, что город намного протяженней, размером с небольшой лондонский район. Они проехали мимо королевского дворца[44], довольно неуместного здесь образчика швейцарской архитектуры, потом мимо железнодорожной развязки с указателями: «Главное управление трансиорданской полиции», и «Лагерь Королевских ВВС Великобритании». В конце концов остановились возле дома с претензиями на замок, служившего временным пристанищем Фредди Пику, которого, к большому удивлению оторопевшего слегка Блумберга (недаром он не голосовал за лейбористов все эти годы), Рахман называл не иначе как Пик-паша. Но так или иначе, а Пика дома не оказалось — уехал на несколько дней по государственным делам.

Блумбергу отвели большую комнату, роскошную в сравнению с тем, к чему он привык в Иерусалиме. До блеска отполированная мебель

[44] Примечания: 44

В 1921 г. в Иордании была введена монархия, дворец Рагадан был построен в 1926 г. Официально территория находилась в составе Британского мандата в Палестине, но была полностью автономна.

темного дерева казалась великанской, и от стены до стены раскинулся великолепный красно-охряный килим[45]. Блумберг разделся до исподнего и растянулся на широкой кровати под медленно вращающимся вентилятором. Сквозь тонкие белые занавески пробивалось утреннее солнце. Блумберг закрыл глаза. И уже совсем было задремал, как вдруг вспомнил, где видел мальчишку — в своем саду в Тальпиоте. Блумберг еще поначалу принял его за Джойс. Но что он там делал? Может, хотел ограбить дом? Что ж, воришка сильно бы огорчился. Блумберг встал и подошел к окну. На улице толстуха в поношенном черном платье сидела на корточках перед корзиной, в которой был виноград — а может, инжир, издали не разберешь. Не так давно Блумбергу наверняка захотелось бы нарисовать ее, но тот порыв давно угас. Сейчас ему нужно было нечто более глубокое, и внешний мир интересовал его все меньше и меньше.

[45] Примечания: 45
Килим — восточный (изначально персидский) безворсовый ковер.

21

Вечером после второго невыносимо влажного дня Джойс вместе с Питером Фрумкиным и его ребятами снова сидела за чайным столиком в городском саду. В предыдущий вечер Фрумкин заехал за ней, хотел пригласить их с Марком выпить чего-нибудь — он прибыл вместе с долговязым шофером, больше похожим на телохранителя, примерно через три четверти часа после того, как Кирш с Марком уехали в губернаторскую резиденцию. Когда Фрумкин подъехал, она сидела одна в темноте. Она слышала, как он кричит издалека: «Мистер и миссис Блумберг!» — но притворилась спящей и не отвечала. Голова шла кругом. За какие-то считанные дни все перевернулось с ног на голову, и в основном из-за нее. Ей самой не нравилось, что она так охотно прыгнула в постель к Роберту Киршу, но даже не в этом дело. Она надеялась, что после отъезда Марка будет легче — наконец-то она вздохнет свободно, — не тут-то было. Но и это не главное… Фрумкин снова позвал, а потом, совершенно бесцеремонно, вошел в дом и сам зажег лампу.

— Я слышал, здесь в городе есть интересная аме-

риканская пара, — сказал он, представившись.

— Это только наполовину верно, — ответила она, собравшись с мыслями. — Мой муж из Лондона.

На полу валялась разбросанная одежда — ее вещи и те, что Блумберг не стал брать с собой. Она смотрела на все это без тени смущения и даже не сделала попытки прибраться. Она знала, что означает в устах Фрумкина «интересная пара»: то, что они с Марком каким-то краем участвуют в охоте на убийцу. Tout Jerusalem[46] хотел услышать эту историю, и многие уже услышали. И все же собралась и поехала с ним.

Честно говоря, ей даже приятно было оказаться вновь рядом с соотечественниками, особенно калифорнийцами. Ей нужна была сейчас их легкая болтовня и простецкая дружба. Двум другим руководителям съемочной группы, как и Фрумкину, было не больше тридцати. Все трое — Фрумкин, Рекс и Харви (Джойс запомнила только фамилию Фрумкина) — так и сыпали шуточками и, как показалось Джойс, денег не считали. В первый вечер она в основном наблюдала и помалкивала. Они не расспрашивали ее про Де Гроота, а

---

[46] Примечания: 46
Весь Иерусалим (*фр.*).

сама она о нем не заговаривала. Но теперь стала чуть более раскованной, — как бывает на второй день после возвращения из дальних странствий. Фрумкин, которого остальные явно слушались, заказал третью бутылку вина, а затем и четвертую. Все дружно выпили за Акт Вольстеда[47]. Джойс, уже изрядно захмелевшая, увидела вдруг свое искаженное отражение в столовом серебре — с лезвием ножа поперек горла.

— Вы только послушайте, Джойс… — Фрумкин положил ей руку на плечо. — Сидим мы в этой пустыне километрах в восьмидесяти к югу от Иерусалима, готовимся снимать бедуинские верблюжьи скачки. Я набрал три сотни этих ребят, все верхом, костюмы не нужны, ясное дело, выдали всем только позолоченные копья. Харви разметил площадку, камеры на изготовку. «Пошли!» — кричит. Бедуинская гонка — это надо видеть! Всадники мчатся по равнине, машут копьями и орут — это, доложу вам, зрелище. Только одна неувязка: они не останавливаются. Операторы в панике, у режиссера сердечный приступ, а бедуины скрываются за холмами. Все до одного.

Джойс смеялась вместе с остальными.

---

[47] Примечания: 47

Акт Вольстеда — неофициальное название «сухого закона» в США 1920-х гг.

— Потом мы забеспокоились: в кадре только пыль столбом, и больше ничего. Надо пересниматъ. Вот только не с кем! Все ускакали, сволочи. И не вернулись.

За несколько дней в пустыне кожа у Фрумкина стала почти коричневой, а светлые волосы совсем выгорели. Улыбка ослепительно-белая, как у кинозвезды, хоть он всего лишь продюсер. Еще в предыдущий вечер Джойс интуитивно почувствовала, что нравится ему, и старалась не поощрять его. Пока ей достаточно Роберта Кирша. Но все равно, что за прелесть этот Фрумкин: простой, веселый, не то что эти зажатые британцы.

Когда убирали со столика тарелки, повисла недолгая пауза. Трое мужчин смотрели на нее — но только Фрумкин, как ей показалось, с мужским интересом. Они были из Голливуда и привыкли к обществу настоящих красавиц. Так что их скорее привлекала не ее внешность, а она как личность. В каком-то смысле это даже лучше. Роберт Кирш смотрел на нее так, словно не в силах оторваться. Не то чтобы это было неприятно, но такое обожание быстро утомляет. Официант принес кофе, все достали сигареты, закурили. Джойс поняла, что пора платить за угощение — придется поведать им о последних минутах Де Гроота. Конечно, она

могла бы отказаться и не пересказывать в очередной раз эту историю, заметив, как подобает благовоспитанной даме, мол, это такой ужас, что и говорить об этом не хочу. Но такая отговорка не пройдет, ведь на самом деле вовсе не она, а Марк после случившегося трясся и рыдал. Она поправила веточку жасмина, приколотую к отвороту жакета, — такой же запах окружал ее в саду, когда она оттирала губкой кровь с груди Марка.

— Итак, — сказал Фрумкин, — говорят, вы такое здесь пережили!

Джойс собралась было ответить, но не успела: официант, грубоватый и настырный, как и вся местная еврейская обслуга, — по крайней мере такое у нее создалось впечатление, — отозвал Фрумкина в сторонку. Лавируя между столиками, тот направился к выходу из чайной, где его поджидали два полицейских в форменной одежде. Одного из них Джойс сразу узнала: это был Харлап, тот самый, что несколько дней назад нагло развалился на ее кровати и расспрашивал о том, что сказал Де Гроот перед смертью. Фрумкин, прихватив его за локоть, вышел с ним в темноту.

Джойс отхлебнула кофе.

— Пожалуй, мне лучше подождать, — сказала она.

— Да уж. Думаю, Питу будет обидно, если он пропустит самое интересное, — ответил Харви. — Он небось уже прикидывает, кто мог бы сыграть вас.

Джойс улыбнулась:

— Как насчет Сейзу Питтс[48]?

— А не Лилиан Гиш?[49] — задумался Рекс.

— А кто будет играть моего мужа?

— А вы бы кого хотели видеть?

— Айвора Новелло[50].

— Точно. Вы видели «Белую розу?»[51]

— Да, смотрели с мужем в Лондоне. За два дня до отъезда в Палестину.

— Красив, даже для британца.

— Как и мой муж.

Фрумкин вернулся к столу. На его лбу блестели

---

[48] Примечания: 48

Сейзу Питтс (1894–1963) — американская актриса. Дебютировала в эпоху немого кино, успешно перешла в звуковое кино, играла в кинокомедиях.

[49] Примечания: 49

Лилиан Дайана Гиш (1893–1993) — американская актриса на амплуа лирической героини, звезда немого кино.

[50] Примечания: 50

Айвор Новелло (1893–1951) — британский композитор, певец и актер.

[51] Примечания: 51

«Белая роза» (1923) — американский немой фильм режиссера Д. У. Гриффита о выпускнике семинарии, решившем окунуться в «реальную» жизнь с участием Айвора Новелло.

капли пота.

— На завтра все готово, — объявил он. — На рассвете будем снимать штурм стен снаружи. Эти парни помогут отгонять чересчур любопытных.

— Я думал, вы уже договорились с копами, — сказал Харви.

Джойс покосилась на него: похоже, Харви был слегка озадачен.

— Конечно, — ответил Фрумкин. — Они просто хотели кое-что уточнить.

— Значит, планы не меняются?

— Ничего не меняется, — сказал Фрумкин решительно. — Будем надеяться на лучшее. — И обернулся к Джойс: — Мы берем половину британских легионеров Иерусалима и превращаем их в римлян. Лучше не придумаешь, правда? Одна имперская армия играет другую. Платим им, конечно, и сэру Джеральду… — Фрумкин огляделся по сторонам, желая убедиться, что их не подслушивают, — приличную долларовую контрибуцию на его заиерусалимское общество.

Они направились в отель «Алленби», где корпорация «Метрополис» занимала целых два этажа. Фрумкин и Джойс шли чуть впереди остальных.

— Какие у вас планы на ближайшие дни? — поинтересовался Фрумкин.

— Ждать, — ответила она. — Мне обещали найти здесь работу. Возможно, в какой-нибудь еврейской школе.

— Хорошо, но пока вы ждете, не могли бы вы нас выручить?

— Каким образом?

— Ну, есть миллион вещей, которые нужно сделать на съемочной площадке.

— Как мило с вашей стороны. Я непременно об этом подумаю.

Они подошли к отелю. Фрумкин свистнул, и его шофер, как послушный пес, сразу же откликнулся, подкатив арендованный лимузин к началу цепочки из припаркованных такси. Харви и Рекс обменялись с Джойс рукопожатиями и пожелали ей спокойной ночи.

Фрумкин, коротко поговорив с шофером, распахнул перед Джойс дверцу:

— Арон вас отвезет. Мне очень жаль, что я не могу вас проводить, но у меня до начала съемок еще очень много дел.

— Вообще-то я бы предпочла пешком.

— Решительно не советую. Слишком далеко и опасно.

— Вовсе нет. — Вежливость на грани самоуничижения — эту науку Джойс переняла у

англичан.

— Иначе мне придется вас провожать, — пригрозил Фрумкин. — И тогда вы будете виноваты в том, что мы завтра поздно начнем. Вы хоть представляете, сколько стоит час съемок?

Он взял ее за руку, потом наклонился и нежно поцеловал в щеку.

— Спокойной ночи, миссис Блумберг.

Джойс села на заднее сиденье лимузина. Шофер закрыл за ней дверцу и, обойдя лимузин, занял место за рулем. Джойс откинулась на мягкое кожаное сиденье, чувствуя себя Золушкой. После губернаторского это был, наверно, самый роскошный автомобиль в Иерусалиме. Марк наверняка скривился бы. Но иметь дело с этими киношниками приятно — было в них что-то чистое, обнадеживающее. И Джойс знала почему: война обошла их стороной. Как там сказал накануне вечером Питер Фрумкин? «Нам выдали экспедиционные пилотки, но до экспедиции дело не дошло». Только они собрались отправиться во Францию, как война закончилась. И три американца — повезло ребятам — дослужили свой срок

в Кемп-Тейлоре[52]. Сами-то они, естественно, смотрели на это иначе. Они все трое хотели быть героями. Марк мог бы много чего порассказать им об этом, и даже Роберт Кирш — он как-никак потерял на войне брата.

Машина плавно катила по ночной дороге. Луна над Масличной горой казалась разбухшей, очертания холмов подрагивали в бледном мареве, как волны. От этого зрелища захватывало дух, Джойс даже пожалела, что она неверующая: иначе она знала бы, куда направить этот избыток чувств, вдобавок к сионистскому пылу. Ей так хотелось сделать что-нибудь для этой страны! Досадно. Она скучала по лондонским сборищам: толкотня, горячие споры, громкие голоса, общий дух товарищества — там она чувствовала, что творит историю. Марк, сам того не ведая, привел ее туда. Рассказал ей о Джейкобе Розене, показал его стихи — она читала их и перечитывала снова и снова, пока мечта Джейкоба о полном надежд, величавом, безбожном Иерусалиме первопроходцев не стала ее мечтой. Не кто иной как Джейкоб отвел ее однажды в Тойнби-Холл, где в

---

[52] Примечания: 52

Кемп-Тейлор — военный тренировочный лагерь в Луисвилле, штат Кентукки. Создан в 1917 г. для подготовки американского контингента к участию в Первой мировой войне.

углу сложены десятки мокрых черных зонтиков, зато на стенах — плакаты с видами солнечной Палестины. И вот она здесь, на этом самом месте, а ее сионизм рискует остаться уделом одиночки.

Не прошло и пятнадцати минут, как они свернули на ухабистый проселок, ведущий к дому Блумбергов. Шофер остановился метрах в двадцати от калитки.

— Спасибо, Арон, — улыбнулась Джойс.

Водитель обернулся к ней. Белая майка, коричневые шорты, темные носки и изрядно стоптанные кожаные ботинки — вот и вся его форменная одежда.

— Вам нравится мистер Фрумкин?

Джойс опешила.

— Да, вообще-то.

— Влиятельный человек. И крепко стоит за евреев.

— То есть?

Арон многозначительно поднял бровь, давая понять, что это сугубо секретная информация.

— Не то что британские евреи. Слишком дорожат своими чаепитиями. Их уже не изменить. Англичане на сто пять процентов. Думают только о том, что надо быть честными. А на Ближнем Востоке нельзя быть честными. Мистер Фрумкин

знает, что здесь следует делать.

— И что же?

— Его спросите. Мы с ним много на эту тему говорили.

Ответ Арона был типичен для местных: сначала заманят, а потом молчок. Англичане такие же. Возможно, подумала Джойс, это как-то связано с тем, что в маленьких странах границы — вот они, рядом. Американцы готовы говорить сколько угодно и о чем угодно — их речи широки, как континент.

— Хорошо, я спрошу.

Джойс вышла из машины, захлопнула дверцу. Подождала, пока Арон разворачивался, и, когда звук мотора стих вдали, ступила в прогал в зеленой изгороди. Жара, казалось, к ночи еще усилилась. Пахло спелым инжиром. Где-то рядом хрустнула ветка, градом посыпались камешки. Джойс замерла. Неужели кто-то следит за ней? Она огляделась. Луна скрылась, и звезды, обычно такие яркие, подернулись дымкой.

— Эй! — крикнула Джойс, но никто не ответил.

В кронах звенел тысячеголосый хор цикад. Джойс, отбросив страх, медленно пошла по тропинке к дому. Войдя, закрыла дверь на замок, и, не зажигая огня, повалилась на постель, не

заметив ни сложенной записки, которую Роберт Кирш подсунул под дверь часом раньше, ни помятых и порванных холстов, которые кто-то в этот вечер потоптал — случайно или нарочно, пока в спешке обыскивал комнату.

22

Огромная лужа из нечистот расплылась по Вади-аль-Джоз, в остальном (если не считать этого пятна) прелестной долины, раскинувшейся между особняком шейха Измаила, Великого муфтия Иерусалима, и менее впечатляющим жилищем Клайва Баркера. Самый дорогой мусульманский жилой район заливало дерьмом с Меа Шеарим, где селилась еврейская беднота. Местные домовладельцы, все мусульмане, рвут и мечут. Но с какой стати Росс послал его разбираться? — удивлялся Кирш: ведь это дело вполне могли бы уладить между собой Сионистский комитет, оплативший канализационные работы в Меа Шеарим, и администрация, которая, как предполагается, следит за надлежащим исполнением работ. Успокаивать возмущенных, но безобидных арабских жалобщиков не дело полиции, если только обязанности Кирша не поменяли втайне от него. Он должен расследовать убийство Картрайта. Накануне он все утро сочинял письмо родителям Картрайта, вдогонку к телеграмме, а перед глазами то и дело мелькали фразы из официального послания, которым его

родителей известили о гибели Маркуса. Он уже собирался закрыть кабинет и съездить осмотреть место засады, как позвонил Росс и сказал, что, поскольку, как он считает, гибель Картрайта и ранение Лампарда и Доббинса — происшествие исключительно военного значения, он возьмет расследование под свое крыло. Это была явная нелепица — даже если Картрайт стал жертвой террористической атаки или политического убийства, все равно это дело полиции. Кирш чувствовал, что Росс что-то скрывает, но пока не понимал, что бы это могло быть. И вот результат: детектив Кирш вгрызается в Дело о дырявой канализации. Росс, должно быть, догадывается, как Киршу дерьмово, потому и отправил его разгребать дерьмо.

Было девять часов утра, а солнце уже шпарило вовсю. Все, чего Киршу сейчас хотелось, — найти Джойс и открыть ей, что его тревожит. А вместо этого он, стараясь не дышать, переступает через зловонную черную лужу разложившихся экскрементов и гниющих отбросов.

Баркер поджидал гостя на крыльце, его лицо под тропическим шлемом, обычно бледное, было свекольно-красным. Он рвал и метал.

— И он является… — кричал он с порога, пока

Кирш кое-как пробирался по полузатопленному саду, — как развязка в старой комедии![53]

— Ну-ну… — Кирш не слишком симпатизировал Баркеру: тот держался так, будто звание «советника по гражданским делам» давало ему право считать Иерусалим своей личной вотчиной.

— Ну и что? Я с утра до поздней ночи тыкаю ножиком в трухлявые деревяшки Аль-Аксы, ломая голову, как лучше сохранить самые прекрасные места этого города, а прихожу домой — и тут такое. Стыд и срам! И мне плевать, кто нас слышит, можете так и передать своему лорду Сэмюэлу, мне все равно, но говорю вам, если бы была обратная ситуация и дерьмо из мусульманских трущоб хлынуло на лучший еврейский Квартал, вопли слышны были бы аж на Уолл-стрит и Парк-Лейн.

Несколько месяцев назад в высших чиновных кругах британской администрации ходил по рукам стишок, и кто-то, кому было невдомек, что Кирш не чужд той самой религии, что высмеивается в стишке, дал ему почитать:

Айзекс, Шифф и Ротшильд, Триер, Харрари

Плачут и рыдают с ночи до зари.

---

[53] Примечания: 53

У. Шекспир. «Король Лир». Акт 1, сцена 2. Перевод М. Кузмина.

Бенджамин и Леви, Фельс и Левинсон
Льюис, Монд и Мейнерцхаген стонут в унисон.
Монтефьори, Франклин, Коэн и Сассун
Бросили прилавки, вышли за дюн,
Побросав мотыги, счеты и мешки,
И давай печалиться наперегонки.
Что же приключилось? Слышен тяжкий вздох,
Этого не знает даже Господь Бог.

Кирш был уверен, что это сочинение Баркера. Через неделю, к вящей радости местного общества, пустили по рукам вторую строфу, по-видимому куда более скабрезную — проясняющую, что именно «приключилось». Кирш слышал об этом краем уха, но к тому времени ребята уже поняли свою ошибку и остереглись показывать ему продолжение.

— Послушайте, Баркер, Росс послал меня сюда, потому что вы сказали ему, что ситуация аховая. Но я не вижу на улицах толп. Как, по-вашему, на самом деле обстоят дела?

Воняло нестерпимо. Кирш вошел в дом и закрыл за собой дверь. Баркер предусмотрительно

задраил все окна, чтобы с улицы не пахло, и в результате теперь задыхался.

— История, — начал Баркер, не сделав даже попытки оказать гостеприимство, как это водится у англичан на чужбине: предложить гостю чаю или кофе. — Ко мне поступает запрос на строительство, я отказываю, сочтя его безосновательным. Следом — жалоба. Я отправляюсь посмотреть на это место, меня встречает податель заявления — тощий и голодный с виду онемечившийся еврей, который, как выяснилось, воровал соседские межевые камни. Соседи, все мусульмане, сидят рядком в саду, все шестеро. Как водится у мусульман, они начали строиться, не рассчитав стоимости заранее, а потом бросили булыжники, посчитав, что Бог и британская администрация о них позаботятся. Так вот этот еврей, религиозный фанатик между прочим, придумал не просто добавить крыло к своему домишке, но еще и прихватить чуток соседской землицы. Соседи-мусульмане вчинили иск, но они ребята мирные, и когда я вошел в сад, только постучали по лбу и говорят: «Маджнун» — вы ведь понимаете по-арабски, Кирш? «Дурачок!» — «Этфаддал!» — «Пожалуйста, садитесь». Начинается большой «калам», и посреди беседы этот

еврей, который мнит, что его религия дает ему такое право, наскакивает на меня и, растопырив пальцы, тычет грязной пятерней мне прямо в лицо. И что я делаю, Кирш? Беру свою тросточку и крепко хлопаю его по рукам. Мусульмане на ограде заливаются от смеха, глядя на представление, а через две недели — еще одна жалоба, на этот раз главному администратору, ее передают губернатору, с просьбой расследовать, как так получилось, что британский чиновник напал на бедного еврея, «поранив ему руки до крови». Почему я вам об этом рассказываю? Да потому, что я сыт по горло. Все, съезжаю из этого дома — всему есть предел. А ваши еще что-то расследовать собираются, когда я защищался от… от…

Кирш едва удерживался от смеха. Бедняга Баркер — мало ему «онемечившегося еврея», теперь еще и весь дом провонял отхожим местом. Зря он уехал из Англии. Может, все они зря уехали.

— А эти арабы, — Баркер помахал рукой куда-то в сторону низины, — совсем как мои мусульманские друзья с их межевыми камнями: не могут постоять за себя, понимаете ли. Так что кто-то должен это сделать за них, например я.

— Но чего вы конкретно от меня хотите?

— Передайте администрации, что, если не

подыщут другой дом, и получше, я уеду. И тогда им придется забыть про проект муниципалитета.

— Я думал, вы печетесь только о ваших арабских соседях.

— Они не знают, куда обратиться. Простаки. Но они научатся. И когда это произойдет, *Альхамдулиллах*![54]

Стрелка часов меж тем приближалась к десяти, и Баркер решил, что пора промочить горло. Кирш, отказавшись от джина с тоником, подумал, что надо бы поговорить с великим муфтием, чей дом был напротив — только лужу перейти.

— Ну как хотите, — сказал Баркер. И добавил как бы между прочим: — Угадайте, кого я встретил в парке вчера вечером. Блумбергшу. Красотка!

— Надо же. Она была одна? — Кирш старался не выдать волнения, но горячая волна румянца обожгла лицо. Оставалось надеяться, что Баркер не заметил.

— Конечно же нет, в мужском окружении. Не теряет зря времени, а? Говорят, Росс услал ее старика рисовать Петру. Не понимаю, что Росс на-

---

[54] Примечания: 54
Альхамдулиллах (*арабск.* «хвала Аллаху»).

шел в Блумберге: невелик талант, я так считаю.

Киршу отчаянно хотелось знать, с кем была Джойс, но спросить напрямую значило бы выдать себя.

— Ладно, пойду я.

Кирш приоткрыл дверь, и вместе с солнечным светом снаружи хлынуло зловоние. В это время года земля в долине трескается от зноя — любая влага, кроме этой, была бы большим благом. Кирш приуныл. Нужно поговорить с Джойс. Он бы поехал к ней прямо сейчас, но чувствовал, что и так долго пренебрегал обязанностями, пусть и навязанными. Подошли двое с лопатами на плечах — их прислали из муниципалитета. Двоих — на целую реку дерьма, да они год будут возиться! Хотя то, как он позволил поступить с Саудом, исправить будет еще труднее. Кирш с опаской переступил через бурый поток и зашагал дальше — на другую сторону долины.

23

Дальше на машинах Блумбергу и его провожатым не проехать. Этим утром они отправились в путь перед самым рассветом. К ночи, все надеялись, до Петры останется километров тридцать. Рахман, как и раньше, вел головную машину. Дорога шла вдоль Вади-эс-Сир, глубокой и узкой долины, казавшейся ожившим творением художника-романтика: здесь была даже живописная крепость в руинах, причем именно в том месте, где Блумберг предпочел бы ее изобразить, рисуй он здешний пейзаж лет сто назад. Они ехали мимо черных косматых палаток местных бедуинов и мимо городка Мадаба, где Блумберг углядел среди минаретов несколько церковных шпилей, а оттуда — до Хешбона и далее до Керака, где мощеная дорога внезапно оборвалась.

Почти все это время они ехали в молчании — но сам переход от темноты к свету, такой мощный и красочный, казалось, и требовал почтительного внимания. Блумберг, которого роскошь вчерашней ночевки заставила мысленно перенестись в скудное лондонское детство, думал о матери. Вот она, с крепкими руками прачки, стоит у катка для

белья в их доме на Крисчен-стрит, закладывает в каток его мокрую одежду. Чтобы не забрызгать пол, она подстелила газету. Отец несколько часов назад ушел на работу — гладит чужие костюмы за гроши на Уайтчепел-роуд. А он, Марк, голодный принц, старший из шести детей, сидит с большим стаканом молока в одной руке и с печеньем в другой и слушает, как мать — лоб в поту, руки красные и распухшие от стирки — строго-настрого наказывает ему никогда ничего не брать — ни еду, ни одежду, — от Миссии за обращение евреев. Впереди над пустыней уже занимался рассвет, окрашивая небо нежными розоватыми оттенками, и Блумберг улыбнулся про себя: а он теперь принял и еду и одежду от частной миссии сэра Джеральда Росса — в обмен на картины с церквями и набатейскими храмами[55]. Матери это вряд ли бы понравилось.

В Кераке Блумберг с Рахманом сели на лошадей и какое-то время ждали, пока остальные навьючивалн поклажу на самых крупных верблюдов из их маленького каравана. Рахман почти сразу же резко изменил отношение к путешествию,

---

[55] Примечания: 55

Древнее государство набатеев (группы арабских племен) существовало в конце III в. до н. э. — 106 н. э. на территории современной Иордании. Столица — город Петра.

причем не в лучшую сторону. Похоже, он счел оскорбительным, что пришлось расстаться с автомобилем и пересесть на лошадь. Он покрикивал на остальных, особенно на парня, и упорно не глядел на Блумберга. Но к тому времени, когда караван тронулся в путь, Рахман чуть повеселел — его, как и Блумберга, явно забавляло непривычное зрелище: художественная мастерская, передвигающаяся по пустыне на долгоногих верблюдах.

Блумберг до этого лишь однажды катался на лошади: его отец подружился с местным молочником, и этот старый чудак разрешил Марку проехать на серой в яблоках лошадке от дома до комплекса «Тентер» на Сент-Льюк-стрит: позвякивали в ящиках пустые бутылки, ахали встречные девчонки, и среди них сестра Лина, мальчишки свистели вслед. Тогда, как и сейчас, лошадь, похоже, лучше человека знала и куда идти, и что делать, не рассчитывая на помощь седока.

Лошадь брела по дороге, вытоптанной сотнями тысяч верблюдов так, что напоминала гигантскую колею шириной чуть не в полкилометра. Справа от Блумберга, теперь уже позади каравана, зияла расселина Мертвого моря — как мираж,

уходящий в бесконечность.

Днем у Блумберга не было возможности поговорить с юным аль-Саидом. Он видел его, лишь когда мужчины останавливались, чтобы помолиться. Парень всегда опускался на колени поодаль от остальных — было похоже, он их побаивается. Порой во время таких остановок он вовсе не отходил от верблюда, прячась от солнца за верблюжьим горбом. Но чем дальше они ехали, тем явственнее Блумберг ощущал некое напряжение, возникшее в группе: почти неуловимое, к середине дня оно усилилось, словно вместе с жарой, но с чем это связано — с ним ли, с парнем или просто с тяготами путешествия, — Блумберг не мог понять. Во время первого перерыва на молитву Рахман рассказал Блумбергу, что они едут по Дарб-эль-Хадж, старинному паломническому пути в Мекку и Медину. Хотя в наши дни, добавил он, большинство паломников предпочитают плыть морем до Джедды[56]. Выдав эту информацию, он, похоже, решил, что не пристало ему играть в экскурсовода, и оставил Блумберга созерцать ландшафт в одиночку.

К удивлению Блумберга, в пустыне, где, как

[56] Примечания: 56

Джедда — порт на восточном побережье Красного моря, недалеко от Мекки.

ему казалось, не должно быть совсем ничего (как наивно с его стороны было думать, что он возвращается «назад во времени»), то и дело попадались полуразрушенные здания, окруженные кучами мусора. Потом он догадался, в чем дело: они двигались вдоль заброшенной ветки железной дороги — точнее, железной дороги, которая когда-то в точности повторяла, если и отклоняясь, то незначительно, путь хаджа. То и дело им попадались заброшенные станции — от некоторых не осталось ничего, только цинковая цистерна торчит да пара лачуг. Но гораздо чаще встречались следы рукотворной разрухи — еще одно напоминание Блумбергу, на этот раз неизгладимое, что и сюда докатилась Великая война, его война, задев эти места своим черным крылом: разрушенные здания, разбитые цистерны, сторожевые будки без крыш, пустые лафеты, разбитые вагоны. А вокруг одной станции — широкие воронки от снарядов и полузасыпанные окопы.

Других путешественников они пока не видели. В какой-то момент лошадь Блумберга, решив, что ей пора отдохнуть, застыла — и ни с места. Легионеры проехали мимо, даже не обернувшись, и только парень остановился, свесился с верблюда, пощелкал языком, похлопал лошадь по крупу

— и она снова пошла.

Блумберг понимал, что выглядит смешным — тощий Санчо Панса в широкополой шляпе. Но наивность, решил он, пристала художнику, заведшему, на старый лад, покровителя-мецената. Перед тем как выехать из Аммана, он перечел письмо-инструкцию, выданную ему Россом: перечисленные в ней пожелания звучали скорее как требования: «Не забудьте о точности воспроизведения архитектурных деталей, уделив, по возможности, особое внимание храму Изиды, что в дальнем конце каньона Сик, при любом освещении, какое сочтете наиболее выгодным: при дневном или даже, возможно, при лунном свете». Даже время суток обозначил! И все же он был благодарен Россу. В Лондоне сейчас не много нашлось бы желающих раскошелиться ради новых картин Блумберга.

Едва в небе проглянули первые звезды, Рахман объявил привал. Разбили лагерь. Двое мужчин у костра варили кофе. Мустафа развьючил одного верблюда и раздал всей компании еду. Мужчины набросились на провизию: как солдаты на армейский рацион, подумалось Блумбергу.

Они сидели вокруг костра, образовав что-то вроде разомкнутого кольца — юного аль-Саида

усадили между Блумбергом и Рахманом. Разговор шел по-арабски, но Блумберг нашел себе занятие: он смотрел на звезды — на черно-агатовом фоне появлялись все новые и новые, причем с невиданной скоростью, и следить за этим было одно удовольствие. А над ними висела луна, огромная и желтая, как утрированная декорация в какой-нибудь мелодраме. В конце концов мужчины стали расходиться, и у костра остались лишь Блумберг да мальчишка.

— Ты ведь видел меня раньше, если я не ошибаюсь? — спросил Блумберг.

Тот вытянул к костру длинные ноги. Бог весть почему, но на нем были все те же выданные Россом серые школьные брюки и белая рубашка.

Парня била дрожь. Хотя с заходом солнца похолодало, но было еще достаточно тепло. Блумберг заметил, что лоб у него в испарине, а глаза лихорадочно блестят. Там, где когда-то была повязка, осталась тонкая полоска запекшейся крови.

— Возможно, в Иерусалиме. Моя дядя держит магазин в Старом городе.

— Или возле моего дома, что вероятнее. Ты ведь был там однажды ночью, правда?

Парень подумал, взвесил ответ и сказал еле слышно, почти шепотом:

— Да, я там был.

— Что ты там делал?

— Я заблудился.

Заблудился? В это верилось с трудом.

Парень отер рукавом лоб. Блумберг видел, что с ним что-то не то.

— Тебе плохо?

Вместо ответа Сауд лишь уронил голову на руки. Блумберг испугался, что он упадет в обморок. И протянул ему бутылку с водой. Парень сделал несколько глотков.

— Послушай, если тебе нездоровится, я отправлю тебя домой. Кто-нибудь из мужчин тебя проводит.

— Нет, это я днем перегрелся. Сейчас попью, и все пройдет. Только не отправляйте меня обратно.

Блумберг чувствовал, что тот взволнован, но не понимал, с чего бы это.

Рахман с Саламаном вернулись к костру. Мальчик встал и пошел прочь. Слышно было, как он мочится на песок.

— Нравится парнишка? — улыбнулся Рахман.

Саламан же при этих словах сплюнул.

— Не знаю. Парень как парень. Почему он может не нравиться?

Рахман сказал что-то Саламану — может, переводил слова Блумберга. Если и так, то ответ его почему-то насмешил Саламана, и он расхохотался.

Мальчик вернулся и, как обычно, сел поодаль от остальных.

— Почему жена не поехала с вами?

— Захотела остаться в Иерусалиме. И кроме того, как видите, ей здесь нечего делать. Но почему вы спрашиваете?

И снова Рахман обернулся к Саламану, последовала оживленная жестикуляция.

— Но ведь вы просили у сэра Джеральда этого парня?

— Вовсе нет, что за чушь! Напротив, я предпочел бы путешествовать без спутников, и поверьте мне, будь моя воля, я бы и вас не стал беспокоить. Хотя теперь вижу, что с вами удобней.

Ответ Блумберга, похоже, понравился Рахману

— Но в чем вообще дело? — удивился Блумберг.

— Парень известен на весь Иерусалим. Многим мужчинам он заменял жену.

Блумберг невольно улыбнулся. Сама мысль о том, что сэр Джеральд Росс отправил его за содомитскими приключениями, была почти такой

же, если не в точности такой же нелепой, как и истинная цель поездки.

— Правда? Ладно, дело его. Думаю, это не помешает ему таскать мой мольберт? И кстати, как его имя?

— Имя его, к вечному стыду породившего его человека, Сауд аль-Саид. Хорошо, что отец его не видит: он умер.

Блумберг лежал в палатке и сочинял письмо Джойс. Письмо, которое, он знал, если и дойдет до нее, то не раньше, чем через месяц-другой. И все же на расстоянии ему проще было говорить о своих чувствах. Он писал мягким карандашом — вкратце рассказал о своем путешествии до настоящего момента и даже приложил сделанную еще днем зарисовку бывшей огневой позиции.

От лампы по стенам ложились тени, похожие на хищных птиц: ветер пустыни трепал холстину, стены палатки хлопали и дрожали. В конце письма он добавил непринужденно и как бы между прочим: «Кажется, я нашел твоего Сауда. Но даже если так, на убийцу он не очень похож. Завтра поинтересуюсь у него, зарезал ли он хоть раз в жизни кого-нибудь. Шофер мой думал, что сэр Джеральд отрядил его согревать меня по ночам, — помнишь того полицейского, который

сидел на нашей постели? — „любитель мальчиков со своим мальчишкой…“» И тут Блумберг не удержался, съязвил: «Наверное, стоит рассказать об этом следователю, который теперь тебя согревает… Хотя нет, лучше не надо. Иначе он заявится сюда и будет отрывать меня от работы, а мне бы этого не хотелось». Он облизнул кончик карандаша и решительно замалевал последний абзац. К чему ее опять тревожить? К тому же он не хотел подкидывать Киршу идею. Если Росс отправил мальчика с ним в Петру, вряд ли он считает его убийцей Де Гроота. И потом, Сауд был ночью возле дома Блумберга: с какой стати убийца (если, конечно, не начитался в детстве детективных романов) станет возвращаться на место преступления? Нет, тут должно быть какое-то другое объяснение. Может, этот Сауд даже не был знаком с Де Гроотом. Утром Блумберг его прямо об этом спросит. Но что тот может ответить? «Да, я зарезал старого еврея и теперь отдаю себя в руки правосудия?» Блумберг мысленно даже посмеялся над собственной наивностью.

Он погасил лампу. В соседней палатке слышался храп. Где-то вдали заблеял верблюд. Что там такое говорил Росс про Джотто и его учеников? Нет, ему выпал еще более завидный удел — гор-

до носить власяницу изгоя. Под этими дикими звездами Блумберг, впервые в жизни, понял, что живет той жизнью, о какой мечтал.

24

В среду с утра Джойс явилась к Киршу в контору. Он хоть и удивился, но был очень ей рад. Волосы она зачесала назад, белый бесформенный кафтан, видимо купленный по случаю в Старом городе, она подпоясала красным шарфом, что подчеркивало ее стройную фигуру. Ее кожа, поражавшая белизной, когда они впервые встретились, с тех пор успела загореть и, на взгляд Кирша, идеально оттеняла ее серые глаза. Увидев ее, он даже на какое-то время, пусть на миг, забыл о Блумберге.

— Где ты пропадала? — Кирш старался выдерживать шутливый тон, боясь показаться ревнивцем, хотя сердце у него бешено стучало.

— Кто-то обыскивал мой дом.

— Ужас какой. Когда?

— В понедельник вечером, пока я гуляла.

— В городском саду. — Кирш хотел приберечь эту информацию, но слова сами слетели с губ. Рядом с ней он не владел собой.

Джойс нахмурилась:

— Ты что, шпионил за мной?

Кирш рассмеялся:

— Хотел бы, но нет. Клайв Баркер — знаешь

его, он занимается городским планированием? — ну, он видел тебя там и обмолвился мне при встрече.

— Ох, да это не город, а большая деревня.

В ответ Кирш хотел было пошутить, но потом вспомнил, что Джойс пришла сообщить о преступлении.

— Так что с домом, велик урон?

— Порвали кое-какую одежду и три Марковых картины затоптали.

— Ужас.

— Да, но он не расстроится. Он такой. Скажет, что они этого заслуживают. В Вест-Хемпстеде на моих глазах по десять картин разом выносил на помойку. А я с утра пораньше забирала их тайком.

— Значит, в дом залезли в понедельник вечером?

— Да.

— Почему же ты вчера мне не сообщила? То есть, я хочу сказать, это же серьезное дело.

— Я была занята весь день. Питер Фрумкин… — Джойс помедлила. — Который фильмы снимает…

— Я знаю, кто он такой, — перебил ее Кирш.

— В общем, он повез меня в Старый город по-

смотреть на съемки. А потом в последний момент придумал роль для меня.

Кирш чувствовал, что краснеет.

— Правда? Я думал, они штурмуют стены султана Сулеймана, — Кирш попытался изобразить напыщенный голос за кадром.

— Ну да, так и было, но потом римляне ворвались в город, подступили к храму и нескольких местных женщин изнасиловали. Я была первой жертвой. — Джойс округлила глаза.

— Гадость какая.

Джойс засмеялась — чересчур натужно, как показалось Киршу, впрочем, он мог и ошибаться.

— Не будь таким занудой, — сказала она.

Кирш вспомнил вдруг, что, перед тем как они занялись любовью, она велела ему снять одежду. За дурачка принимает.

— Очень смешно, — буркнул Кирш. — А на самом деле кого ты изображала?

— Подносила воду жаждущим.

— Ну, это я еще могу представить.

— Представлять не надо, скоро сам увидишь, надеюсь. В городе ведь есть кинематограф?

Кирш встал, обошел кругом стола, приблизился к ней. Он заметил на лодыжке у Джойс тонкий серебряный браслет. Она выглядела такой

ухоженной и счастливой — полная противоположность тому, что он видел в воскресную ночь. Она явно не из тех, кто сдается. Мелькнула подлая мысль, что эту ночь она провела в постели с Фрумкиным, а потом с утра прихорашивалась в роскошной ванной отеля.

— Надо бы мне съездить к тебе, осмотреть все как следует.

— Не обязательно, я уже прибралась с тех пор.

Кирш вздохнул.

— А когда убиралась, ничего подозрительного не заметила? Может, тот человек обронил что-нибудь?

— Нет, ничего.

— Извини, конечно, может, я ошибаюсь, но мне кажется, ты не слишком расстроена.

— А чего расстраиваться? Все ерунда, на самом деле, в сравнении с тем жутким случаем.

Кирш не на шутку рассердился:

— А тебе не приходило в голову, что эти два события могут быть взаимосвязаны? И что тебе, возможно, угрожает опасность?

Неужели он пытается ее запугать? Кирш, еще не договорив, понял, что выглядит полным идиотом. Ну какая связь может быть между двумя этими событиями, если убийца, а он об этом пре-

красно знает, сейчас находится где-то на полпути в Трансиорданию, в пустыне? Только Джойс не должна об этом знать.

— Ладно. Но ты хоть дверь запирала, когда уходила из дома?

— Нет, по-моему. У нас же нечего взять. Кроме картин, естественно.

Его больно резануло это «у нас».

— И когда убиралась, нового ничего не нашла?

— Мы, кажется, это уже обсуждали.

— И моей записки не видела?

Джойс наморщила лоб, подумала с минуту:

— Не знаю… нет.

У Кирша вытянулось лицо.

— Да ладно, видела я твою записку! — улыбнулась Джойс. — Но, Роберт, неужели ты так по мне скучал? Не знала, что я так хороша в постели.

Кирш вспыхнул и покосился на дверь кабинета. Дверь была закрыта. Он не верил своим ушам. Женщина — и говорит такое!

— Значит, ты ничего не нашла, — пробормотал он, — кроме моей записки.

Джойс поднялась. Подошла к нему и поцеловала в губы.

— Я хочу, чтобы ты отвез меня в Кремисан.

— В монастырь?

— Именно.

— Когда?

— В эти выходные.

— А до этого? Я тебя не увижу?

— Роберт! Я же снимаюсь в фильме! — Она явно поддразнивала его, но ему было все равно.

— Тебе нельзя оставаться в том доме.

— А где же мне жить? У тебя? Не слишком-то это прилично, старина.

Ее лощеный светский выговор сменился вдруг валлийским просторечным. Но с этим американцы часто попадают впросак.

Джойс направилась к выходу.

— Не беспокойся, — сказала она, — я куплю цепного пса. Или пришли еще раз того настырного детектива, пусть стоит на часах.

— Какого детектива? — не понял Кирш.

— Ну, которого ты посылал к нам дорасследовать. Наглый такой, развалился прямо на кровати — да не пугайся ты так, не рядом со мной, — и все выспрашивал.

— Я никого не посылал.

Джойс пожала плечами.

— Я опаздываю, — сказала она. — Мне еще нужно многих повидать. В субботу утром? В десять часов — идет?

— Погоди минутку, этот человек, как он выглядел? Он сказал, как его зовут?

— Недурен собой. Глаза красивые, смуглый, и, по-моему, он из местных евреев. Шепелявит немного.

— Брюнет, кудрявый, коренастый?

— Да. Роберт, мне надо идти.

— Хорошо, — задумчиво произнес Кирш, — иди.

Кирш снова сел за стол и достал из верхнего ящика чистый лист бумаги. Пошарил в нагрудном кармане в поисках карандаша, но вместо этого извлек оттуда пуговицу от полицейской гимнастерки, найденную у Джойс в саду. Вспомнил, как спросил ее: «Ничего подозрительного не заметила, когда убиралась?» И она ответила: «Ничего». Он внимательно посмотрел на пуговицу, потом снова положил ее в карман. Встал, провел рукой по губам, чтобы стереть следы помады Джойс, и распахнул дверь кабинета. В коридоре было пусто, растрескавшиеся желтые стены набухли влагой, как будто само здание в хамсин истекало потом.

— Кто-нибудь видел Харлапа? — крикнул Кирш.

Ответа не было. Кирш прошел в приемную.

Там было на удивление тихо. Обычно здесь толпились просители — родственники мелких воришек, которых забрали накануне, и всякого рода жалобщики — жаловаться на соседей из-за всякой ерунды было у местных любимым занятием. Чаще всего по утрам здесь стоял такой гвалт, что не слышишь собственного голоса. Но после смерти Картрайта в приемной по большей части стояла зловещая, мрачная тишина. Похоже, местные правонарушители решили пока залечь на дно и переждать какое-то время. Предпочитали держаться подальше от полицейских, зная, что одного из них недавно убили.

— Где Харлап? — снова спросил Кирш.

Дежурный сержант, Мэллори, оторвался от гроссбуха, в котором записывал утренний отчет. Промокнул написанное, потом захлопнул тетрадь образец исполнительности.

— Он у Яффских ворот, сэр. Стоит на дозоре по просьбе кинокорпорации «Метрополис».

— Вы уверены?

— А разве он должен быть где-то еще, сэр?

Кирш покачал головой:

— Вам известно, что стен, которые они штурмуют, не было здесь, когда Тит разрушал Второй храм?

— Простите, сэр?

— Ладно, это я так. Если Харлап появится, передайте ему, что он мне нужен.

— Так точно, сэр.

Кирш пошел к двери.

— А что сказать ему, где вас найти?

Кирш подумал немного.

— Впрочем, забудьте, Мэллори. Ничего ему не говорите. Я сам его раньше найду.

Но Кирш не нашел Харлапа ни в то утро, ни до конца недели. По словам Мэллори, сержант позвонил на пост в среду сразу после того, как Кирш отправился его искать. Он сказал Мэллори, что Фрумкину помощь полиции так и не понадобилась, съемки отменили из-за приближающейся пыльной бури, и он возьмет отгулы на ближайшие дни. Съездит в Хайфу к матери: ее кладут в больницу, проблемы с легкими. Врачи думают… Но Киршу было неинтересно, что думают врачи. У него были заботы поважнее. С какой стати Харлап наведывался к Блумбергам с расспросами? Неужели Росс замышляет что-то тайком от него? Что вообще, черт побери, происходит?

До конца недели Кирш пытался, правда без особого успеха, скрывать замешательство. В участке

он был требователен и придирчив, дома — мучился от одиночества, терзался смешанным чувством вины и зависти. Это было почти физическое ощущение: устроится с книгой на кухне, но вспомнит про Сауда — и лицо горит, подумает о Джойс — то же самое. И он вставал, шел к раковине, плескал в лицо холодной водой. О Блумберге не было ни слуху ни духу. Тем временем съемочная бригада Фрумкина, как он слышал, перебралась к северу от Тель-Авива. Джойс, наверное, уехала с ними. Во всяком случае, дома ее не было. И хотя ему было велено ждать до конца недели, он каждое утро ездил к ее дому — проверял. Окна закрыты ставнями, на стук никто не открывал. В пятницу вечером он подъехал незадолго до захода солнца — весь день он практически ничего не делал, что в его нынешнем состоянии было хуже любой нагрузки, и плюхнулся на плетеное кресло, оставленное Блумбергом в саду. Смотрел, как сгущаются тени, удлиняясь. Заходящее солнце заливало прощальным сиянием заросший сад, превращая зеленую тропинку в лиловую, а серую калитку — в серебряную Вдруг — непрошеным гостем — в калитку вошел призрак его брата Маркуса — двинулся не спеша по тропинке, руки в карманы, в белых брюках и лихо заломленной

соломенной шляпе, будто собрался на пикник. Вот только рубашка у Маркуса было наглухо застегнута до самого ворота, и Кирш знал почему: чтобы скрыть смертельную рану на груди. Шел, напевая «Апрельские дожди» и подражая манере Эла Джадсона[57], делал вид, что не замечает младшего брата в садовом кресле, глядящего на него во все глаза. «Апрельский дождик опять идет. Не огорчайся, потому что он фи-ал-ки нам несет». Кирш и сам чуть было не запел вместе с Маркусом, но все же как-то неприлично подпевать покойному. Песня закончилась, Кирш, вздрогнув, проснулся. И вдруг вспомнил, что у Харлапа на гимнастерке не хватало пуговиц в тот день, когда он привел в участок Сауда. Может ли такое быть, что пуговица, подобранная здесь, в саду, — от той самой гимнастерки? Харлап явно околачивался возле дома Блумбергов: Джойс описала его довольно точно. Но, может, он бывал здесь и раньше? Что, если Де Гроот, в предсмертной агонии, вцепился в рубашку Харлапа? Маловероятно, но не исключено. Тот старик раввин, Зонненфельд, намекал Киршу, что убийца — сионист, а не арабский мальчиш-

[57] Примечания: 57

Эл Джолсон (1886–1950) — американский артист и исполнитель песен, выступал в 1920-х гг. на Бродвее.

ка, но Кирш не принял его слов всерьез. И еще письма. Кто-то знал, что Де Гроот собирается в Лондон, и, возможно, этот кто-то не хотел, чтобы поездка состоялась. Кирш свалял дурака. Сауд так идеально подходил на роль подозреваемого, что другие версии Кирш не стал прорабатывать. Он знал, с самых первых дней в Палестине ему внушали, что из-за местной политики многие арабы ненавидят евреев и наоборот, но ему и в голову не приходило, — непонятно почему, — что по каким-то мотивам, не имеющим отношение к личным, евреи могут ненавидеть друг друга и даже убивать. Все в нем восставало против этой мысли, чуть не с рождения. Но что, если Харлап, по какой бы то ни было причине, действительно замешан в убийстве Де Гроота? И до какой степени? И возможно ли, что Киршу видится связь там, где ее нет (пуговица!) в жалкой попытке оправдаться: обвинить Харлапа, чтобы избавиться от угрызений совести из-за того, что позволил Сауду бежать? И какая роль в этом во всем у мальчишки? В любом случае ситуация опасная. Убийца Картрайта все еще на свободе, Харлап смылся, и Джойс — в этом Кирш почему-то был уверен — нуждается в срочной защите.

Кирш бросился к калитке, завел мотоцикл и

поехал к центру города, к отелю «Алленби» на Яффской дороге. Он должен выяснить, куда Фрумкин увез своих киношников. Но на последнем отрезке пути вынужден был свернуть и поехать в объезд. Перед кварталом ортодоксов Меа Шеарим дороги были перекрыты. С заходом солнца наступил шабат, и на улицы высыпали хасиды в лапсердаках и меховых шляпах — шли молиться. В одном месте, рядом с кварталом, где жили ортодоксы, собралась густая толпа, и Кирш выжал сцепление и нажал на газ, надеясь проскочить, — мотор взревел. Он вспомнил, что говорил ему Росс — кажется, еще в первую неделю его пребывания в городе: «Любая толпа в Иерусалиме не к добру, и сборища по возможности следует пресекать». Кирш слез с мотоцикла и стал проталкиваться сквозь толпу кричащих, бурно жестикулирующих людей. И вскоре обнаружил в центре этого шумного круга молодого таксиста-араба. Он тщетно требовал с седока платы за проезд,

— Что случилось? — спросил Кирш. — Вы понимаете, что загораживаете проезд?

— Я вез его сюда из самой Яффы! Шестьдесят километров с гаком! А теперь он говорит, что не может заплатить.

Провинившийся — высокий бородач с блед-

ным, как опара, лицом — судя по его виду, ничуть не раскаивался в проступке.

— Он заплатит. Заплатит! — крикнул кто-то из толпы. — Но не сегодня. Пусть завтра вечером придет — а лучше в воскресенье утром,

— Почему не сейчас? — поинтересовался Кирш у нарушителя. — Или вы предлагаете, чтобы наш друг вернулся в Яффу, а в воскресенье приехал оттуда за деньгами?

Слова Кирша мигом перевели на идиш — в ответ люди смотрели недоуменно, пожимали плечами: а почему бы нет?

Небо тем временем потемнело, и там, где только что были видны три звездочки, теперь высыпали тысячи. После долгих расспросов, среди беспорядочного шума и гвалта Кирш наконец разобрался, в чем дело. Водитель-араб и его пассажир загодя выехали из Яффы, рассчитывая к вечеру успеть. Но из-за бесконечных задержек добрались до Иерусалима уже когда солнце село, начался шабат, и финансовые расчеты стали невозможны. Таким образом, пассажир, как он уже говорил, вовсе не отказывается платить, просто просит отсрочить это дело. Почему араб-водитель не видит его резонов — похоже, оставалось загадкой для всех, кроме Кирша и самого шофера.

Водитель, к этому времени уже слегка обалделый, видимо, устав стоять бедным просителем, уселся прямо посреди улицы. Очевидно, он, как и Кирш, слабо понимал иврит и идиш, а арабского, похоже, никто из здешних не знал. Попытки перевести все на ломаный английский, понятный обоим, успехом не увенчались, только всех измучили. Кирша тоже тянуло сесть, а еще лучше — лечь. Он уже полчаса тут торчит, разбираясь с этим дурацким инцидентом. Но агрессии не чувствовалось. На самом деле, к большому удивлению Кирша — может, это все аура священного часа, — люди хоть и шумели, но вели себя вполне дружелюбно по отношению к водителю, и все же Кирш никак не мог принять решение, хотя вроде бы что тут сложного? Ему надо срочно найти Джойс, напомнил он себе, а он теряет время на эту разборку.

— Да Бога ради, я заплачу! — в конце концов крикнул он. — А вы — сказал он пассажиру, — придете в воскресенье утром в полицейский участок и вернете мне долг.

Кирш достал кошелек и протянул деньги — к радости водителя, но толпа, видя это, возмущенно ахнула.

— Нет-нет, — кто-то схватил Кирша за руку, —

это гой, это должен сделать гой.

— Отстань! — огрызнулся Кирш и, неожиданно сам для себя, произнес: — Я — гой. Ясно? Англиканская церковь, знаете такую? Сейчас я отдам деньги этому бедолаге, и можно будет спокойно разойтись.

Кирш в тот момент не думал, поверят ему или нет. Ему и в голову не приходило, что хасиды хотели, чтобы вместо него это сделал другой — нееврей. Ему хотелось лишь одного: проехать на мотоцикле через эту толпу. Он уже готов был вложить три монеты по двадцать пиастров в протянутую руку водителя, как вдруг позади толпы заметил Харлапа.

— Эй! — крикнул Кирш. — Стой!

Харлап обернулся, встретился с ним взглядом и бросился бежать.

Кирш выронил монеты и, расталкивая толпу, помчался по Яффской дороге — вслед за Харлапом. Но возле ворот городской больницы остановился, задыхаясь и обливаясь потом. Он понял, что упустил Харлапа. После этого, уже медленно, побрел назад к тому месту, где оставил мотоцикл. Толпа к тому времени рассосалась. Его мотоцикл кто-то откатил к обочине и прислонил к стене на углу. Рядом в темноте чернели две огромные кучи

мусора, воняло какой-то дрянью, и от этого убожества Киршу стало тошно — он почувствовал, что смертельно устал, и без сил опустился на землю: прислонясь спиной к мотоциклетному колесу, пытался отдышаться. Теперь он знал наверняка только одно: что до сих пор заблуждался, чуть ли не во всем.

25

Блумберг проснулся среди ночи — в грудь ему уткнулся ствол винтовки.

— Давай поднимайся! — крикнул Саламан и со всей силы пнул его ногой в бок.

Блумберг взвыл и перекатился на другой бок.

Саламан пощелкал пальцами и плюнул ему в лицо:

— Встать!

— Какого черта, в чем дело?

Блумберг встал, придерживая ушибленный бок. Саламан приставил к его спине ствол и заставил выйти из палатки.

Снаружи, обложенный по кругу камнями, догорал костер. В его оранжевом пламени Блумберг увидел Рахмана — тот сидел, скрестив ноги, связанный, с кляпом во рту. Метрах в двадцати двое других легионеров остервенело, с рычанием и воплями тыкали ножами во что-то на земле. Блумберг похолодел: в первую секунду он решил, что это мальчик. Но потом Саламан толкнул его в спину, он упал ничком, а когда, сплевывая песок, пополз вперед, то увидел что «жертва» — старая военная гимнастерка британского образца.

Саламан тем временем сбросил с верблюда большой холщовый мешок Блумберга и вытряхнул из него художественные принадлежности: кисти, тюбики с краской, банки с маслом и скипидаром. За первым мешком вскоре последовал второй. Саламан высыпал на песок большую часть его содержимого: мясные консервы, банки с джемом, молоком и печеньем, а также спиртовку, но ее он счел ценной и забрал. Потом позвал Мустафу, и они вдвоем привязали Рахмана к спине верблюда — на место, освободившееся от мешков. Вскоре Мустафа с довольным видом вынес из блумберговской палатки карманные часы и керосиновую лампу. Но тем и ограничилось. Главной добычей, как понял Блумберг, были сами верблюды.

Кроме разбросанных рисовальных принадлежностей они оставили ему костер, тощую лошадь и флягу с водой. Блумберг, все еще держась за ушибленный бок, смотрел, как верблюды вместе с седоками исчезают в ночи, и был, как ни странно, даже благодарен этим разбойникам. Избавиться разом от всего — разве не об этом он мечтал? Прямо король Лир какой-то. Обошелся с людьми дурно — и получаешь по заслугам. Звезды над головой складывались в причудливые узоры

— как будто Господь Бог, точно ювелир с Хаттон-Гарден, высыпал перед ним на черный бархат, похваляясь, все свои драгоценности, и только для него одного. Едва Блумберг настроился на философский лад, откуда ни возьмись появился мальчик. Он дрожал: ночи в пустыне холодные.

— «Бедный Том озяб»[58], — произнес Блумберг задумчиво, обращаясь скорее сам к себе, а не к мальчику, и добавил: — Бедняга, — словно утешая Сауда, которому достался в товарищи по несчастью такой невзрачный король Лир — он сам.

Сауд подошел к костру.

— Я прятался за дюнами, — сказал он. — Накануне вечером я подслушал их разговор. Хотел вас предупредить, но не смог. Пришлось спрятаться.

— Ты ни в чем не виноват, — ответил Блумберг.

Сауд протянул к огню руки, потом отошел от костра и принялся собирать рассыпанные художественные принадлежности Блумберга и складывать их обратно в мешок.

— Я сам, — Блумберг попытался встать, но от резкой боли в боку сел на землю.

— Вот, — Сауд принес флягу с водой и, открутив

---

[58] Примечания: 58
У. Шекспир. «Кораль Лир». Акт 3, сцена 4.

крышку, протянул Блумбергу.

— У меня есть кое-что получше, — ответил тот.

На этот раз он нашел в себе силы встать и кое-как доковылял до сумки с провизией. Пошарив в ней, с победным видом извлек оттуда серебряную фляжку. Ее подарила ему Джойс в их последний день в Лондоне. Глотнув виски, передал фляжку Сауду, но тот покачал головой. Виски обжигало горло. Блумберг сделал еще глоток, потом еще. Так они сидели в молчании, наверное, минут двадцать, пока костер не стал гаснуть. Мальчик все еще дрожал, но на лбу блестели капли пота. Блумберг подошел к нему, обнял за плечи. Отвел его в палатку, уложил и укутал двумя колючими армейскими одеялами, оставшимися среди прочих вещей, которые Саламан и Мустафа со товарищи побрезговали взять. Потом и сам лег рядом с Саудом. Он лежал на спине, и вновь замаячила перед ним ночь в окопах — как черная гнетущая черная тень, но, по счастью, это длилось недолго. И вот он уже в еврейском театре «Маджестик», на Майл-Энд-роуд. А что там за представление на сцене? «А-мелех Лир» — «Король Лир», естественно, и Блумберг с приятелями утирают слезы рукавами — хохочут до слез. Им казалась нелепой и жалкой эрзац-культура родителей. В Вест-Энде

был гений, а в Ист-Энде — идишский король Лир, ни на что не похожий. А происходящее сейчас с Блумбергом — это что? Драма или мелодрама? Настоящее или суррогат? Все, что он рисовал для Росса, — не более чем мазня.

Сауд шевельнулся во сне, и Блумберг проснулся. Потрогал осторожно лоб мальчика. Кажется, жар прошел. Утром, когда кто-нибудь придет им на выручку, надо будет отпустить его. Пусть отправляется куда хочет.

Рассвет был ярким и внезапным — как будто в небесах подняли ставню, а в Лондоне утренний свет обычно вялый и бледный, как пьяница, возвращающийся с ночной пирушки.

Блумберг проснулся от боли. На боку красовался огромный лиловый синяк. Он потрогал его и поморщился. Во рту пересохло, язык как наждак, словно он песка наелся, что отчасти было правдой. Блумберг провел рукой по лицу — на щеках была двухдневная щетина, — потом встал и откинул полог палатки.

Оказалось, Сауд уже успел собрать вещи, навьючил лошадь. И сидел, поджидая его, на песке, скрестив ноги по-турецки. Блумберг подошел к нему, взял протянутую ему бутылку с водой. Сделал долгий глоток.

— Тебе получше? — спросил Блумберг.

Сауд кивнул.

— Температуры нет? — Блумберг уловил в собственном голосе материнские нотки.

— Я здоров.

С первыми лучами солнца стало заметно теплее. Блумберг огляделся по сторонам. Он имел весьма отдаленное представление о том, где они находятся, и сразу же понял, что ночная мысль отпустить Сауда была по меньшей мере глупой. Впрочем, Сауд явно хотел продолжать совместное путешествие.

Так что не стоило зря терять время. Блумберг с Саудом разобрали и сложили палатку — и уже через полчаса отправились дальше на юг. Они шли пешком, а лошадка, понурившись, все же послушно везла на спине тяжелые вьюки.

Как только они отправились в путь, говорить практически стало не о чем. Сауд просил Блумберга не беспокоиться, потому что он знает, сколько осталось до Петры — к вечеру они уже будут на месте. Вместе, хотя Блумберга это ничуть не заботило, они представляли собой странную пару: Сауд, в грязном и мятом школьном костюмчике — рубаха навыпуск, выданный Россом галстук в красно-черную полоску вместо пояса,

и Блумберг, обмотавший голову вместо куфии рваной рубашкой, а сверху нахлобучивший еще и мексиканскую шляпу, милостиво оставленную ему разбойниками. Но шляпа эта была не просто приятным дополнением, но и поистине подарком судьбы, потому что под черной широкой лентой Блумберг прятал банкноты, которые Росс выдал ему на дорожные расходы.

После трех часов пути они добрались до оазиса, напоминавшего скорее призрачную деревню: несколько заброшенных хижин да озерцо, возле которого бродил ослик, впрочем, его Сауд быстро захомутал. И все равно зрелище было завораживающее. Они, должно быть, поднялись выше уровня моря, потому что теперь Блумберг уже видел впереди огромный кратер, из которого вздымались скальные массивы — за ними, как объяснил Сауд, и прячется Петра. Блумберг нырнул под сень одной из хижин. Он захватил с собой пачку печенья и перочинным ножом вскрыл жестянку. Намазал печенье джемом и передал угощенье Сауду. Высоко в небе, то взмывая в безоблачную синь, то ныряя, парил на невидимых волнах одинокий ястреб.

Сауд сидел рядом с Блумбергом на корточках, хрустел печеньем. У него было на редкость краси-

вое, точеное лицо, и если правду говорили, что он продажный мальчик, то, как предположил Блумберг, поклонников у него должно быть немало.

— Что ты натворил? — спросил Блумберг и, не дождавшись ответа, спросил напрямик: — Ты убил Де Гроота? Это был ты?

— Нет, — ответил Сауд, — я не убивал Яакова. — Помедлил с минуту, огляделся вокруг, придирчиво глянул на Блумберга, как будто прикидывая, не подслушивает ли их кто и можно ли доверять собеседнику, а потом сказал: — Я видел, кто это сделал.

— И кто же?

Вместо ответа Сауд сунул руку в карман замызганных школьных брюк. Достал запыленную пуговицу, сдул пушинки, почистил ее, потерев о рубашку, и протянул Блумбергу на ладони. Она была серебряная и блестящая, с обрывками коричневых ниток в петле и с трезубой короной — эмблемой иерусалимской полиции.

— Я вернулся на место его гибели, — сказал Сауд. — И нашел это. Возле калитки в вашем саду.

Но прошло еще четыре часа (от оазиса они ехали верхом, переложив поклажу на ослика), прежде чем они добрались до ущелья, через которое попадают в древний город. Плато, на

котором находится Петра, прорезано ущельем со стенками из песчаника. Блумберг и раньше видел цветной песчаник — в Британии он тоже встречается, — но здешний поражал цветовой насыщенностью и разнообразием узоров. Отвесные скалы издали напоминали восточные ковры или ткань с арабесками. Темные оттенки красного, лиловые, желтые тона чередовались, оттеняя друг друга, а местами сливались и переплетались в причудливые фантазии. И он бы наверняка замер в восхищении, потрясенный такой красотой, если бы мысли его не были заняты другим — тайной, которую доверил ему Сауд.

26

Кирш всю ночь разыскивал Харлапа в спящих кварталах Иерусалима. Где можно было проехать — ехал на мотоцикле, а там, где улицы были закрыты для транспорта по случаю шабата, шел пешком. Обратиться за помощью было не к кому. Он не знал теперь, кому можно доверять. У Харлапа могли быть сообщники. Кирш понимал, что зря старается — Харлап наверняка отсиживается где-нибудь в запертой комнате с закрытыми ставнями. Но все равно продолжал поиски, как будто раскрыть это преступление, а вместе с этим разрешить и куда более сложную личную дилемму, можно было лишь в движении. Он всегда так поступал в тяжелые моменты — взять хотя бы его бегство в Палестину: это было бегство от Наоми, которая была бесконечно мила и заслуживала лучшего, но он ее не любил, а еще — бегство от невыносимой скорби, накрывшей семью после смерти брата. Маркус как-то вечером, когда ложились спать, спрятался под кроватью, загородившись простыней. Кирш, которому было тогда года четыре, сидел на кровати и болтал ногами, и Маркус схватил его за щиколотки. Кирш за-

визжал и накинулся на брата с кулаками. Брат сначала смеялся, потом сказал примирительно: «Не реви. Давай лучше поиграем во что-нибудь». Стеклянные шарики катились по ковру и звонко стукались друг о друга. Два милых еврейских мальчика. Так однажды назвала их тетя Фанни. «Милый еврейский мальчик» — «Сам такой» — поддразнивали они друг друга, тыкая пальцем в бок. Только ли это? Неужели это все, что могли они сказать о своей еврейской жизни? А Палестина? Вот уж о чем Маркус меньше всего думал. Последние его слова: «Дорогой Бобби, мы снова в окопах, и хоть ужасно хочется спать, спешу ответить на твое письмо, пока есть возможность. По счастью, я разжился свечным огарком. Спасибо огромное за книгу и шоколад. Все это я поглотил с равным удовольствием. Через день-другой пошлю тебе свою нормальную фотографию». И это все.

Кирш ехал наугад — если он сейчас и занимался расследованием, то только в закоулках собственной души, — по узким улочкам и дворам Меа Шеарим. Ночь была жаркой, запах сточных канав напомнил ему о луже возле дома Баркера в Вади-аль-Джоз. Здесь же домишки лепились один над другим — этакая польская деревня, чудом

переместившаяся на Ближний Восток: красные крыши, узкие двери, протянутые всюду бельевые веревки. В нескольких окнах еще мерцали свечки шабата, хотя в большинстве домов они давно уже догорели. Вообще что общего, удивлялся Кирш, у него с этими евреями и их убогим бытом? Ответ: ничего — и всё. Хотя почему так, он затруднился бы объяснить.

Оставив позади кварталы набожных бедняков, он ехал по Яффской дороге. Здесь только в редакции «Палестинского еженедельника» еще светились окна, дальше опять темнота — вплоть до Нешерской автостанции, где всю ночь снуют такси и — как ни в чем не бывало, несмотря на все попытки Росса запретить их ремесло в Священном городе, — собираются местные проститутки.

Когда он наконец вернулся домой, ночное небо по краям уже светлело, на черно-синем горизонте проступали розовые полоски. Кирш, не раздеваясь, рухнул на узкую кровать. Через несколько часов проснулся, весь в поту, с одной панической мыслью (где же эти чертовы часы?), что пропустил назначенную встречу, ведь они с Джойс договорились встретиться в десять и съездить в Кремисан. Комната была залита слепящим светом, иссиня-белым, как туго накрахмаленная

простыня, и жара стояла такая, как будто сейчас середина дня, разгар сиесты. Наконец нашлись часы — завалились под кровать, ремешок порвался. Было только полдесятого. Если поторопиться, он еще успеет. Сорвал с себя мятую униформу, плеснул в лицо водой. Бриться некогда. Натянул старые шорты-хаки, сверху — наименее мятую из двух белых рубашек.

Кирш на полной скорости мчал по пыльным и пустынным в шабат улицам. В Северный Тальпиот прибыл вовремя — светофор в городе был только один (Кирш присутствовал на его торжественном открытии), а повозок и осликов, из-за которых обычно возникали пробки, на улицах в субботу заметно поубавилось. У коттеджа Блумбергов прислонил мотоцикл к дереву и, хотя по такой жаре следовало бы идти не спеша, бегом кинулся к дому. Он уже представлял — на самом деле эта мысль не покидала его с момента пробуждения, — как подхватит Джойс на руки и закружится вместе с ней… Но его ждало разочарование. Джойс приколола к двери записку, накорябав крупными, наспех, буквами: «Роберт, не дождалась тебя, поехала с Питером Фрумкиным. Будь умницей, подъезжай тоже — увидимся».

Соколы в Кремисане — первая пара за бог знает сколько лет, так говорили, — свили гнездо на одной из сосен позади монастыря. А для города, где только один светофор, их появление стало «событием». И теперь все, кто мало-мальски интересуется птицами, орнитологи любители и просто любопытствующие, толпились перед высокой оградой, специально по этому случаю сооруженной монахами: дальше нельзя было заходить. Среди собравшихся было много британских военнослужащих, но не только они. Пробираясь в толпе, Кирш заметил Обри Харрисона — тот, в неизменном белом костюме, непринужденно беседовал с Бентвичами и Макклелланами, были и другие, знакомые Киршу по вечеринкам у Росса. Англичане вели себя непринужденно, даже чересчур, словно это футбольный матч, а не собрание натуралистов. За морем экспаты быстро усваивали принцип laissez-faire[59] — социальная система проявляет гибкость, не до крайностей, конечно, но какие-то ограничения, диктуемые рамками приходского или светского общения, ослабевают. А может, это из-за войны: четыре года держали себя в ежовых рукавицах, и теперь

[59] Примечания: 59
Здесь: «невмешательство» (*фр.*).

можно, так сказать, ослабить шнуровку. Отец Кирша в первый год после смерти Маркуса ни слезинки не проронил, а теперь, судя по письмам матери, плачет беспрерывно.

Несколько военных, опираясь на забор, передавали друг другу полевой бинокль и по очереди наводили его на соколиное гнездо. Чуть позади, в довольно плотной толпе евреев, под полосатым зонтиком Кирш увидел профессора Бена Дова — историка, который задавал тон в Еврейском университете со дня открытия. Он о чем-то оживленно беседовал с двумя известными учеными, своими будущими коллегами, и, если Кирш не ошибся, с Фрумкиным. Но куда же подевалась Джойс? Кирш ее нигде не видел. Рядом с ним местные арабские ребятишки соорудили простенький телескоп и глядели в него, растянувшись на земле — меж двух семей, расположившихся на пикник и заставивших все вокруг рядами пустых и початых бутылок. Местные монахи делают довольно приличное и на самом деле недооцененное красное вино, и в этот день торговля шла бойко. Тем временем влюбленные птицы, безразличные к человеческим ожиданиям, не собирались демонстрировать себя в полете.

Кирш, обойдя мальчишек, направился к Фрум-

кину.

— А, капитан, рад вас видеть, — сказал тот весело, прерывая беседу. И первый пожал ему руку.

Бен Дов особой радости не выказал. Кирш, расхристанный, небритый, с красными от недосыпа глазами, понимал, что впечатление производит не самое приятное. Кроме того, влиятельные сионисты, будь то ученые или политики, или и те и другие, редко симпатизируют таким, как он. Для них он враг, и Кирш это знал.

— Ищете Джойси, наверно. Она должна быть где-то рядом.

Джойси! Кирш стиснул зубы.

Фрумкин обернулся, глядя поверх голов, что было нетрудно при его росте, и заорал:

— Джойс! Джо-о-йс!

— Не надо. Я сам ее найду, — сказал Кирш.

Но Фрумкин, извинившись перед собеседниками, взял Кирша за локоть и стал подталкивать в сторонку. Кирш резко отстранился.

— Да ладно, — шепнул Фрумкин, — хочу сделать перерыв, с этими типами я чуть не умер от скуки.

— Ваше дело, — буркнул Кирш.

Фрумкин вздохнул.

— Что это? Ревнивый Оберон?[60]

Кирш сделал вид, что не слышал.

Фрумкин все же ухитрился отойти на несколько шагов от поборников еврейской университетской науки и заметил:

— А все деньги, знаете ли. Я сделал некоторые пожертвования в Иерусалимский фонд сэра Джеральда. Ваш шеф, должно быть, пустил слух, и теперь они от меня не отстают. Но, если честно, я здесь снимаю кино и ради этого готов на все. А в отличие от сэра Джерри, эти ребята, — Фрумкин указал на них большим пальцем, — мало что могут предложить по части места для съемок. Так или иначе, задумка с университетом — дохлый номер, в мире и так полным-полно умных евреев. А вы что скажете, капитан?

Кирш сказал бы прежде всего о том, что в обществе евреев из других стран, особенно американских евреев, он неизменно чувствует себя англичанином до мозга костей. Настолько, что, слушая Фрумкина, он сдерживается изо всех сил, потому что некий внутренний голос, даже не его собственный, а какой-то снобски аристо-

---

[60] Примечания: 60

У. Шекспир. Сон в летнюю ночь. Перевод М. Лозинского. Так царица фей и эльфов Титания встречает своего супруга Оберона: они в размолвке, и каждый винит другого в неверности.

кратичный, так и рвется наружу. «Боже, что за галиматья!» — сказал бы этот голос, дай ему волю. Но, к счастью, Кирш ему воли не дал — и ничего не сказал.

Явилась Джойс. На ней было летнее платье с короткими рукавами, которое выгодно подчеркивало золотистый тон загорелых рук и лица, резко контрастирующий с белизной волос. Вместо приветствия она расцеловала Кирша в обе щеки.

— Вид у тебя как после бурной ночи, Роберт.

— Горячая амазонка? — улыбнулся Фрумкин и добавил: — Да, ночи здесь жаркие бывают.

— Я хотел бы с тобой поговорить, — робко сказал Кирш: в ее присутствии вся его уверенность опять куда-то улетучилась.

— Ну так говори.

— Ага, пора мне уходить, — сказал Фрумкин со смехом. — В любом случае на птиц я уже насмотрелся. — И повернулся к Джойс: — Завтра увидимся?

Джойс даже ухом не повела. Кирш не знал, чему это приписать: то ли не хотела показывать, что у нее с Фрумкиным какие-то дела, а может, не хотела говорить об этих делах при Кирше.

— Ладно, подумайте об этом, — сказал Фрумкин. — Подумайте.

— Постойте, не уходите, — остановил его Кирш. — Я бы хотел у вас кое-что спросить.

— Валяйте.

— Мой подчиненный, сержант Харлап, должен был дежурить на прошлой неделе во время съемок в Старом городе, но вы сказали ему, что его услуги не понадобятся. Это правда?

— Неправда. Я попросил его поехать с нами в Хайфу. Он так ловко отгонял от нас зевак в Старом городе, что я подумал: в Хайфе такой человек нам очень нужен. Только не говорите мне, что он у вас не отпросился! — Фрумкин произносил все это шутливо, потом сделал строгое лицо: — Послушайте, Роберт, я прошу прощения. Я виноват. Я предложил ему больше, чем он, вероятно, заработает за полгода у вас на службе. Но я велел ему сначала спросить у вас.

— Так он был с вами всю неделю?

— Все семь ужасных дней.

Кирш обернулся к Джойс:

— А ты его видела?

— Эй, что за?.. — вмешался Фрумкин, но Джойс уже кивнула, и он умолк на полуслове. — Послушайте. не будьте к нему слишком строги. У него мать больная и все такое…

— Нет, это вы послушайте. В другой раз я буду

очень признателен, если вы обратитесь сначала ко мне, прежде чем подкупать моих подчиненных.

— Подкупать? Да ладно, приятель…

— Я вам не приятель. А вы наглец!

Казалось, еще немного — и дойдет до потасовки. Но потом Фрумкин вдруг поднял руки: сдаюсь, сдаюсь! — и расхохотался.

— Хотите арестовать меня, капитан? Пожалуйста. Но поверьте мне, нехорошо, когда еврейские ребята друг с другом так поступают.

Кирш, с побагровевшим лицом, едва сдерживался. Но все же взял себя в руки.

— Может, вы удивитесь, — сказал он Фрумкину, — но я все время так поступаю.

Фрумкин обернулся к Джойс, которая с досадой следила за их перепалкой.

— Вы знаете, как евреи попали в Англию? — спросил он у нее. — Корабль из России причалил у Лондонских доков. Кто-то встал и крикнул: «Нью-Йорк!» — и все, кто поглупей, сошли на берег.

Джойс даже не улыбнулась. Фрумкин посмотрел на Кирша, тот тоже стоял мрачный.

— На одном корабле, дружище. Ваш народ и мой. На вашем месте я бы не стал задирать нос, — продолжал Фрумкин.

— Мои предки из Голландии, — начал Кирш. — Мы в Англии уже два столетия. — И говоря это, Кирш понял, что смешон.

— А, отлично. Может, ваш прапрапрадед водился с Ротшильдами? Может, в таком случае вы одолжите сэру Джеральду денежек на реставрацию Иерусалима?

Конец этой словесной дуэли потонул в громких криках толпы. Соколы наконец взмыли в воздух и, широко расставив длинные крылья, принялись кружить, нарезая виражи — самец гонялся за самочкой.

— Они трахаются в воздухе, вы не знали? — произнес Фрумкин. И, глядя на Джойс, добавил: — Представьте, как классно.

Кирш и Джойс лежали рядом в комнате Джойс. Джойс, усталая, заснула после любовной битвы. Кирш лежал и смотрел в потолок — перед глазами, как ночные видения, проносились события последних двух недель. Джойс повернулась во сне, уткнулась лицом ему в плечо, положив руку на его узкую грудь. Он притянул ее к себе, вдыхая горьковатый запах ее волос. Он снова хотел ее, но сегодня она была такой неистовой и исступленной, что, несмотря на то, что им было хорошо вместе, у него возникло подозрение: не он дол-

жен быть сейчас с ней в постели. Вот почему он медлил, наслаждаясь этим мгновением тихой нежности, даже если она видит себя в объятиях Блумберга или кого-то еще.

Утром они сидели на лужайке на плетеных стульях. Джойс вынесла из дому чайник и тарелку с нарезанным сыром и хлебом. Забавно, подумал Кирщ: впервые за много месяцев он не сам готовит завтрак, а его кормят, и это было приятно. Жара, которую в последние дни принес пустынный ветер, начала спадать, воздух был теплым и свежим. Садик, почти идиллический под чистым голубым небом, был не лишен все же этакой сельской английской неухоженности. На лужайке трава по пояс, в изгороди меж камней торчат непокорные пучки разросшегося иссопа. По краям крыльца — розовые мальвы в жестянках из-под оливкового масла. Впервые Кирш, кажется, понял, почему евреи из разных стран так хотят здесь жить, хотя его догадка — не имевшая отношения ни к политике, ни к гонениям, ни к религии, истории и всему такому, а связанная исключительно с растениями, солнцем, сексом и любовью, — эта его догадка, вероятно, расходится с мнением большинства.

Он поделился с Джойс, но она, как обычно, от-

ветила с присущей ей резкостью:

— Все, что ты назвал, можно сказать и об Италии, и о любой другой средиземноморской стране, где тепло, цветут красивые цветочки и порхают яркие птички. Неужели ты совсем не сочувствуешь сионистам? Я хочу сказать, они ведь не многого просят, учитывая, сколько евреи дали миру — а им за это, добавлю я от себя, даже «спасибо» не сказали.

— Не надо меня учить, я все-таки еврей, не забывай.

— По твоему поведению этого не скажешь.

— А как еврей себя ведет?

— Идет по жизни с гордостью, мне так кажется.

— Ты говоришь о сионистской гордости?

— Хотя бы. Но скажи, что за радость быть англичанином? Хотя, конечно, тебе это нравится, ты же служишь империи.

— Что-то не припомню, чтобы твой супруг размахивал сионистским флагом. И вообще, он же для Росса церкви рисует.

— Заткнись! Марк к этому не имеет никакого отношения. Он просто замечательный художник. Гений на самом деле.

— Художники — исключение, значит? А как

насчет твоего приятеля Фрумкина? Он поможет осушать здешние болота?

Джойс, как ему показалось, смутилась было, но ответила вполне спокойно:

— Понятия не имею.

И, словно подтверждая мысли Кирша, что природа намного интереснее политики, над садом пролетел удод — Джойс невольно им залюбовалась. Весь ее запал вдруг выдохся, и она произнесла задумчиво:

— Наверно, лучше мне было поехать с Марком.

Вообще-то, пока у них шел спор о сионизме, Кирш думал совсем о другом. Ему хотелось сказать ей: «Я тебя люблю» — и он уже почти собрался, когда она заговорила. А теперь он словно онемел. Удод метнулся обратно — черкнул черно-белой молнией над высокой травой. Кирш следил за его полетом. И в досаде, из ревности или просто от смущения, ответил:

— Это было невозможно.

— Что ты хочешь сказать? Что он не хотел меня брать с собой? Поверь, я бы сумела его уговорить.

Теперь Кирш оказался перед выбором. Признаться в сговоре с Россом — или воспользоваться отговоркой, которую Джойс невольно ему

подсказала. Он мог бы ответить: да, он знал, что Блумберг хотел ехать один. Но что это ему даст? Утратить ее уважение лучше, чем ее потерять.

— Прости, — сказал он.

— Ничего, — ответила она, чуть смягчившись. — Уверена, многие думают, что я хотела ехать, а он мне не разрешил. В любом случае, правда колет им глаза.

Она собрала посуду, отнесла в дом.

Где-то неподалеку зазвонил колокол, приглашая прихожан на воскресную утреню, за ним в отдалении подали голос другие, и вскоре радостный перезвон множества колоколов наполнил всю округу. Кирш вспомнил школьную часовню в Сент-Поле, где он учился в тот год, когда началась война. Киршу и еще одному мальчику — О'Кифу, католику, дозволялось не присутствовать на богослужениях, но Кирш все равно ходил. Он обожал гимны: «Спаситель мой, с Тобою до конца…», и этот, самый любимый, «Паломник». «В любых невзгодах стойким будь, — с жаром пел Кирш, — за Господом пускайся в путь»[61]. И никого это, кажется, не удивляло, лишь старший

[61] Примечания: 61

Гимн, авторство которого приписывают английскому писателю и баптистскому проповеднику XVII в. Джону Беньяну, автору романа «Путь паломника».

воспитатель Дженкинс порой как-то странно поглядывал на него, а один раз, после того как Кирш допел вместе с другими особенно красивый, положенный на музыку псалом, регент церковного хора Мерлин-Смит, краснолицый валлиец с зычным голосом, остановил его на выходе из церкви: «Вижу, вам нравятся гимны, мистер Кирш? Что ж, их написал ваш народ. Полагаю, вы можете их петь!»

Джойс вернулась. Подошла к нему сзади, обвила за плечи тонкими руками:

— Роберт, мне пора идти. Но ты можешь остаться здесь, сиди сколько хочешь. День сегодня — чудо!

— Очередное свидание с Фрумкиным?

— Ты не имеешь права так говорить, сам знаешь. Это с тобой я изменяю мужу, не с Питером Фрумкиным.

Джойс коснулась его шеи поцелуем. Никогда еще он не был так счастлив.

— Опять сниматься?

— Нет, на этот раз для меня нашлась настоящая работа. Буду ответственной за реквизит. Сегодня возвращаемся в пустыню.

— Я думал, они закончили там еще месяц назад.

Джойс пожала плечами:

— На этот раз ненадолго. Может, хотят переснять пару сцен. Времени у них в обрез, пароход в Хайфе ждет. Так что все завершается. Питер тоже уезжает на следующей неделе.

Новость об отъезде Фрумкина порадовала, однако беспокойство осталось. Он чувствовал: Джойс что-то недоговаривает. Но ведь и ему было что скрывать.

— Я тоже пойду, — сказал Кирш, поднимаясь. — Хочешь, подвезу?

— Не надо, Питер пришлет машину.

— За реквизиторшей? Вот не ожидал.

Джойс улыбнулась:

— Съезди домой лучше, Роберт, переоденься. А то смотришься не солидно — совсем как художник стал.

Кирш посмотрел на свою мятую рубашку и шорты.

— Ты права, в таком виде в участке появляться не стоит.

— Кстати, я уж и забыла, как там расследование?

Теперь Кирш пожал плечами.

— Продвигается понемногу, — сказал он, — но медленно. Мне показалось, в пятницу я нащупал

кое-что, но… Ты говоришь, Харлап был с вами всю неделю?

Беседу прервал автомобильный гудок.

— О, это за мной, — сказала Джойс и бегом кинулась к калитке. Обернулась, послала Киршу воздушный поцелуй — и поспешила к поджидавшему автомобилю.

Кирш вернулся в дом, сел на кровать, закурил. Напротив у стены последняя из стопки картин Блумберга была развернута к зрителю: Иерусалим ночью. Окрестности города были пустынны, как лунный пейзаж. Чем-то эта картина растрогала Кирша. От нее веяло одиночеством, еще более глубоким, чем его собственное. Он встал и принялся обыскивать комнату — выдвигал ящики, приподнимал стопки с одеждой. Ему было неловко, конечно, поскольку он и сам точно не мог бы сказать, действует ли сейчас как полицейский — в конце концов, к Джойс в дом залезли злоумышленники, — или как ревнивый любовник. В конце концов, обшарив все закоулки и не обнаружив ничего интересного, кроме брошенного в грязное нижнего белья Джойс, он, пристыженный, удалился.

Только он вошел в кабинет, как зазвонил телефон. Росс.

— Не могли бы зайти ко мне?

— Боюсь, что нет, сэр.

В последнее время Кирш стал замечать, что, разговаривая с Россом, с трудом подавляет гнев и в результате только огрызается. Росс был великодушен — как добрый папаша, дающий строптивому сынку-подростку время одуматься.

— Дело не терпит отлагательств. Не могу распространяться об этом по телефону.

— Сейчас буду.

— Отлично.

Кирш поехал в сторону Абу-Тора. Сворачивая на околицу, не успел сбавить скорость на повороте — и к лучшему, потому что первая пуля только задела его плечо, остальные промазали. Мотоцикл повело, Кирш изо всех сил пытался удержать равновесие. Он чувствовал, как машина скользит вместе с ним, ногу свело от боли, и он кубарем полетел прямо в придорожную канаву.

Очнувшись, Кирш обнаружил, что его придерживает за голову какая-то арабская женщина. Отставив корзину с продуктами, она отирала мокрой тряпкой кровь с его лица. Он огляделся по сторонам и увидел, что она не одна: еще несколько женщин склонились над ним — яркая вышивка на их черных платьях складывалась в

непостижимый узор из ярко-розовых и желтых пятен. Женщины о чем-то быстро говорили между собой на языке, состоящем, казалось, из одних щелкающих звуков и вздохов. Он потрогал голову здоровой рукой — крови не было. И тут боль в раненой правой руке и раздавленной ноге стала совсем нестерпимой, и он потерял сознание.

27

Водитель свернул на Наблусскую дорогу к северу от Дамасских ворот. Стекла в машине были опущены, и переменчивые звуки города чередовались, как знаки препинания на ослепительно чистом листе летнего утра: перезвон колоколов, рев осликов да время от времени гудок автомобильного клаксона, а один раз донеслось что-то вроде выстрелов, дробных и отдаленных. Промчавшись мимо собора Святого Георгия и Американской колонии, машина с натужным ревом стала взбираться на первый холм. К тому моменту, когда они достигли вершины горы Скопус, шасси ходили ходуном, того и гляди оторвутся. Джойс на заднем сиденье подбрасывало и качало, только что не колотило головой о дверную раму. И только за Шаафатом[62] дорога вновь стала ровной, мотор уже не ревел, а тихонько урчал — они были уже километрах в десяти от Иерусалима по дороге в Рамаллах, когда Джойс поняла, что едут они не в пустыню, а, напротив,

[62] Примечания: 62

Шаафат — арабская деревня во времена подмандатной Палестины, сейчас — арабский район на северо-востоке Иерусалима.

удаляются от нее.

Наклонилась к водителю. За рулем был все тот же Арон, которые вез ее домой из отеля «Алленби» после первого ужина с Фрумкиным.

— Куда мы едем? Что за маршрут?

Арон чуть сбавил скорость.

— На север: Наблус, Дженин, Назарет, Хайфа. Мистер Фрумкин нас там встретит.

— Я так поняла, что мы встретимся возле Беэр-Шевы…

— В Хайфе, — лаконично ответил Арон, как будто, что там поняла или не поняла Джойс — не имело ни малейшего значения.

Джойс уселась поудобнее.

— У вас есть что-нибудь попить? — спросила она.

— Можно сделать остановку в ближайшей деревне.

Арон заехал во двор возле развалин какой-то старинной церкви. Вышел и скрылся в крошечной лавке, у входа в которую под рваным парусиновым навесом стояли в ряд ящики с огурцами. Джойс проводила его взглядом, потом решила поближе посмотреть на руины. У входа в церквушку торчала на палке дощечка-указатель, под слоем пыли с трудом можно было разобрать

слова: «Здесь, на обратном пути из Иерусалима, родители маленького Иисуса тосковали по нему, думая, что он потерялся». Эта неожиданно трогательная надпись поразила Джойс, навеяв грустные мысли. Ее родная мать, похоже, никого кроме себя не замечала, а отец, хоть и заботился о ней в раннем детстве, предпочел поскорее сбыть ее с рук и отправил в колледж. Понятно, у него были интересы и помимо семьи. Интересно, кто-нибудь на свете хоть раз «тосковал» по ней? Роберт Кирш — само собой, бедный щеночек, но точно не Марк. Он ее любил, в этом сомнений не было, но по-настоящему его удручали лишь провальные выставки или ненаписанные картины. Отсутствие Джойс — когда она уезжала к друзьям на выходные или в Америку навестить мать, — он замечал не больше чем перемену погоды за окном мастерской: ну, свет чуть потускнел и надо чуть изменить цветовую гамму, не более того. Джойс усмехнулась: вот еще, жалеть себя вздумала — эту презренную слабость она вытравила много лет назад. Еврейки на рабочих фермах уж точно себя не жалеют. Джойс вспомнила женщину, свою ровесницу, которую видела в порту Хайфы: коротко стриженная, примерно ее возраста, в платье прямого покроя с кожаным

ремнем и в простых сандалиях, она лихо орудовала лопатой, забрасывая уголь в мешки. Впервые она увидела настоящий труд в Палестине — все, о чем говорилось в Лондоне, вдруг предстало живой картиной, — и это было восхитительно. Реакция Марка оказалась более сдержанной. Наверно, подумала она, ему неловко, что женщины так вкалывают.

Из магазина вышел Арон с пачкой сигарет и коробкой спичек. Предложил Джойс сигаретку. Она закурила, жадно вдыхая едкий дым. У Арона, заметила она, пальцы желтые от никотина.

— Под горой есть источник, — сказал он. — Там наполним бутылку.

Вода была прохладной и приятной на вкус. Джойс плеснула немного на пальцы и провела, как наносят духи, по запястьям и за ушами.

Минут через пять они оказались в узкой долине. Арон, продолжая рулить одной рукой, указал направо:

— Зимой тут пруд.

Джойс разглядывала ландшафт. И вдруг, среди ближневосточной жары, вспомнила нью-йоркский каток и свое черное вельветовое платьице с алой бархатной подкладкой, раструбами на рукавах и фестонами по подолу — отцовский

подарок ко дню рождения. Она, восьмилетняя, нарезала круги по пруду Риджли, и алый бархат вспыхивал в сером декабрьском свете.

— После дождей здесь скапливается вода, — продолжал Арон.

Они преодолели выжженный горный хребет — и вдруг стало видно все, как на ладони, до самого Средиземного моря, поблескивавшего серо-голубой полоской на горизонте. Арон, поглядывая в зеркало, сбавил скорость, чтобы Джойс полюбовалась видом, но тут их нагнал тарахтящий грузовик и попытался объехать. Арабы-рабочие в кузове улыбались и приветственно махали Джойс, Арон еще сбавил скорость, не желал уступать. Шофер грузовика нажал на гудок, жестами показывая, что хочет проехать. Арон еще замедлил ход, машина еле ползла. Шофер грузовика все сигналил, а его пассажиры кричали, размахивая лопатами и мотыгами.

Джойс тронула Арона за плечо.

— Хватит, — сказала она, — это просто смешно.

Он пожал плечами:

— Подождут. Поверьте мне, им некуда спешить, во всяком случае ничего важного у них быть не может.

Но все же нажал на газ и прибавил скорость.

Под Наблусом из-за лопнувшей шины они застряли на три часа. Пока Арон договаривался с механиками в ближайшем гараже, Джойс коротала время в маленьком кафе, попивая мятный чай. В обоих заведениях на самом видном месте висели фотопортреты Хадж-Амина аль-Хусейни — верховного муфтия Иерусалима, и там и там он смотрел сурово. Выкрашенные зеленой краской трещиноватые стены кафе украшала еще и роспись — панорама Старого города с непомерно большими мечетями, занимающими чуть не все пространство внутри его стен. А евреев в нем как будто и не было. Каждая из сторон, подумала Джойс, делает вид, что другой не было и нет. Если строго по численности, то, может, у арабов больше на это прав, чем у евреев, и все же, хоть евреи и в меньшинстве — Джойс не сомневалась, что Палестина, по крайней мере ее большая часть, принадлежит им. Как она пришла к этой мысли? Сидя за деревянным столиком с чашкой дымящегося чая, вдыхая аромат листьев «нана», Джойс вдруг с пугающей ясностью поняла, что, возможно, в Лондоне ее завораживала не только практическая часть сионистской мечты — пасторальная, социалистическая, утопичная, — которую так трогательно препод-

носили горячей, жаждущей перемен публике в Тойнби-Холле, — ее манила надежда на то, что когда-нибудь в отдаленном будущем эта мечта поможет покончить с одиночеством евреев. А в то время, из-за ее отношений с Марком, это единственное, к чему она стремилась всем сердцем. Так, может, ее увлеченность сионизмом — сугубо личного свойства? Нелепая мечта изменить Марка, изменив мир? В последний год, с тех пор как муж охладел к ней, сионизм, похоже, стал ее единственной надеждой и святыней. Марк не подозревал, на скольких она побывала собраниях, он понятия не имел о людях, чьи имена она шептала украдкой, а фамилии Арлозоров[63] или Бубер[64] стали для нее такими же привычными, как Сезанн или Ван Гог. И когда она зимними вечерами под дождем спешила на Фордуич-роуд якобы в театр или на концерт, он подозревал, наверно, что у нее тайный любовник. В каком-то смысле так и было, но только, разумеется, делала она это ради него. Однако мечты ее были обре-

[63] Примечания: 63

Хаим Арлозоров (1899–1933) — один из руководителей сионистского рабочего движения.

[64] Примечания: 64

Мартин Бубер (1878–1965) — философ, религиозный мыслитель, теоретик сионизма.

чены. Вейцман и его еврейское государство не вызывали у Блумберга ничего, кроме насмешки, именно поэтому она не посвящала его до конца в свои дела. Хотя он, еврей среди англичан, тоже натерпелся. Но в своем отщепенстве он, похоже, черпал силы для творчества. И больше всего на свете боялся лишиться этой опоры.

В Хайфу они приехали затемно. Возле порта смутно проступали квадраты пакгаузов на берегу, сплотившихся точно заговорщики. Воздух здесь был влажный, солоноватый: у Джойс было ощущение, как будто руки, ноги и лицо покрыты тонким слоем жира и соли. Волосы на затылке Арона блестели от пота. Шелудивый пес сунулся наперерез, выхваченный из темноты светом фар. Арон затормозил, пропуская его, потом заехал в переулок и заглушил мотор. Море было где-то совсем рядом, Джойс слышала, как волны бьются о причал. Арон вышел, открыл пассажирскую дверцу. Ноги у Джойс были как ватные, но она встала и пошла следом за ним. Метров через сто он вдруг нырнул в узкий проход, невидимый с того места, где они оставили машину. Подошел к железной дверце, порог которой находился в полуметре от земли — если бы не дверь, эта кирпичная стена ничем не отличалась бы от соседних. Постучал

два раза. Лязгнула щеколда. Выглянул Фрумкин — в слабом свете луны, затянутой облаками, его лицо белело смутным пятном. Увидев Джойс, он улыбнулся и протянул ей руку, помогая перешагнуть через порог.

— Я знал, что вы приедете, — сказал он.

— А я — в отличие от вас — этого не знала, — ответила Джойс.

Фрумкин зажег керосиновые лампы, и она увидела, что стоит посреди складского помещения, загроможденного рядами плоских деревянных ящиков с надписью: «Собственность кинокорпорации „Метрополис“». А у дальней стены — штабеля коробок поменьше размером, с трафаретной надписью на иврите по бокам.

Фрумкин жестом указал на коробки:

— Это вам предстоит развозить. Реквизит. А вот список актеров, которым все это нужно доставить.

Джойс взяла у него листок бумаги. Пробежалась глазами по аккуратному списку фамилий и адресов.

— А что в ящиках?

Фрумкин посмотрел на нее изучающим взглядом.

— Вы говорили, что хотите помочь, так? Ска-

зали: «Чем только смогу». Ведь вы именно так сказали? Я думал, вы понимаете.

— Я правда хочу помочь.

— Чем только сможете. Верно?

Джойс почувствовала, что ее пробирает дрожь.

Фрумкин подошел к одному ящику, поднял крышку. Джойс застыла. Фрумкин заговорил — быстро и деловито:

— Вы будете развозить это по частям. По нескольку ящиков за раз. Но не на той машине, на которой приехали. Я не хочу, чтобы вас снова видели с Ароном. Если кто-нибудь спросит — а я уверен, вы знаете того, кто непременно спросит, если до вас доберется, — я оставил вам старый драндулет, потому что вы помогаете корпорации завершить съемки. Кирш, если он вас найдет, — хотя вряд ли, — не поверит в эту чушь. Ну а если все же найдет, подумает, что я просто решил произвести на вас впечатление своим богатством и щедростью — очевидно потому, что хочу заманить вас в постель. И отлично, пусть так и думает. Не разубеждайте его и старайтесь не приезжать сюда в Хайфу чаще, чем раз в десять дней или около того. Если вам шести недель хватит на то, чтобы все развезти — нормально. Мы подождем. С патронами проще. Берите как минимум по две

коробки на каждый ящик.

Джойс, не отрываясь, смотрела на винтовки.

— Но Лео ничего не говорил о винтовках.

— Лео? Кто такой Лео?

Джойс посмотрела на Фрумкина. Тени от мерцающих ламп плясали над его головой. От внезапного прозрения Джойс стало страшно, ее била дрожь.

— Лео Кон. Из Лондона.

Фрумкин скорчил пренебрежительную гримасу:

— Не знаю никакого Лео Кона.

— Он говорил, учить детей. Что я буду учительницей. — Она объясняла это скорее самой себе, а не Фрумкину.

— Слушайте, вы уже в деле, и назад пути нет.

Джойс в отчаянии озиралась кругом. Сердце бешено стучало. Здесь и речи не было о садах, которые надо сажать, ни о несчастных детях, которым надо петь песенки. Несчастным ребенком тут была она сама.

Фрумкин продолжал — тихо, повелительно:

— Прежде чем выехать из Иерусалима, позвоните «Братьям Шако», это туристическая фирма в Хайфе. По номеру 240. Брат Арона, Мотти, там за директора. Он встретит вас и поможет разгру-

зиться. Начать доставку можно прямо сейчас.

— Ночью? — Джойс слушала свой голос и не верила своим ушам.

— Иначе зачем вас сюда привезли?

— Но я даже не представляю, где я, — с запинкой произнесла она. — Я здесь ни разу не водила машину.

Фрумкин тронул ее за плечо:

— Надеюсь, вы шутите?

— Нет, я серьезно.

— Неужели вы думаете, что мы не позаботились об этом? Мы для вас предельно все упростили. Все, что от вас потребуется, — следовать некоторое время за нужной машиной, потом свернуть и сделать несколько доставок по-быстрому. Первая будет в Рамле, по дороге из Яффы в Иерусалим. Потом поедете следом за другой машиной, а когда все будет сделано — назад в Яффу. У вас будет все необходимое: деньги, одежда, еда. В Иерусалим возвращаться не следует. Во всяком случае до тех пор, пока наш человек не скажет вам, что можно.

— А если меня будут искать?

— Мы сняли для вас жилье. Никто вас не найдет. А упаковка студийного реквизита занимает больше времени, чем мы рассчитывали. Поняли?

Воздух в помещении слегка отдавал плесенью. Желтый свет керосиновых ламп взвихрился вдруг, замигал зеленым и черным. Джойс казалось, она тонет.

— Мне душно, — проговорила она.

Фрумкин встал в полный рост и сделал глубокий вдох, словно подчеркивая ее уязвимость. Продюсер фильмов, руководитель операций — он упивался своим величием.

— Приступим к делу, — сказал он. — Вот, наденьте это.

И вручил ей кудрявый каштановый парик — из тех, что носят палестинские правоверные еврейки. Джойс надвинула его на лоб слишком низко, как обычно надевала шерстяную шапку в лондонские или нью-йоркские холода. Фрумкин быстро шагнул к ней, поправил.

Потом она оказалась на улице: воздух был просоленным, а звезды кружили над головой, как обезумевшие чайки. Она постаралась взять себя в руки и села за руль машины Фрумкина. В багажник быстро загрузили ящики, Джойс и опомниться не успела, как Арон на передней машине, трогаясь с места, махнул ей рукой из окна: поехали! Она включила зажигание и выжала сцепление, но лишь со второго раза мотор

завелся, и машина медленно покатила вперед.

Через несколько часов, в первые минуты мутного и влажного средиземноморского рассвета, когда ночь и день еще слиты в серо-черном облачном пейзаже, Джойс въехала под навес из гофрированного железа, притулившийся у ветхого домишки. В голове теснились образы и запахи сегодняшней ночи: двое мужчин, угрюмо кивнувших ей в знак приветствия, бросив лишь пару слов, — оба в косоворотках, какие носят русские, но в арабских куфиях для отвода глаз; темные закоулки, по которым она колесила, один невзрачнее другого; вонь из сточной канавы возле выгребной ямы, которую ей помог объехать угрюмый мальчишка; люди, появлявшиеся из ниоткуда, чтобы выгрузить из багажника ящики и коробки с патронами — их они запихивали сперва в жестянки с надписью «Печенье социальное», а затем укладывали на дно плетеных корзин с крепкими ручками и прикрывали сверху горками свежих овощей; рогатины, прислоненные к стволу пальмы и казавшиеся при луне черным распятием, и наконец, в последнем из мест, куда она заезжала, — хлипкая пристройка позади амбара, где ее внезапно захлестнул запах жимолости, словно подтверждая новообретенную

надежду: да, и жестокость может быть во благо.

Джойс вошла в дом и, обессиленная, бросилась, не раздеваясь, на узкую длинную кушетку с тонким простым матрасом — ближайшее, что было там из мебели. Что бы сказал Марк, узнай он, чем она занимается? Возможно, то же, что говорил о ее живописи: безнадежный дилетантизм. А сама она как считает? Трудно сказать. В глубине души — этакий еретический голосок — она чувствовала, что предала себя. Слишком велика пропасть между тем, как она живет, и тем, как, по ее представлениям, надо жить: сперва горький разговор с Марком на смятой постели, а потом — шаг во тьму, где она с удивлением обнаружила, что готова выполнять черную работу для поборников великой идеи. Но, может, на самом деле ей хотелось чего-то совсем простого: любви, мира, покоя?

Джойс чуть приподнялась — только чтобы стянуть с себя одежду, да так и заснула, голая, на кушетке, в час, когда птицы за окном начали подавать первые голоса.

Август

28

По утрам Сауд устанавливал навес из выцветшей парусины там, где Блумберг собирался работать. Навес они купили у человека, возвращавшегося в Амман из Мекки. Путешественники — паломники и туристы — появлялись здесь чуть не каждый день. Компания братьев Хабобо, в распоряжении которой были и машины, и верблюды, раз в неделю привозила кого-нибудь из Иерусалима и Хайфы, и Сауд на деньги Блумберга закупал у шоферов табак, иголки — прочищать лампу — и мыло. Блумберг мог бы послать весточку Россу в любой момент, но не делал этого. Вообще-то его покровитель дважды, в очень вежливых тонах, напоминал о себе, но Блумберг решил не отвечать. Чего доброго, пошлет очередного бедуина «спасать его», а этого Блумбергу совсем не хотелось, и, что куда важнее, ему нужно было хорошенько подумать, что делать в связи с убийством: безопасный выход для парня — если не принимать в расчет нынешнюю ситуацию — пока не вырисовывался.

Вначале Блумберг работал на приличном удалении от скалы, такое расстояние было необходимо

для «точного воспроизведения архитектурных деталей», о чем просил Росс. Но, когда он делал наброски таким образом, массивные храмы и обширный Некрополь получались маленькими и невыразительными. Теперь, по прошествии месяца, эффект от картины был обратный: храм Изиды, амфитеатр и пиршественный зал утратили очертания и стали почти неразличимы на фоне розовых скал, в которых были вырублены.

Блумберг писал картину в пурпурных, розовых, красных и коричневых тонах. Сауд помог ему натянуть огромный холст, и он работал широкими, экспрессивными мазками, размашисто водя по холсту щедро нагруженной кистью, не думая ни о чем и в то же время сосредоточенно. Десять дней он работал ночами и ранним утром, а днем отсыпался — Сауд будил его к ужину. Но затем решил изменить распорядок. Теперь он с утра взбирался на скалы по выбитым в камне тропам, по которым два тысячелетия назад набатеи поднимались к местам жертвоприношений. Блумберг гладил грубо отесанные фасады древних строений, ощущение было приятное. Когда он стоял, как Самсон, раскинув руки, меж двух колонн, или прижимал ладонь к бело-розовой скальной стенке, словно желая оставить отпе-

чаток, — он замечал, что Сауд наблюдает за ним с удивлением. Потом вдруг, несмотря на возражения Сауда, начал работать в самые палящие часы. Надевал широкополую шляпу, но все равно было невыносимо жарко, и несколько раз он был близок к обмороку. Именно этого он и добивался: возникало ощущение, будто стоишь на краю пропасти, отделенный от всего мира слепящим светом, лишь кровь стучит в висках. В такое время дня он мог работать лишь час-два, не больше. Была еще и чисто техническая проблема: краски на жаре слишком быстро сохли, а он предпочитал писать по влажному слою. Но он не жалел о потраченном времени: по крайней мере это давало ощущение полнейшей оторванности от мира: он чувствовал, что может наконец быть предельно честным в искусстве, к чему он тщетно стремился еще со студенческих лет в Слейде. Порой ветер осыпал холст дождем песчинок, но он не расстраивался, а просто втирал их в краску. Несколько раз он снимал холст с мольберта и укладывал на земле, а потом ползал по нему на четвереньках, спиной к скалам, хотя они и были главным объектом произведения. Склонившись над влажным холстом, весь в поту и заляпанный краской, Блумберг словно переносился в другое

измерение: давящая тоска, не отпускавшая его вот уже больше года, исчезла — или по крайней мере затаилась. Здесь, после нескольких недель под испепеляющим солнцем пустыни, он забыл о прошлом.

Картина была почти закончена. Он вложил в нее всю свою душу, и, как он считал, это первая его сколько-нибудь значительная работа из всех, написанных в Палестине. Он знал: все идет хорошо, потому что потерял счет дням и потому, что по возможности избегал контактов с людьми. Время от времени какой-нибудь турист, чаще всего британец, отклонялся от маршрута и забирался на вершину скалы, где работал Блумберг, и замирал в почтительном отдалении, как Росс на иерусалимской крыше. Только один из них, выдержав суровый взгляд Блумберга, попытался завязать с ним беседу, но Блумберг велел ему проваливать подобру-поздорову. Единственным его собеседником здесь был Сауд. О чем они говорили? Да в общем ни о чем, о простых повседневных делах, и Блумберга даже радовала рутина: он был еще не готов строить планы на будущее, да и парень тоже. Они были как пожилые супруги, которым нечего больше сказать друг другу, кроме как: «А что сегодня на ужин?»

В то утро — он находился в Петре, наверное, месяца два, потому что когда он попал сюда, было полнолуние, потом еще раз он видел полную луну, и сейчас она почти скруглила бока, — в то утро Блумберг собирался с помощью Сауда натянуть навес и добавить к картине последние штрихи, но, когда вернулся с обычной своей прогулки по руинам, Сауда нигде не было видно. А вместо него в палатке Блумберг обнаружил двух посетителей.

Молодой человек, в белом помятом костюме с четкими пятнами пота под мышками, встал и представил себя и свою спутницу. Низкий потолок палатки не позволял ему встать в полный рост — копна черный кудрей упиралась в парусину.

— Я Майкл Корк, с вашего позволения, а это моя жена Сара. Простите, но мы не утерпели и вторглись без разрешения. Видите ли, тут невероятное стечение обстоятельств. Мы путешествуем сейчас, хотя в довольно странных обстоятельствах, не буду вдаваться в подробности. Вероятно, вы не знаете, но вы, как бы это выразиться, местная достопримечательность. Все проводники о вас говорят. А мы вроде как ваши поклонники, более того, мы, в общем благодаря Саре, еще и вла-

дельцы. У нас есть картина Блумберга. Купили в прошлом году, как вернулись из Германии, из последней поездки, погуляли по Черному лесу, потом три ночи в Гейдельберге. Счастливое время. Медовый месяц вообще-то. Ой, извините! Так или иначе, вы работаете. То есть, хочу сказать, работаете прямо здесь. Вы даже не представляете, как мы обрадовались.

Блумберг слушал, но слова кружили вокруг, как рой пчел. В пустыне он привык к тишине, и легкая непринужденная английская болтовня, где фразы вихляют и дергаются, как лондонский автобус, звучала чуждо, как иностранная речь.

— «Баржи на канале». Сара с первого взгляда влюбилась. Она в детстве жила возле шлюзов Шлюзы Иффли в Оксфордшире. Может, случайно бывали? Там прямо за мостом паб есть, «Зеленый человек» называется. Так или иначе, у нас был выбор: или мебель для новой квартиры, или ваша картина, и с гордостью признаюсь, мы приняли верное решение. Боже, да она готова была с пола есть, лишь бы стать обладательницей вашей работы! Ой, что это я, — смутился он, — лучше я помолчу, пусть Сара сама за себя скажет.

Он покраснел и обернулся к жене, сидевшей на подстилке, скрестив ноги. Теперь она встала и с

широкой улыбкой протянула Блумбергу руку.

— Сара Корк. Для меня большая честь — познакомиться с вами.

Блумберг вытер ладони о рубашку. Молодую женщину красавицей нельзя было назвать, во всяком случае в общепринятом смысле этого слова: нос длинноват, губы слишком тонкие, — но у нее было открытое и по-своему привлекательное лицо. Каштановые волосы до плеч, а глазах сдержанная грусть, и это ему сразу понравилось. А может, мелькнула мысль, ему в ней все нравится просто потому, что она купила одну из его картин?

Повисло неловкое молчание — пресловутый лондонский автобус встал на красный свет, — а затем Блумберг, вспомнив манеры далекой страны, спросил:

— Могу я предложить вам что-нибудь? Чаю? Кофе?

Каждое утро Сауд собирал хворост и разводил крошечный костер в нескольких шагах от палатки. И варил кофе, держа над огнем закопченный до черноты ковшик с длинной медной ручкой. На обратном пути Блумберг заметил привычный огонек, так что Сауд, вероятно, не ушел далеко, но Блумберг и не собирался его звать. Любой путе-

шественник представлял собой потенциальную угрозу. Кроме того, Сауд — помощник, а не слуга.

— От чая не откажусь, — сказала Сара с энтузиазмом. Словно мяч отбила на теннисном турнире.

Блумберг вышел из палатки.

И стал греть над огнем воду. Когда вода закипела, наполнил две потрескавшиеся фарфоровые цветастые чашки (Сауд выклянчил их у голландских туристов — ручки были отколоты) и бросил туда листьев «нана».

Принес дымящийся мятный чай своим гостям.

— А вы не составите нам компанию? — спросила Сара.

— Я не хочу пить, — ответил он. Не хотел признаваться, что чашек всего две, хотя, казалось бы, чего тут стыдиться?

Блумберг достал пачку сигарет из кармана блузы и предложил было Майклу, но Сара первая потянулась, и Блумберг вручил пачку ей.

— Надолго вы еще здесь задержитесь?

— Сам не знаю. Не раньше, чем закончу работу, я думаю.

Опять последовала неловкая пауза — затянись она чуть дольше, все трое могли бы уже вообще ни о чем не говорить и благопристойно помал-

кивать, но внезапно тишину прорезал далекий автомобильный выхлоп, резкий, похожий на выстрел. Этот звук эхом раскатился по пустыне и подстегнул беседу.

— А вы сюда надолго? — поинтересовался Блумберг. — Вы, кажется, упомянули про «странные обстоятельства».

Майкл Корк посмотрел на жену.

— Мы приехали в Иерусалим шесть с половиной недель назад, потому что в моего двоюродного брата стреляли, — сказала Сара. — Он полицейский. Бобби Кирш. Мои дядя и тетя должны были приехать, но им, боюсь, это уже не под силу.

Блумберг даже бровью не повел, хотя от этих слов его будто током ударило. Уставился в пол и принялся зачем-то разглаживать складочки на зеленой подстилке.

— Насмерть?

— Нет, слава Богу. Ранили в руку. Но пуля не самое страшное. Он был на мотоцикле и попал в аварию.

Блумберг посмотрел на Сару. Она не отвела глаз. Ему показалось, он заметил в ее взгляде нечто помимо восхищения его талантом, о чем она еще раньше дала понять, но не был до конца уверен.

— Его покалечило, — договорила она.

— Бобби сам нас услал подальше, — включился ее муж, видимо опасаясь, что Блумберг подумает, будто они бросили больного на произвол судьбы. — То есть, хочу сказать, на самом деле Сара каждый день ходила в больницу. Она заботливая. Но он нас услал, говорит, Сара заслужила отпуск и ему опостылели наши печальные лица. К тому же он идет на поправку, хотя еще пару недель придется посидеть в инвалидном кресле.

Образ Кирша для Блумберга никак не вязался с инвалидным креслом. В голове не укладывалось. Не такой участи желал он для любовника своей жены — даже и представить не мог ничего подобного, когда покидал Иерусалим.

— У вашего брата, наверно, много посетителей?

Блумберг знал, что вопрос его звучит странно, и не удивился, увидев, что Корки недоуменно переглянулись.

— Ну, — начала Сара медленно, — сэр Джеральд Росс его навещает, он очень внимательный. Приезжает в больницу по три-четыре раза в неделю, а сестры говорят, что в начале, когда Бобби только привезли, бывал и вовсе каждый день.

— А, сэр Джеральд. На него можно положиться.

— Вот как, так вы с ним знакомы?

— Знаком? Я здесь именно из-за него. И все вещи, которые вы видите вокруг, в том числе и эта славная палатка, — всем этим я обязан сэру Джеральду. Он, извините за выражение, мой меценат.

— Так вы должны знать Сариного двоюродного брата! — с жаром продолжал Майкл, словно не заметив иронии Блумберга. — Бобби худой, как щепка, и волосы светлые, но в остальном очень похож на мою жену.

— Неправда, — поправила его Сара. — Бобби куда красивее меня.

Майкл Корк опять смутился, но тотчас парировал:

— Не говори ерунды, Сара.

Блумберг невольно им восхищался. Мистер Корк явно пытался бороться с двумя сильными противниками — застенчивостью и английской сдержанностью — во имя любви.

— Да, — ответил Блумберг, обращаясь к Саре. — Я знаком с вашим родственником. Он расследовал убийство, в котором я сыграл странную роль. Поплясал в обнимку с трупом.

— Боже мой, так это были вы! Как удивительно. Но Бобби не упоминал вашего имени. Кажется, он просто сказал: «местная британская пара». Он

сильно изменился. Не знаю, насколько хорошо вы знакомы, но в последнее время он почти все время молчит. Ужасно переживает, конечно. Если бы вы видели его ногу, вы бы поняли почему: она вдвое тоньше прежнего, как будто срезали половину.

— Соболезную.

Воздух в палатке словно застыл. Майкл Корк снял пиджак: пятна пота на его рубашке в точности повторяли разводы на пиджаке. Сара, наряд которой — длинная просторная хлопчатая юбка и тонкая кремовая блуза — казался более подходящим для здешних мест, отерла пот со лба и закатала рукава.

— Уже известно, кто стрелял в Роберта Кирша? — продолжал Блумберг.

— Никто ничего не знает, — ответил Майкл Корк, — но город сейчас как пороховая бочка. Все так говорят. Слухи ходят разные. Мы встретили в гостиничном баре парня, он когда-то работал с Бобби, и он говорит, что в Иерусалиме ни с того ни с сего появилось много оружия. Никто не знает, откуда оно берется и у кого конкретно имеется, но оно есть. И вы, наверно, слышали про бунт.

— Какой бунт?

— Три недели назад, возле Стены Плача. Так вы

не слышали про это?

— К счастью, нет.

— Началось все, вы не поверите, из-за футбольного мяча, по ошибке залетевшего не туда в деревне под Иерусалимом. Еврейский мальчик закинул его на грядку с помидорами во дворе арабской семьи. Девочка схватила мяч и спрятала в куче белья, отложенного для стирки. Когда мальчик пришел за мячом, та подняла крик. И тут выходит с кочергой отец, а может брат, и проламывает мальчику череп. Конечно, в этих местах, сами знаете, око за око, так что через пару часов арабского парнишку на улице бьют по голове чем-то тяжелым Новость быстро разносится по городу, и к вечеру все идут выяснять отношения к Стене Плача. Хорошо, что Бобби был уже в госпитале, потому что районный комиссар послал десять человек в стальных шлемах разнимать толпу в четыре сотни обезумевших евреев и арабов, и только одному полицейскому удалось выйти оттуда целым и невредимым.

Сара Корк послала мужу выразительный взгляд.

— Извиняюсь, — сказал он, — наговорил всяких глупостей. Я и родился первого апреля, в День дурака. Не знаю, как Сара меня терпит. Конечно,

плохо, что Бобби там не было.

— Послушайте, — сказал Блумберг, — мне надо работать. Но может, вы составите мне компанию вечером, поужинаем? Или вам пора двигаться дальше?

— Пока нет, — ответила Сара. — Три дня здесь, потом одна ночь в Аль-Акабе, потом Санта-Катерина, а конечный пункт — Каир. Но почему бы вам не навестить нас сегодня? При нашей группе есть повар, он восхитительно готовит, и провизии у нас полно.

— Спасибо, но нет, — ответил Блумберг.

Сара загасила окурок о подошву ботинка, сразу же потянулась за пачкой «Плеерс» и закурила следующую.

— Как странно, — добавила она, — что я сижу рядом со своим самым любимым художником.

Ее муж с улыбкой заметил:

— Ой, Сара, ты говоришь совсем как американка.

— Моя жена американка, — сказал Блумберг.

Майкл Корк опять зарделся как маков цвет.

— Может, вы виделись с ней в Иерусалиме. Ее зовут Джойс. И она знает вашего двоюродного брата лучше, чем я. Они даже сдружились во время расследования.

Супруги Корк переглянулись, но ничего не сказали.

— Боюсь, что нет, — ответила Сара, и опять у Блумберга мелькнуло подозрение, может и совершенно напрасное, что ей известно куда больше, чем кажется.

Закончена ли картина? Он уже давно решил было: все — хватит, но по утрам картина словно смеялась над творцом, возомнившим, что можно остановиться. Так когда же конец? Он работал без какого-либо плана, не разбивая на этапы. Когда будет готово, он это почует, почувствует кончиками пальцев, и, как всегда почему-то, последние мазки кисти приходятся на верхний правый угол, иногда спустя несколько часов или дней после первых «завершающих» мазков. Он изобразил скалы, если это скалы, а не тупики, куда зашла его собственная мысль, в розовых и голубых тонах, но теперь понял, что справа вверху нужно добавить коричневого. Иначе получится скучно. Но коричневый в том месте, куда он хотел его добавить, может привести к полному пересмотру композиции, придется начинать заново. От того, что Росс просил, ничего не осталось: ни конических колонн, ни храма Изиды, ни алтаря, ни двора с бассейном, — была только дорога к

жертвеннику и местность, его окружающая.

Блумберг работал на дикой жаре, а тем временем красный диск солнца поднимался все выше, продираясь сквозь сверкающую атмосферу и подкрашивая бесподобные оттенки песчаника, пересекал непроходимое ущелье, скрывался за могучими утесами, а потом появлялся вновь, чтобы заполнить собой клочки синего неба высоко наверху. Эффект от подобного опыта, по мысли Блумберга, должен быть стойкий.

Он писал три часа кряду, пока кисть не начала выскальзывать из потных усталых пальцев, тогда он пошел в палатку. В какой-то момент днем, когда он спал, вернулся Сауд. Блумберг не заметил бы этого, если бы не бродячий верблюд, сунувший нос в палатку в поисках съестного. Сауд шуганул его, и Блумберг проснулся. Стянул через голову рубашку. Его торс, хоть и мускулистый, был почти такой же тощий, как у мальчика, только у Блумберга седые волосы крестом на груди. Он отер рубашкой потное лицо, потом скатал ее в комок и швырнул в угол палатки.

— Я должен вернуться в Иерусалим, — сказал он. — Картина закончена. Надо ее отвезти.

Сауд обхватил руками колени. В глазах обреченность, как у зверя, глядящего из-за прутьев

клетки.

— Нос тобой все будет хорошо. Я нашел людей, которые, как я думаю, смогут позаботиться о тебе, по крайней мере на первых порах. А это значит, ты поедешь с ними.

— А потом что?

— Ну, когда все в конце концов разъяснится, надеюсь, вернешься домой в Иерусалим. Может, мне даже удастся это ускорить. В любом случае постараюсь.

— Сионисты убили Яакова, они и меня прикончат, а если вы вмешаетесь, убьют и вас тоже.

С тех пор как Сауд открылся Блумбергу, никто из них больше не упоминал об убийстве. Но у Блумберга почему-то возникло такое чувство, вероятно потому, что сам думал об этом слишком много, что они возвращаются к прерванному разговору.

— Тебя не найдут, а за меня не волнуйся, к сожалению, я неуничтожим. Даже в более удачных для этого обстоятельствах ни немцам, ни моим собственным командирам не удалось меня прикончить. Но послушай, ты не знаешь кого-нибудь в Каире? Может, семью какую? Хоть кого-нибудь?

Парень покачал головой.

— Почему в Каире?

— Туда направляются эти люди. Все хорошо, им можно доверять.

— А что вы скажете губернатору?

— Что я возвращаюсь в Петру. Что ты еще здесь.

Сауд закрыл глаза, прижал их пальцами.

— Тогда повидайте мою маму, — сказал он.

— Хорошо. Обещаю, — ответил Блумберг.

Мальчик на час, как говорил о Сауде Рахман, или развитый не по годам эфеб Де Гроота? В любом случае это не важно. Проститутка он, поэт, или и то и другое — Блумберг был абсолютно уверен в одном: к убийству Сауд не причастен. И помимо слов самого мальчика, у него была вещественная улика — серебряная пуговица с королевской короной, сорванная Де Гроотом с одежды нападавшего. Хотя, конечно, это никого ни в чем не убедит.

— Знаешь что… — Блумберг потянулся за шляпой, достал из-под ленты все, что оставалось от денег Росса, и принялся пересчитывать. — Если план сработает, а он должен сработать, я отдам тебе всю сумму, только оставлю себе немного на дорогу до Иерусалима, ну и на пару рюмок в городе. Британские фунты в Египте тоже в ходу,

как и здесь. По крайней мере на три месяца тебе хватит. Пришлешь мне свой адрес, и, когда придет время, я сам за тобой приеду. А кстати, забирай деньги сразу!

Сауд протянул руку за банкнотами, потом встал, подошел к Блумбергу и поцеловал его в лоб.

Вечером нагрянули супруги Корк — неожиданно, подумал Блумберг, хоть он сам их приглашал. Днем они осматривали гору Зибб-Атуф, где самые древние гробницы Петры, и закончили экскурсию севернее возле гробницы правителя: это место было Блумбергу хорошо знакомо, потому что мавзолей, украшенный четырьмя гигантскими колоннами, с виду напоминал храм, как будто смерть — самое прекрасное из всех земных событий.

Они втроем уселись возле палатки. Блумберг открыл бутылку арака и, поскольку чашек не хватало, просто передавал ее по кругу, и все по очереди прикладывались. Ночь была ясная, звезд высыпало такое множество, кто Корки только диву давались.

— Изумительное место! — сказал Майкл.

Блумберг заметил, что супруги за день чуть-чуть обгорели, и покрасневший кончик носа, похоже, доставлял Саре некоторое неудобство.

Она и впрямь была похожа на своего двоюродного брата. Сходство придавали глаза, глубоко посаженные, задумчивые.

Из еды предложить особо было нечего. Блумберг открыл две банки мясных консервов и теперь разогревал их на костре. Еще нашлась свежая лепешка и луковица — для начинки. Блумберг — под тем предлогом, что трапезу надо сдобрить вином, — еще накануне послал Сауда в соседний туристический лагерь на поиски бутылки. В его отсутствие он рассчитывал поговорить с Корками о том, как бы доставить мальчика в Каир. Однако не успел Блумберг и рта раскрыть, Сара Корк, у которой от арака раз вязался язык, или во всяком случае так казалось, завела речь о своем двоюродном брате.

— Кажется, он быстрее бы поправился, — сказала она, — если бы не так грустил.

— Такие ранения вообще тяжело сказываются, — ответил Блумберг.

По всей Европе полным-полно раненых и скорбящих, думал он. Молодые люди, оставшиеся без рук, ног, глаз — и хуже того: мужчины, которым никогда уже не знать близости с женщиной. Блумберг вырвался, потеряв всего лишь палец — причем добровольно. Он видел цепь калек,

что тянется, змеясь, от Лондона до самых окраин и еще дальше, вдоль серых северных городов, вплоть до Шотландии: наполовину ослепшие, наполовину оглохшие, хромые, а теперь вот и Кирш, хоть и спустя несколько лет, угодил в их ряды. Когда заходит речь о физических страданиях, неизбежно думаешь о войне. Вот и Корки, должно быть, о ней сейчас вспомнили. У Блумберга половину друзей выкосила война, Кирш потерял брата. Может, и этот жизнерадостный Майкл Корк тоже пережил утрату?

Но Сара, как скоро понял Блумберг, вовсе не о войне думала. А о чем-то более приземленном и насущном.

— Нет, — сказала она, — это не из-за травмы. А из-за несчастной любви.

Блумберг запнулся, не решаясь задать естественный в данной ситуации вопрос, но в конце концов сдался:

— И кто же она?

— Не знаю, — ответила Сара. — Он не говорит. Он вообще стал очень скрытный. В детстве у него от меня тайн не было. Мы дружили семьями. Я была ему почти как родная сестра.

— Но если я правильно понял, она его не навещала?

И снова супруги переглянулись. Почему Блумберга так интересует, кто посещал Майкла в больнице, было для них загадкой.

— Во всяком случае, нам об этом неизвестно, — сказал Майкл, — но почем знать, кто приходил к нему в палату, пока нас не было?

Блумбергу было хоть и боязно, но интересно поговорить на эту тему, однако время поджимало. Скоро вернется Сауд. И он вкратце обрисовал непростую ситуацию, в которой оказался его помощник: ему срочно нужно в Каир, повидать больного родственника. Не могли бы супруги Корк взять его к себе в группу? Естественно, расходы Блумберг оплатит. Мальчик — идеальный спутник, молчаливый, но если его разговорить — необычайно умен, похоже, знает наизусть сотню английских стихов. У него в Иерусалиме был учитель.

Супруги Корк, как и ожидал Блумберг, оказались людьми добрыми и отзывчивыми. Они обо всем позаботятся. Блумберг может на них положиться целиком и полностью.

Однако где же Джойс? Неужели охладела к бедняжке Бобби Киршу? И почему так быстро? Хоть бы цветочков принесла больному, даже на это ее не хватило, думал Блумберг. Может, это он

во всем виноват? Вытравил из нее все чувства, и ее опустошенное сердце не способно больше любить?

Еще пара глотков арака — и вопросы эти исчезли сами собой. Майкл Корк болтал не умолкая, и Блумберг пытался, насколько был в состоянии, понять по его честному и добродушному пересказу, какова ситуация в Палестине. Не прошло и часа, как Блумберг успел и влюбиться в Сару Корк — и разлюбить ее. К тому времени как вернулся Сауд с двумя бутылками дешевого красного, Блумберг едва шевелил языком, но все же их познакомил. Пьян, не пьян, но он не подведет мальчика. И он собрался с мыслями и изложил свой план. Супруги Корк будут ангелами-хранителями для Сауда по пути в Каир. А что до Блумберга, то он со своей картиной возвращается в Иерусалим.

— Когда увидите Бобби, — сказала Сара, как будто даже сомнений быть не могло, что Блумберг, так интересовавшийся «посетителями», заглянет к ее брату, — передайте ему привет и скажите, что мы скоро вернемся.

Она поднялась, отряхнула с платья песок.

— Как хорошо, что мы встретились! Когда будете в Англии, надеюсь, вы навестите нас. А может, увидимся в Иерусалиме на обратном пути.

Блумберг встал и, покачиваясь, шагнул к ней. Сара не ожидала, что он ее обнимет, но он обнял.

«Баржи на канале»: унылые посудины тянулись, толкаясь, по темной воде. Блумберг, сам не зная зачем, спустился с крутого берега, с альбомом в руке. Снял ботинки и носки и сел на набережной, сунув ноги в прохладную воду.

— И вашу жену, — добавил Майкл Корк. — Надеюсь ее тоже увидеть.

— Да, — ответил Блумберг. — Мою жену.

29

Скоро два месяца как Джойс колесит по округе, развозя ящики, которые выдает ей человек из Хайфы. За это время она не раз видела, правда только при лунном свете, и благоухающие апельсиновые сады Петах-Тиквы, и скученные виноградники Ришон-ле-Циона — ив каждое из этих мест, где растят фрукты и делают вино, доставляла свой смертельный груз: оружие и патроны. Она выучила чуть не наизусть изрезанную береговую линию от Тель-Авива до Яффы, знает и силикатную фабрику первого, где по дюнам бредут верблюды с кирпичами на горбе, и узкую, с пестрыми товарами, базарную улицу второго. На окраинах Яффы, где ее поселили в еврейском квартале в крошечном домике с балконом, она прекрасно знала, в каком месте перейти трамвайную линию и встретиться с посланцем, который передаст дальнейшие указания. Днем она обычно отсыпалась дома, но однажды для разнообразия. чтобы отвлечься от ночной жизни, вышла в город при свете дня и, к своему удивлению, обнаружила, что стены домов, которые запомнились ей лишь как нависающие тени, на

самом деле покрыты яркой цветной штукатуркой — охристо-желтые, небесно-голубые, розовые и даже цвета давленой земляники. В сумерках она вышла на берег и уселась напротив старого заброшенного здания — в его пустых стенах гулко ухал прибой. Смотрела, как местные рыбаки, подоткнув до колен джеллабы, входят в волны и забрасывают сети. У конспираторши выходной, что ж, он прошел отлично. Безумие, конечно, но, как это ни странно, казалось, она нашла наконец свое истинное призвание, потому что в последние недели все ее чувства, обостренные до предела страхом, риском и необходимостью действовать без промедления, давали ей то редкое ощущение полноты жизни, которое она давно пыталась обрести — сначала в танцах, затем в живописи и, наконец, в любви и физической близости. Фрумкин, выбрав ее, наверняка знал, что делает. Он догадался, что ее увлечение сионизмом, пусть даже искреннее, в лучшем случае преходяще. Азарт, порожденный опасностью, — вот что в действительности вечно движет ею.

Она думала о Роберте Кирше. Наверно, он ее разыскивает. Теперь она — его добыча, его цель. Ей не хватало его, его восхищенных взглядов, его пылкости. Ей не хватало его в постели. Но вспо-

минала она о нем — и, как ни странно, о Марке — словно о людях из другого мира. А она перешла в мир недомолвок и слухов. Как-то краем уха она услышала разговор товарищей-конспираторов, что в Иерусалиме бунты, что британские власти в панике и никаких больше вечеринок в саду. Джойс представила колониальные дома без слуг: какая вечеринка в саду без садовника, какой прием без обслуги? Арабские мятежи, как она поняла, пришлись очень кстати: у полиции теперь связаны руки. Она подумала о Роберте и попыталась представить, как он себя повел бы в минуту опасности. Но думала о нем с нежностью, как о ребенке, который участвует в баталиях на школьном дворе, где угрозы скорее воображаемые, чем реальные.

В этот вечер, в убаюкивающем бледном свете августовского солнца, она рано заснула, но около полуночи вдруг пробудилась: кто-то был в ее комнате.

— Спокойно, — сказал Фрумкин. — Это я.

Он сидел в темном углу на краешке стула, который был для него явно мал. Дымил сигаретой, и когда сделал очередную затяжку, кончик ее вспыхнул оранжевым. Джойс, а она спала без одежды, поспешно прикрыла грудь простыней.

— Питер! Вы что, постучать не могли?

Она слышала, что он уехал из страны. Может, действительно уезжал на некоторое время.

Фрумкин подошел и сел рядом с ней на кровать.

— Вы отлично поработали.

— Может, вы выйдете и подождете пять минут. Мне надо одеться. — Она произнесла это вяло и тут же запрезирала себя. Она давно не школьница, ей ли, нарушившей уже столько запретов, жеманиться.

Фрумкин вышел на балкон, оставив застекленную дверь открытой. Она задернула занавеску, зажгла лампу у постели, привернула фитиль и накинула платье.

— Готово! — крикнула она.

— Как нам с вами повезло, — сказал Фрумкин, возвращаясь в комнату. — Каждый второй британский солдат продает оружие арабам. Вы не поверите, как много его таинственным образом исчезает из оружейных. Якобы его теряют. Для британцев это выгодная торговля.

— А я думала, вы в Америке.

— Был там. Кино почти готово к показу. Обречено на успех. Кое-какие проблемы с нашим таможенником в хайфском порту. Понадобились

дополнительные вложения — зарплаты растут. И он не виноват. Но все равно дела не очень. У меня такое ощущение, что еще немного, и с «реквизитом» пора завязывать. Разве что мы уговорим «Метрополис» снять еще один фильм в Иерусалиме, что, конечно, маловероятно, согласитесь.

Он стоял к ней вплотную.

— А на вашем участке есть проблемы?

— Нет, никаких, — ответила она. — От Роберта Кирша ни слуху ни духу.

— Ну, это неудивительно.

— Почему? Я думала, он будет меня разыскивать. Он очень упорный.

Фрумкин быстро глянул на нее. Казалось, его застали врасплох. Она заметила этот взгляд, но не придала ему значения.

— Мятежи. Думаю, наш капитан этим занят.

— Не смейтесь, он хороший человек.

— Вы так считаете?

— Может, не для вас.

— Я не понимаю, как еврей может сражаться на другой стороне баррикад. — Фрумкин откинул волосы со лба.

— Мне кажется, он не так на это смотрит.

— Неужели?

В какое-то мгновение Джойс показалось, что

их судьбы — ее, Питера, Марка, Роберта Кирша — переплелись, как неловко заброшенные рыбацкие сети.

Фрумкин, не дожидаясь ответа, продолжал:

— Послушайте, из-за этой небольшой проблемы в Хайфе придется перейти к плану «Б», и тут мне потребуется ваша помощь. Как я уже говорил, нам нужно, чтобы поставки продолжались, арабы раскупают все, что британцы могут предложить, а наши товарищи считают, что пора и нам подключаться к этому бизнесу.

Джойс взяла у Фрумкина сигарету, закурила. Трудно было поверить, что все это реально. Как будто она в кино, и слова Фрумкина, мельтешащего в кадре, идут белыми титрами в рамочках. Но эта попытка представить все в виде киноленты была лишь еще одним способом примириться с реальностью, также, чтобы подавить страх и муки совести, она сознательно старалась перевести все в банальную плоскость: ни во что не углубляться и медлила, прежде чем перейти улицу.

— Так что от меня требуется?

— Есть такой британский еврей, майор Липман. Он присматривает за оружейным складом в Иерусалиме. Говорят, что, в отличие от вашего приятеля Кирша, он нам симпатизирует — быть

может, больше чем симпатизирует. Если вы не против, я бы хотел, чтобы вы вернулись в Иерусалим и познакомились с ним поближе. В нужный момент вы просто передадите ему необходимые контакты, а дальнейшее мы возьмем на себя. В сравнении с тем, что вы уже сделали, это все равно что прогуляться по парку. Да, и оставьте здесь машину. Мы за ней присмотрим.

Джойс сделала глубокую затяжку. Ее покоробила скрытая непристойность задания. Ее отбрасывают назад в женский мир — мир губной помады и смеха. Это была полная противоположность ее нынешней одинокой ночной жизни. Фрумкин хотел, чтобы она очаровывала, но это вовсе не ее конек. Неделю назад где-то возле Рамле во время последнего задания, когда до места встречи оставалось всего метров сто, она съезжала под уклон по узкой улочке, выключив фары и заглушив мотор, — воздух был напоен ароматом жасмина и жимолости, — и тут ее остановил местный полицейский. Расточая улыбки, она вышла из машины, как будто навеселе: «Была на вечеринке в Яффе… потянулась за сигаретами, отпустила тормоз. Вот идиотка!» Молодой человек сиял как медный пятак, довольный, что беседует с очаровательной женщиной. Он отпустил ее,

ограничившись лишь легким увещеванием. И это был последний случай, когда ей пришлось пускать в ход женские чары при встрече с незнакомцем.

— Так вы согласны?

— Не знаю, — ответила она.

— Черт, — Фрумкин старался сохранять спокойствие, но он весь кипел. — Это не игра. Мы здесь творим историю.

Он произнес это в точности так же, подумала Джойс, как когда-то: «Мы здесь снимаем фильм», обращаясь к актеру на Иерусалимской стене — кажется, это был сам Тит, — который со страху вцепился в зубцы башни и ни в какую не соглашался их отпустить, чтобы помахать руками.

— Вы прекрасно знаете, что здесь происходит, и знаете, что случилось в Яффе три года назад. Кровавая бойня[65]. Полсотни вновь прибывших сходят на берег, пять ночей в общежитии, а потом — теплый прием — ваши соседи пускают в ход ножи, а местная полиция — винтовки. Перестрелку устроили они. Арабские, чтоб им, полицейские. А

---

[65] Примечания: 65

Имеются в виду беспорядки в Яффе 1921 г. Стычка между двумя еврейскими политическими группами во время первомайской демонстрации вылилась в многочисленные нападения арабов на евреев. Местная полиция вынуждена была применить оружие.

парни вроде вашего Кирша считают, что нужно играть по-честному. Представьте, что винтовки имеются не только у арабской полиции, а теперь так оно и есть. Нам тоже нужно вооружаться. Вы это должны понимать. Когда наступит момент, здешние евреи смогут за себя постоять. Поверьте, когда гром грянет, две сотни британских копов не смогут защитить евреев.

— А когда этот момент настанет? Потому что тогда я бы предпочла быть подальше отсюда.

— Не прямо сейчас, но настанет. Вы к этому времени уже сделаете свое дело, за что все вам будут безмерно благодарны.

Фрумкин поднялся. Он был высокий, под метр девяносто, с широкими мускулистыми плечами и тонкой талией. На нем была рубашка из тонкой материи, вне всяких сомнений дорогая, но из-за облегающего покроя он выглядел в ней этаким мальчишкой-переростком.

Он встал за спиной Джойс, положил руки ей на плечи и ласково сказал:

— Итак, больше никаких винтовок. Все, что от вас требуется, это один раз встретиться с майором. А не захотите продолжать — не надо. Что вы теряете, в конце концов?

И, зарывшись лицом в ее пышные белые воло-

сы, поцеловал ее в шею.

— Ты золото, Джойси, — пробормотал он.

30

Кирш уже мог ходить с палочкой. Если все пойдет нормально, доктор Бассан выпишет его из больницы в конце недели. Каждый день он чуть увеличивал заданное расстояние. В это утро он прогуливался по внутреннему дворику. В нем стояли четыре койки: туберкулезные больные обычно принимали там солнечные ванны, но сейчас только одна была занята. Узкие кровати с пологами были завешены квадратными хлопковыми экранами, их верхняя часть оставалась открытой, чтобы больные грелись в целебных солнечных лучах, оставаясь при этом в уединении.

Медсестра вынесла во двор раскладушку. Перед тем как ее разложить, закатала рукава белого халата. Должно быть, новенькая, подумал Кирш. Он раньше ее не видел. Милая, опрятная, с бледной кожей — наверное, недавно приехала. Волосы у нее были собраны в узел. Она дважды прерывала работу, чтобы поправить белый чепец. Она исчезла в дверях. затем вернулась, неся на руках маленькую девочку Девочка была в ботинках и черных чулочках, на голове платок в красно-

черную клетку. Медсестра бережно уложила ее на раскладушку. Девочка тотчас повернулась на бок и натянула край белой простыни на лицо. Медсестра осторожно поправила простыню.

Киршу было понятно желание девочки спрятаться от посторонних глаз. Ему и самому не хотелось показываться людям, во всяком случае большинству. И тем не менее он не мог не помочь. Он сделал несколько неловких шагов по гравию.

— Ну-ну, — сказал он девочке. — Не прячься. Солнышко полезное.

— Рахель не послушается, — ответила медсестра. — Она каждый день так.

Рахель тем временем выглянула из-под самодельного полога. Кирш решил, что ей лет восемь-девять, не больше.

— Я послушаюсь, — сказала она на ломаном английском и закашлялась.

Молодая медсестра отогнула край простыни, и на этот раз Рахель не сопротивлялась и дала медсестре отереть заляпанный кровью подбородок. Кирш взглянул на лицо Рахель. Ее миндалевидные глаза смотрели в одну точку. Она знала, что умирает.

Кирш стоял у парапета и смотрел на крышу соседнего здания, где было что-то вроде садика.

Стол заменяла канистра из-под бензина, накрытая вышитой салфеткой, на ней — полевые цветы в банке из-под повидла. Через незавешенное окно можно было заглянуть и в комнату — безупречно чистую, прибранную, вещей всего ничего: белая кроватка и стопка книг на полу. Этот незамысловатый уют — сейчас, после аварии, которой завершились его приключения, — растрогал его до глубины души.

— Вам бы хотелось там жить?

Медсестра подошла и встала рядом.

— Сейчас я бы не отказался. Хотя моя съемная квартира тоже довольно уютная. Быть может, эта комната так радует глаз, потому что меня там нет.

Кирш тут же пожалел, что пожаловался, пусть и непрямо. Ведь кровью кашлял не он.

— Простите, — пробормотал он. — Я не должен был…

Он взглянул на медсестру — наверное, она считает его эгоистом. Та улыбалась. Ему понравились ее ясные карие глаза и живое выражение лица.

— Вы имеете полное право жалеть себя, — сказала она. — Вы здесь уже давно лежите.

Он не мог разобрать ее акцента — может, русский, но уже чуть смягченный ивритом.

— Я по сравнению с вами, наверное, тут старожил.

— Между прочим, я уже работала здесь, когда вас привезли.

Значит, она видела, какой он был жалкий — весь переломанный и окровавленный.

— Как вас зовут?

— Майян.

— Я Роберт Кирш. — Правой рукой Кирш по-прежнему опирался на трость. Он протянул левую руку, но, поскольку нетвердо стоял на ногах, покачнулся, и вышло, будто он не пожал ей руку, а вцепился в нее.

Майян улыбнулась и крепко сжала его руку.

— Я знаю, кто вы.

Безнадежно влюбиться в медсестру — что за банальность! Сколько тысяч раненых, возвратившихся с войны, пережили подобное. Роберт вспомнил фронтовые письма Маркуса, полные хвалебных гимнов «нежным взглядам» и «бессонным бдениям» над ранеными и умирающими. Теперь пришел его черед убедиться, как все просто бывает. Если бы не Джойс, он бы сию минуту влюбился, прямо здесь и сейчас, жарким иерусалимским днем, под сиплый кашель туберкулезников.

— Капитан Кирш, — окликнули его, — к вам пришли.

Он отпустил руку Майян и обернулся. Он втайне надеялся, что это Джойс, хоть и знал, что надеется напрасно.

Естественно, это был Росс, не Джойс. Губернатор, в тропическом белом костюме, с букетом бледных лилий в руке — чем не ангел, несущий Благую весть, но в колониальной версии, подумалось Киршу. Какую весть он принес? Это был, наверное, уже десятый визит Росса в больницу, и если в первые пять посещений все сводилось к вопросам о здоровье Кирша, выражению сочувствия и подбадриванию, то последующие беседы, окольно, не напрямую, касались вопроса, который Росс не мог задать в лоб: кто, как думает Кирш, в него стрелял и почему? Кирш заметил, что Росс стал мастером по части недомолвок: разговор о недавних бунтах, казалось, чудесным образом переключался на последние новости о крикете из Англии; свежие подробности того, как полицейский участок справляется без Кирша, будто случайно, но довольно ловко, перемежались «юмористическими» историями о том, как Росс недавно репетировал хор из Вагнера с группой престарелых русских монахинь из мо-

настыря Вознесения. Кирш чувствовал, что Россу не надо мешать, пусть себе болтает. Быть может, Киршу следовало ему сказать, что его излишняя деликатность — напрасная трата времени (он так и слышал, как Росс говорит жене: «Парню надо дать время, пусть придет в себя сначала»), потому что на самом деле его не интересует, кто и за что его чуть не убил. Дело в том, что за время болезни все мысли его были устремлены в другом направлении — он думал о Джойс. Но пока он ничего не говорил об этом Россу, предоставив губернатору самому задавать направление их сумбурных бесед.

И вот Росс опять здесь, протягивает цветы Майян, как будто ей их принес, а не Киршу, и вновь Кирш почувствовал в манерах губернатора нервозность, как будто тот что-то утаивает.

— Ну, выглядите уже значительно лучше, уже не такой бледный, и ходите с палочкой, а не на костылях. Думаю, вас здесь долго не продержат.

— Бассан сказал, до конца недели.

— Значит, в шабат уже будете дома.

Кирш улыбнулся. Он не помнил, чтобы Росс так открыто давал ему понять, что он еврей.

— Было бы замечательно, — сказал он.

Росс и Кирш прошли по белому коридору и

устроились в вестибюле на потертых кожаных креслах, рядом с детским отделением. На стене напротив, черным силуэтом, выходил из нарисованного города Гамельнский Крысолов, позади него вереница детей мал-мала меньше. Под потолком медленно и без толку крутился вентилятор. У Росса над верхней губой выступили капли пота.

— У меня к вам разговор. — Росс кашлянул, затем продолжил: — В тот день, когда в вас стреляли, помните, я вам звонил. Хотел поделиться тем, что меня беспокоило, да и сейчас беспокоит. Ситуация пренеприятнейшая: страну наводнило оружие, проникает через порты, исчезает с армейских складов. Мы поймали троих, отдали под трибунал. Одним из них оказался капитан Джереми Биллингс из Ашдода. Оружие поступает и тем и другим — любому, кто готов заплатить, и снайпер, стрелявший в вас, мог быть как арабом, так и евреем, хотя, сдается мне, это евреи на вас зуб точат. В любом случае, когда я вам звонил, у нас на руках почти ничего не было. Я хотел попросить вас заняться этим делом, кое за кем проследить, кое-кого допросить, попытаться выяснить, кто обделывает эти дела в Иерусалиме, кто берет взятки, провозит и распространяет

это, чтоб оно было проклято, оружие. И вдруг это досадное происшествие.

Росс на миг умолк — Майян покатила по коридору столик на колесиках, уставленный лекарствами. Кирш невольно сменил позу, словно хотел убрать подальше от ее глаз свою усохшую ногу.

— Неделю назад примерно в два часа ночи ваш коллега Фрэнсис Аттил — он из Яффы, но, возможно, вы знакомы?

— Нет.

— Так вот, он остановил автомобиль в рамлеском переулке, рядом с кладбищем, машина ехала с выключенными фарами, а за рулем, — к огромному его удивлению, да и моему тоже — была миссис Блумберг.

Киршу вдруг стало нечем дышать, но он пересилил себя и даже изобразил усмешку:

— И что?

— Да, собственно, ничего, — продолжал Росс немного смущенно. — Она сказала, что была на вечеринке или что-то в этом роде. Не так уж часто сейчас устраивают вечеринки. Но, может, ей одиноко, поскольку вы в разлуке, так сказать.

Вопреки обыкновению, последнюю фразу Росс произнес без малейшей иронии.

— Ив машине было оружие? — Кирш ухмыльнулся.

— Понятия не имею. Аттил решил не досматривать.

Повисла неловкая пауза. Кирш поднял брови, словно спрашивая: «И это все»?

Росс пригладил редкие седые волосы вокруг залысин.

— Скажу откровенно. В этой ситуации Аттил действовал четко по инструкции, а она предписывала: не обыскивать. Мы знаем, есть курьеры, но нам важнее выяснить, где хранится оружие и кому в руки попадает. Я понимаю, это звучит абсурдно, и я первый был бы счастлив, если бы оказалось, что миссис Блумберг не имеет ни малейшего отношения к подпольной деятельности.

— Да это же просто смешно!

— Может быть, но вас чуть не убили, и тут уже не до смеха. В вас стреляли из винтовки М 17. Это оружие не местного производства и не нашего. Оно американское. Винтовка Энфилда, сделана в Илионе, штат Нью-Йорк. В конце войны наши припозднившиеся союзники скопили миллионы таких на своих заокеанских складах. Неудивительно, что часть их утекла налево.

— И Джойс сделала небольшой крюк и при-

хватила несколько винтовок по дороге из Саутгемптона?

— Мне понятно ваше возмущение. Но послушайте, как я уже сказал, у нас нет веских доказательств того, что она замешана в этом деле. И все же мы обязаны были взять ее под наблюдение. Видите ли, она сионистка — Марк это дал ясно понять. И куда более рьяная, чем он.

— И что же дала ваша слежка? — пренебрежительно бросил Кирш. Он никогда раньше не разговаривал с начальством таким тоном, но что ему терять?

— Ровным счетом ничего. Вы вольны думать что угодно, и я этому несказанно рад. Видите ли, они оба мои друзья. Быть может, в Иерусалиме я самый большой поклонник ее супруга. Кстати, она сюда заходила?

— Я не готов говорить на эту тему. Спросите лучше у медсестер.

— По их словам, у вас была только одна посетительница. Ваша двоюродная сестра Сара. Но это тот редкий случай, когда они могут и ошибаться.

Кирш бросил на Росса негодующий взгляд.

— Простите, старина, я должен был выяснить это. Картрайт мертв. Вас чуть не убили. Я забочусь о своих ребятах как могу, но это дело вышло

из-под контроля и нужно с ним поскорее заканчивать. Премьер-министр очень расстроен из-за этих кровавых стычек: американцы наседают на него из-за евреев, а Министерство иностранных дел стоит за десятый пункт — защищает арабов[66]. Может, Джойс Блумберг — последняя спица в колеснице, а может, и вообще ни при чем, но я должен это выяснить.

— В итоге вы получили волнения, — заметил Кирш.

— То есть?

— Де Гроот. Уверен, вы помните, сэр. Вы сами закрыли расследование из предосторожности. А они все равно схлестнулись.

Кирш поморщился от боли. В последнее время нога реже давала о себе знать, но тем не менее боль была мучительной.

Прежде чем ответить, Росс тщательно взвесил слова:

— Когда вас выпишут, думаю, вам стоит взять недельку-другую отпуска. Это пойдет вам на пользу. Вы столько всего пережили.

---

[66] Примечания: 66

По-видимому, имеется в виду 10-я статья Мандата на Палестину от 24 июля 1922 г. Согласно этой статье, другие государства не имеют права вмешиваться во внутренние дела Палестины, если это не оговорено международными соглашениями.

Когда Росс удалился, Кирш, потрясенный услышанным, вышел во внутренний двор и несколько раз глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. Посмотрел на соседний дом: идиллическая комнатка и сад на крыше вдруг поразили его своим убожеством, букет в банке из-под повидла выглядел жалкой попыткой скрасить тесноту жилища. Проснулась Рахель и заплакала. Медсестра, не такая заботливая, как Майян, даже не посмотрела в ее сторону и поспешила к другому пациенту. Кирш потрогал ногу. Неужели это Джойс привезла оружие, которое сделало его калекой? Как такое возможно? Нет, чушь какая-то. Рахель заплакала громче. Словно в ответ ей, на улице залаяла собака. Кирш увидел через окно, как в комнатушку вошла женщина, поставила на пол сумку с продуктами, присела на край кровати. Должно быть, на стене висело зеркало, скрытое от глаз Кирша, потому что женщина чуть склонила голову набок, как будто смотрит на себя в зеркало. Средних лет, в длинном черном платье, полная, но вполне привлекательная. Потом она подняла руки к затылку — поправить прическу? — и, к изумлению Кирша, сняла волосы. Под париком она была абсолютно лысая. Кирш скривился от отвращения. Проклятое место, везде одно при-

творство.

Был четверг, доктору Бассану пора начать вечерний обход. Сквозь ставни пробивались узкие полоски света. Остальные обитатели палаты Кирша, два араба и еврей — все трое пострадали в дорожном происшествии, ослиная повозка столкнулась с мотоциклом, — дремали под москитными сетками. Кирш обычно спал в это время, но сейчас маялся. Сидел на кровати и тупо глядел на лампу, свисавшую с потолка на длинной цепи. По ночам от лампы на плиточный пол ложились тени. В первые дни в Шаарей-Цедек — от начавшейся инфекции у него началась горячка, и, как объяснил потом доктор Бассан, он был на волосок от смерти, — Кирш, в полубреду, часами следил за этой зловещей пляской теней. И переносился из Иерусалима в далекое лондонское детство. Ему снова шесть лет, и он лежит с корью в мансарде, в их общей с Маркусом спальне. Там на двери висела на крючке старая садовая шляпа, и она представлялась ему то кривляющимся лицом, то маской палача. Роберт не мог заснуть, пока мать ее не убрала. Милая добрая мамочка, она пела ему колыбельные, убирала волосы со лба, приносила апельсины, а прежде чем разрезать пополам, срезала кожуру посередине, чтобы ее младшему

сыну было легче высасывать сок. Только ради этого стоило заболеть.

Но прошло несколько дней, и мрачные видения, и навеянные ими грезы о материнской опеке ушли в небытие. Их сменили новые фантазии, все более бурные оттого, что Джойс не появлялась, о том, что они вместе, и страсть в этих картинах прекрасно сочеталась с простым семейным счастьем. Как и следовало ожидать, «домашняя» Джойс в этих его мечтах не теряла ни капли своей необузданности. (Где они жили? В лондонской квартире — на той новой улице в Уандсворт-коммон, по которой он однажды проезжал на велосипеде? Или, может, в сельском домике? В той деревне за Ледбери в Глостершире, где как-то раз, выбравшись за город с друзьями, он — впервые в жизни! — встретил американцев в местном пабе.) Кирш даже воображал, как знакомит Джойс с родителями и гордится тем, что она разведена (что, естественно, совсем не так), без определенных занятий и к тому же старше его — именно тем, что, в глазах родителей, делало ее совершенно неподходящей партией. Последний визит Росса положил конец сладким грезам.

Доктор Бассан стремительно вошел в палату, за ним семенила старшая медсестра. На нем

была хлопчатая рубашка с открытым воротом. Он словно не замечал жары, изводившей всех остальных. Во время войны он работал в англиканском госпитале, в ермолке и с турецким полумесяцем на рукаве. Кирш видел фотографию у Бассана в кабинете. У англикан, рассказывал он Киршу, были потрясающие покрывала: «Палаты там роскошные, как дворец наложницы — все в гобеленах, цветах, даже графины для воды».

Медсестра растолкала спящих — они ворчали, позевывая.

Бассан подошел к койке Кирша:

— Что-то вы не выглядите сильно счастливым.

Кирш выдавил улыбку. Ему нравился Бассан, и не только потому, что тот его спас, Кирша привлекала его открытость. Бассан был уроженцем здешних мест, его прадедушка еще сто лет назад вывез семью из Вильно в Иерусалим, и его укорененность в этом городе непоседливых евреев и шумных новоприбывших выражалась в том, как спокойно и уверенно он держится. Он был свой здесь, даже арабские пациенты это признавали. Само его присутствие успокаивало, рядом с ним Кирш чувствовал себя под защитой. Он прекрасно понимал, что отчасти романтизирует Бассана и что, скорее всего, характер его никак не

объясняется семейной историей. И все же, стоило Бассану появиться в палате, сразу же возникало такое чувство, будто не одно поколение предков потрудилось, чтобы вылепить эту властную коренастую фигуру — голема доброты и честности.

— Поглядим, удастся ли мне вас чуточку взбодрить, — сказал Бассан. — Во-первых, я слышал, вы уже вовсю разгуливаете по больнице, а во-вторых — держитесь за ручку с медсестрами. И то и другое ясно говорит о том, что вы готовы возвращаться домой.

— Только с одной медсестрой, — улыбнулся Кирш. — На многих смелости недостает.

— Готовы? — спросил Бассан.

Медсестра загородила койку Кирша ширмами. Отвернула простыню. Кирш задрал штанину, оголил левую ногу, тонкую, как стебель сельдерея, и в шрамах от бедра до лодыжки. Бассан посмотрел внимательно и принялся проверять реакции, то распрямляя ногу, то сгибая. Кирш морщился, но боль была терпимой. Неделями Бассан делал операцию за операцией, спасая ногу Кирша. Слой за слоем соскребал омертвевшие ткани. Без этого методичного хирургического вмешательства Кирш умер бы от столбняка. Другие врачи, слышал Кирш, предлагали срочную ампутацию.

— Посмотрим, как вы ходите. Можете пройтись без трости?

Кирш свесил ноги с койки, встал и сделал несколько робких шагов.

— Не волнуйтесь, — сказал Бассан. — Останется легкая хромота, и это все. Если вспомнить, в каком состоянии вас доставили, не так уж и плохо, правда? Сейчас вам надо укреплять мышцы. Поэтому мы вас и выписываем. Самое страшное уже позади. Теперь все зависит от вас. Чем больше вы будете ходить, тем лучше. Можете начать в эту пятницу, приходите ко мне в гости на ужин по случаю шабата.

— Спасибо большое. Я перед вами в неоплатном долгу.

Кирш хотел еще что-то сказать в благодарность, но Бассан махнул рукой:

— Значит, договорились. Постарайтесь быть как можно ближе к шести. Моя жена зажигает свечи вовремя. Если увидите на небе три звезды[67], значит, опоздали.

И доктор направился к другим койкам — там его ожидали еще три пациента, ставшие жертвой столкновения современности и ее противни-

---

[67] Примечания: 67

Свечи шабата зажигают в пятницу перед закатом. Появление трех звезд на небе вечером в субботу означает конец шабата.

ков, — Кирш так и не сумел выяснить, кто в кого врезался: повозка в мотоцикл или наоборот.

Если бы не Джойс, Кирш был бы на седьмом небе от счастья. Все-таки он провел в больнице почти два месяца. Семь недель ждал ее, и напрасно. Помнит ли он еще, как она выглядит? Ее милое лицо, казавшееся Киршу отражением ее души, начало понемногу стираться из памяти. Но только какая она, ее душа? Вот он оденется, соберет вещи и прямиком к ней — надо предупредить, что Росс за ней следит, послушать, что она скажет. Должно быть, вся эта история яйца выеденного не стоит.

В тусклых розовых сумерках Кирш осторожно пересек больничный двор и оказался на улице. По тропинке, проложенной в зарослях лопухов и крапивы, обогнул ветхий домишко с ржавой крышей и осыпавшейся трубой. После долгого пребывания в четырех стенах первый же автомобильный гудок едва не оглушил его — Кирш вздрогнул от неожиданности. Постоял немного, опершись о дощатый забор. А потом вспомнил, как сигналил шофер Фрумкина перед калиткой Блумбергов. Тогда он в последний раз видел Джойс. Она собиралась в пустыню помогать Фрумкину с реквизитом. Или это была отговорка?

Нужно во что бы то ни стало ее разыскать.

Но у Кирша не было сил ехать в Тальпиот. Едва добравшись до своей квартиры, он рухнул в постель и заснул. Проснулся на другой день под утро, весь в поту (над кроватью не было вентилятора, не то что в больнице), и почти тотчас снова провалился в сон. Когда же проснулся окончательно, было уже за полдень. За окном слышался треск и хлопки, спросонья он решил, что палят из ружей, но оказалось, шум этот подняли рядовые домашнего фронта: в пятницу домохозяйки, делая уборку перед шабатом, вышли на балконы выбивать ковры. Ужасно хотелось пить. Кирш осторожно встал с постели, пошел на кухню, нагнулся над раковиной и повернул кран. Потекла вода бурого цвета. Кирш подождал, пока она не стала мутно-белой, и стал пить, время от времени подставляя под струю голову. В доме не было еды, но это не важно: поужинает в гостях, если только сумеет доковылять до дома Бассана.

Кирш умылся, побрился и оделся — все это без особых затруднений. Лестница, ведущая в сад, — вот что стало настоящим испытанием, но он благополучно с ним справился. Спустившись в сад, постоял немного в теки оливы, верхние ветки которой доставал и до его окна. Сосед снизу,

доктор Клаузнер, пенсионер-богослов из Германии, на узком клочке земли у забора посадил живучие плетистые розы. Пока довольно чахлые, они уже второй раз за лето выпустили нежно-розовые бутоны, но Кирша буквально захлестнул их аромат, который, казалось, еще усилился к вечеру. Оглядываясь вокруг, он чувствовал себя так, словно отсутствовал годы, а не недели. После трудного спуска он долго не мог отдышаться и пожалел, что отпустил Сару. Она могла бы сходить за покупками, хоть как-то поддержать. Но, естественно, ему не хотелось, чтобы Сара и Майкл вмешивались в его отношения с Джойс, а Майкл, при всем своем добродушии, действовал ему на нервы. Разумеется, Корки из тактичности не лезли в его личную жизнь. А может, Сара просто осторожничала, ведь когда они с Робертом в последний раз виделись в Англии, у него была невеста.

Он считал, что у него впереди уйма времени — по его расчетам, до дома Бассана всего-то километр или около того, но пришлось по пути то и дело останавливаться и делать передышки, так что когда он наконец нашел нужный адрес на улице Хабашим, на вечереющем небе уже расплывались первые чернильные пятна ночи.

Обеденный стол был накрыт на четверых, хотя кроме Кирша и четы Бассанов в доме никого не было. Доктор крепко обнял Кирша и познакомил со своей женой — пышущей здоровьем женщиной с длинными черными волосами, собранными в гладкий пучок на макушке. Бассан полил себе из графина на руки, вполголоса произнес благословение. Стены комнаты были увешаны пожелтевшими семейными фотографиями в рамочках и кричаще-яркими картинами в наивном стиле, представляющими собой вольные фантазии на тему местной жизни: смуглолицые пастухи в шляпах без полей, какие обычно носят поселенцы, и россыпью — тель-авивские домики с красными крышами и ярко-синими дверями.

— Мы коллекционируем картины этого художника, — сказал Бассан.

В углу стояло пианино, рядом — горшок с хлорофитумом на деревянной подставке. Кирш надеялся увидеть в доме доктора более роскошную обстановку, но из всего убранства единственно примечательным был желтовато-красный плиточный пол.

Послышался стук в дверь.

— А вот и она, — оживился Бассан.

Вошла Майян. Кирш сразу обратил внимание,

что на ней модное белое платье с заниженной талией — дешевый вариант того, что было на Джойс, когда он в первый раз катал ее на мотоцикле. Обычно иерусалимские потуги на моду ничего, кроме усмешки, у него не вызывали. Добавить к этому еще нитку жемчуга — Майян и в Лондоне могла бы смело отправляться на танцы. А Кирш даже мог бы ее сопровождать, если бы не связал себя с Востоком.

— Вижу, вы удивлены, — заметила она, обращаясь к Киршу.

Бассан с женой с улыбкой переглянулись:

— Нет, нет, Роберт, Майян не наша дочь. Просто она недавно приехала, и у нее еще мало знакомых в Палестине.

Майян протянула руку, и Кирш, чтобы опять не оказаться в смешном положении, энергично ее затряс, как будто только что заключил важную сделку.

Майян рассмеялась:

— Я рада, что к вам вернулись силы.

Бассан протянул Киршу кипу. Кирш пристроил ее на голове. Последний раз он надевал кипу на бар мицву — тогда, как и сейчас, он чувствовал в ней себя неловко. Бассан прочел благословения над хлебом и вином. Иногда отец Кирша,

из ностальгических чувств или желая угодить жене, проводил шабат для семьи честь по чести, но все это как бы шутя, с ужимками и подмигиванием. Капли дождя на оконном стекле, вкус сладкого вина…. Лондонские евреи — обанглича-нившиеся, но все-таки евреи. А сам Кирш, разве он не такой? У него нет веры, на которую можно было бы опереться, да и более простые земные подпорки — политика, искусство, коммерция — его не слишком интересовали. Наверное, со стороны он производит впечатление человека целеустремленного — властный, собранный, в униформе, — но сам себя в последнее время видит иначе: идиот, потерявший голову от любви. Как же он докатился до жизни такой?

Кирш смотрел на Майян — ее усадили напротив. Жена Бассана стала расспрашивать ее об оставшейся в Одессе родне. Лицо Майян посерьезнело. Новости неутешительные: евреям в послереволюционной России живется не лучше, чем при царе. Большевики уже заклеймили тунеядцем дядю Исаака, подторговывавшего всякой всячиной. Отец, интеллигент-букинист, теперь из-за рода своих занятий ходит по лезвию ножа.

Кирш смотрел на Майян во все глаза. На вертихвостку она совсем не походила, даже напротив.

Послевоенный угар ликования — ура! шапки в воздух! — ее не затронул. Как и его. Разница в том, что он сам сделал такой выбор. Когда не стало Маркуса, он забросил танцы и гулянки, и даже три года спустя семейный траур по-прежнему давил на него, не давая вздохнуть полной грудью. Ему просто необходимо было сменить обстановку.

— Майян, если не ошибаюсь, у тебя скоро недельный отпуск.

Бассан разрезал на блюде жареную курицу, по-профессиональному ловко орудуя ножом.

— Ну да, у меня подруга-землячка в Рош-Пинне. Думаю погостить у нее.

Бассан передал блюдо Киршу.

— Роберт, вы бывали на севере страны?

Вот так номер! Бассан занялся сводничеством! Госпожа Бассан улыбалась, выжидающе глядя на Кирша. Небось мысленно женила его на Майян и тетешкает парочку младенцев. Добрый доктор и его жена думают о будущем Палестины, и Кирш для них что-то вроде ценной облигации. Нет уж, без него обойдутся.

— Я слыхал, Рош-Пинна — жуткая дыра, — заметил он. — Ее построили на деньги Ротшильда.

Не стоило так говорить. Снобизм это.

— Вы совершенно правы, — сказала Майян. — Но для нас, бедных русских евреев, это спасение. Мы не привередливы.

По ее глазам Кирш догадался, что она видит все: и уловки Бассана, и его подростковую ершистость. Ее взгляд словно говорил: «Я тут совершенно ни при чем», и Кирш вдруг, несмотря на Джойс, пожалел об этом.

Беседа за столом в основном вертелась вокруг больницы и тех, кто в ней: врачей, медсестер и пациентов. Был теплый вечер, из открытых настежь окон доносились звуки праздничного застолья соседей: звяканье столовых приборов, невнятный гул речей, обрывки молитвы, серебряная струйка мелодии, которую выводила писклявым голоском девочка, и нестройный хор взрослых. А еще запахи еды, к которым чудно примешивался сладчайший аромат жимолости ~ от кустов возле дома. На Кирша вдруг накатила усталость, как будто после больничного однообразия он перебрал впечатлений. Он встал, ноги плохо его слушались.

— Извините, но мне нужно глотнуть воздуха.

Бассан тут же подскочил к нему:

— Конечно, конечно. Это же ваш первый выход. Вам нельзя переутомляться.

Майян тоже поднялась:

— Я пойду с ним. Провожу его до дома. Не беспокойтесь.

— Да-да, — пробормотал Кирш. — Наверное, мне пора.

Они спускались с холма к Яффской дороге, шли рядом — Майян подлаживалась под медленный шаг Кирша. Палочка была почти бесполезна на крутых, под уклон, участках, и Кирш смущался из-за своей неуклюжести. Время от времени Майян легонько касалась его руки, словно поддерживала. Они остановились на перекрестке. Небо над ними развернуло свой ночной стяг: звезды и полумесяц на черном фоне. Иерусалим мог ответить на это лишь единственным городским светофором. Пока Кирш переводил дух, зажегся красный свет. Рядом резко затормозил автомобиль. Водитель, английский офицер в униформе, громко гоготал, закинув голову. Рядом сидела женщина с длинными распущенными волосами — Кирш видел только часть ее лица — протянув руку, гладила мужчину по затылку. Джойс! Или не она? Зажегся зеленый, и автомобиль со скрежетом рванул с места.

У Кирша закружилась голова. Его прошиб пот, колени подкосились.

Майян поддержала его, усадила возле дороги.

— Опустите голову.

Он подчинился. Постепенно головокружение прошло, но, когда он попытался встать, Майян уверенно положила руку ему на плечо:

— Рано.

У него не было сил ей сопротивляться.

В конце концов она помогла ему подняться. Они двинулись вверх по холму — к дому Кирша. Воздух, казалось, стал тяжелее и теплее, как будто кто-то отворил печную задвижку и добавил жару в и без того натопленную комнату. К тому времени, как они добрались до его садовой калитки, Кирш уже убедил себя, что в машине была Джойс.

Он обернулся к Майян:

— Спасибо большое. Но выполнять медсестринские обязанности в свободное от работы время — это неправильно.

— Не беспокойтесь. Никаких особых навыков тут не потребовалось…

— Послушайте, — прервал ее Кирш, сам удивляясь такой поспешности. — По поводу этой вашей поездки. Вы не против, если я к вам присоединюсь? Росс дал мне пару недель, а доктор Бассан наказал ходить и…

— Я подумаю, — строго сказала Майян.

У Кирша вытянулось лицо.

— Ну конечно, вы можете поехать, — рассмеялась девушка, — только пообещайте, что не привезете с собой Ротшильдов. А то мне будет стыдно.

— Знаете, — сказал Кирш, — у вас отличный английский.

Майян улыбнулась:

— Перед приездом сюда я полгода прожила в Дублине. В Ратгаре. — Она произнесла «р» очень раскатисто, и Киршу показалось, будто это самое прекрасное место на земле. — Вы там бывали? Там большой еврейский квартал. У моей тети булочная на Уолворт-роуд. Рядом с пабом «Бык и зяблик».

— Вы ходили туда?

— Еврейская девушка в пабе? Соседи бы не одобрили.

— Да уж.

— Так что я туда заглядывала, только когда очень хотелось выпить.

Кирш рассмеялся. Ему захотелось поцеловать Майян, но лицо Джойс встало перед ним немым укором, и, хотя в данную минуту она была ему ненавистна, он сдержался.

— Так когда едем?

— Следующий автобус завтра вечером, после шабата.

— Хорошо, встретимся на остановке.

Майян пошла прочь, но вдруг остановилась и обернулась к нему:

— Что за женщина была в машине?

— Жена одного человека.

— Вы ее любите?

— Думал, что люблю.

Майян кивнула, словно приняв ответ, пусть и не вполне удовлетворительный.

— Тогда до завтра, — сказала она.

Кирш провожал ее взглядом, пока она не свернула за угол, а затем поднялся в комнату. К двери был кнопкой пришпилен конверт. Кирш сунул его в карман брюк. Он прошел к кухонному столу, зажег свечу и опустился на стул. Разорвал конверт и достал из него лист бумаги, выглядевший как официальное письмо, но покрытый торопливыми каракулями: «Слышал, вас нет дома. Хороший знак. Мне надо с вами поговорить. Дело довольно срочное. Пожалуйста, свяжитесь со мной при первой возможности. Росс».

Кирш скомкал письмо и швырнул в угол.

31

В кузове «форда» с откинутым верхом лежала картина Блумберга, обернутая грубой мешковиной. Машину Блумбергу любезно одолжил Фредди Пик. С машиной проблем не было. У «паши» оставались еще «роллс-ройс», два «вокс-холла» и «санбим», и он знал, что как только губернатор получит картину, тотчас отправит «форд» обратно — в этом смысле на Росса можно было положиться.

Блумберг въехал в Иерусалим поздним утром. В городе ощущалось военное присутствие: возле Дамасских ворот на том месте, где обычно стояли торговцы с корзинами инжира и слив, дежурили два бронеавтомобиля. Блумберг обогнул стены Старого города и свернул на Яффскую дорогу. После безмолвия пустыни деловитая суета покупателей у магазинов наводила на него уныние. Не радовал и современный пригород с домиками, крытыми черепицей, по обе стороны оживленной улицы. За исключением пары зданий Иерусалим вне стен Старого города для сентиментального человека — одно сплошное разочарование.

Прежде чем ехать домой в Тальпиот, он решил

заглянуть в «Алленби» выпить рюмочку-другую. Оставил машину у гостиницы, вместе с картиной. В это время дня в баре обычно пусто, хотя уже скоро, ближе к полудню, начнет набираться народ: американские банкиры и голландские инженеры, специалисты по сельскому хозяйству из Франции и немцы, торгующие оборудованием — в общем, все, кто наживается на новой Палестине. Но и у него тоже теперь есть задание. Блумберг похлопал по карману рубашки. Пуговица лежала на месте, завернутая в клочок холстины.

Он подошел к высокому суданцу-привратнику во всем белом и попросил его присмотреть за машиной и ее грузом. В холле он заметил Джорджа Сафира, репортера англоязычной газеты «Палестинский бюллетень». Тот о чем-то увлеченно беседовал с бородачом в черной рясе — Блумберг решил, что это армянский архимандрит. С Сафиром он познакомился на одном из сборищ у Росса. Журналист, только приехавший из Англии, изъявил желание написать о Блумберге и его иерусалимских картинах, но дальше разговоров дело не пошло. Начальники Сафира, редакторы «Бюллетеня», потеряли к Блумбергу интерес, когда до них дошли слухи о том, что он вместо сионистского заказа рисует местные церкви.

Блумберг хотел молча пройти мимо Сафира, но тот вдруг обернулся к нему, словно только его и ждал:

— Марк!

Сафир встал, они обменялись рукопожатиями.

— Когда вернулись? Как там великие храмы? Росс успел всем нахвастаться, что скоро станет владельцем шедевра.

— Сегодня утром, приехал сегодня утром. — Из-за долгого молчания голос не слушался Блумберга.

— Сейчас я угощу вас, пропустим по рюмочке, и вы мне все подробно расскажете. Вы в бар надолго? — Сафир повернулся к священнику: — Ах да, прошу прощения, это отец Пантелидис. Отец, это Марк Блумберг, художник.

Значит, не армянин, а грек.

— Отец Пантелидис кое-что мне рассказал, может, вам это тоже будет интересно. Он говорит, губернатор уходит. По слухам, его переводят на Кипр. Там назревает заварушка, и они думают подстраховаться с помощью сэра Джеральда. Отец Пантелидис только что из Никосии.

— Сэр Джеральд будет губернатором там, почти наверняка, — улыбнулся священник. — Возможно, он и вас возьмет на Кипр. Будете там

рисовать.

Похоже, все знали, что Блумберг готов наняться к кому угодно.

— Может, я сам туда съезжу, — ответил Блумберг.

— Как жена поживает? — вставил Сафир. — Что-то ее совсем не видно. Хотя, как вы, наверно, слышали, с ночной жизнью в Иерусалиме стало из рук вон плохо. Даже в Петре небось веселее.

Сафир покосился на священника, но тот и не думал обижаться.

— Хотели даже отменить тут в гостинице выступления оркестра во время вечернего чая: пока шли бунты, народ сюда даже нос не показывал. Конечно, невелика потеря, но как же мы без музыки, черт возьми.

— Насколько я знаю, жена в полном порядке, — ответил Блумберг.

— Так, значит, вы ее еще не видели, сначала решили взбодриться, самое оно. Сколько вас не было, два месяца? — Сафир подмигнул Блумбергу.

Блумберг прошел в бар и заказал двойной виски. Денег было в обрез, но на пару рюмок оставшихся пиастров хватало с избытком, в любом случае Росс пополнит загашник. Бармен

налил виски, и Блумберг выпил залпом. Виски обожгло ему горло, по телу разлилось приятное тепло. Если бы ему месяц назад сказали, что Росс уезжает из Палестины, он бы вздохнул с облегчением и в то же время всполошился: где-то нужно искать новые источники доходов, — но сейчас ему все равно. Пока он был в пустыне, ниточка, связывавшая его с Россом, оборвалась, он даже думать о нем забыл, погрузившись в свои художественные абстракции.

Вскоре к нему в бар пришел Сафир. Этому парню — болтуну и большому энтузиасту сионистского дела — на вид Блумберг дал бы лет двадцать пять. Блумберг подозревал, что если у него и были какие-нибудь успехи на ниве журналистики, то по одной простой причине: интервьюируемые не воспринимали его всерьез и, как следствие, расковывались и доверяли ему свои самые сокровенные тайны. Приехав в Палестину, Сафир, выпускник исторического факультета Манчестерского университета, стал одеваться как простой сельский работник: тяжелые ботинки, темные гольфы, шорты цвета хаки и голубая рубашка. Однако его выдавала незагорелая кожа и незагрубелые руки.

После беседы с отцом Пантелидисом Сафир

как-то сник и помрачнел.

— Знаете, порой я очень скучаю по Англии, — сказал он.

Блумберг еще прежде заметил, что евреи, горой стоящие за Палестину, часто скучали по родине, тогда как евреи вроде него, Палестину не обожавшие, и к родной стране относились без особого пыла. Быть может, энтузиазм, независимо от политических взглядов, был свойством натуры.

— По чему конкретно? — поинтересовался Блумберг.

Сафир снял очки и потер их о рубашку.

— Трудно сказать. Местная бескомпромиссность — она и вдохновляет, и в то же время ужасно утомляет. Знаете, дома по субботам я обычно бездельничал или ходил на футбол.

— Бунт как раз и начался с футбола.

— А я что говорю.

Молодой человек в белом тюрбане заглянул в бар и поспешно вышел.

— Вы случайно не знаете, — сказал Блумберг, — есть ли что-нибудь новое по делу Де Гроота?

Сафир (он вдруг утратил интерес к беседе) смотрел на дверь.

— Де Гроот? Ну да. Я и забыл, что вы к этому причастны. Полная тишина, о нем, похоже, забы-

ли. Расследование поручено Роберту Киршу, а его подстрелили. Бедняга. Может, слышали?

— Ко мне заезжала его двоюродная сестра.

— Правда? — сказал Сафир, по-прежнему глядя куда-то мимо Блумберга. — По-моему, это муфтий. Интересно, что он здесь делает? Извините, Марк. Я думал, у нас будет время поболтать, но… работа зовет.

— Значит, никаких подвижек?

— В покушении на Кирша? Прошло довольно много времени. Бог весть, кто нажал на курок. Об этом надо бы спросить вашего друга сэра Джеральда, но он сейчас на пути в Дамаск. Уехал вместе с супругой на несколько дней охотиться за древностями. Думаю, по возвращении он объявит о своем переводе на Кипр.

Повторять вопрос о Де Грооте Блумберг не стал.

— Рад был повидаться, — сказал Сафир.

Отношения между евреями, переехавшими в Палестину насовсем и на время, всегда были натянутые, подумалось Блумбергу: причина, как он подозревал, в том, что никто до конца не был уверен, кто к какой группе принадлежит.

Сафир быстро удалился — за очередной репортерской добычей.

Блумберг заказал еще стакан двойного виски, одним глотком осушил и вышел на улицу. Что лучше: вернуться в Северный Тальпиот или сначала закончить дела в Старом городе? Белый диск солнца слепил, дневная жара волнами плыла над городом — был конец лета. Глаза у Блумберга покраснели, во рту, несмотря на виски, все еще чувствовался привкус песка. Грузовик, груженный строительными материалами, обогнул припаркованный автомобиль, и шофер, скорее по привычке, чем из необходимости, громко просигналил. Блумберг зажал уши ладонями и побрел, пошатываясь и обливаясь потом, по Яффской дороге к Старому городу — вопрос, что делать дальше, решился сам собой.

Прикрывая глаза рукой, он почти вслепую прошел под Яффскими воротами. Лавочки на базаре уже закрылись на сиесту, но кое-где ставни были только приспущены и, словно кокетливо приподнятые юбки, показывали украдкой свои сокровища: горку фисташек над холщовым отворотом, стопку поблескивающих медных тарелок, тонкогорлые бутылочки с розовой водой. Сауд записал для Блумберга адрес, но найти дом оказалось непросто. В суке было невозможно не затеряться, но большинству из тех, кто сюда наве-

дывался, только того и было нужно: кто бы ты ни был, паломник, турист или местный, лабиринт проулков в конце концов выводил тебя куда нужно, даже если ты сам точно не знал, что именно хотел найти. В первые дни в Иерусалиме Блумберг бесцельно бродил по базарному лабиринту, но слышал от Джойс, что вещи — какой-нибудь коврик, платок с золотым шитьем, розовый листовой мармелад, — сами вас там находят, а не наоборот. Он считал это романтической чушью, но теперь готов был с ней согласиться. Впереди него мальчик вел в поводу осла, тот гулко цокал копытами, потом остановился и пустил мощную струю желтой мочи в стену длинного приземистого здания без окон, которое, казалось, стоит к улице задом. Так, сам того не ведая, Блумберг оказался возле Цепной улицы. Здесь начиналась крытая часть рынка, из купольного отверстия в сводчатом розовом потолке бил столп яркого света, как на полотнах старых мастеров, изображающих сошествие небесных лучей. Стоя в круге света, Блумберг усмехнулся: его ист-эндские друзья оценили бы этот момент, прибытие в Иерусалим святого Марка.

Преодолев два пролета широких щербатых ступенек, он постучал в дверь аль-Саидовой семьи.

Ему открыл щуплый мальчик лет девяти-десяти, глаза у него были мутными от трахомы, веки в мелких шрамах. Блумберг заглянул в помещение. Хотел было спросить про мать Сауда, но мальчик схватил его за руку:

— Входите. Да-да, входите.

Он тянул Блумберга внутрь, как базарный зазывала, завлекающий покупателя в закуток — показать лучший товар.

Посреди комнаты стоял круглый деревянный стол на деревянной тумбе, подпертый для верности двумя каменными столбиками. У стены — единственный стул с низкой спинкой. На цементном полу — пять-шесть соломенных циновок.

Мальчик жестом указал Блумбергу на стул, а сам исчез в проходной комнате. Сквозь неподвижные шторы в комнату сочился солнечный свет. Напротив Блумберга громоздилась дюжина тонких клетчатых матрасов, подпоркой для них служило нечто, напоминающее остов старой ореховой книжной полки. Пол был уставлен бурдюками и кувшинами, сосудами для вина, воды или молока. На столе красовалась маленькая медная ваза с плодами кактуса.

Через несколько минут мальчик вернулся и

поставил на пол медный кофейник. Вскоре вошла женщина с тарелочкой инжира. Он была в черном муслиновом платье с длинными рукавами, но с непокрытой головой. Длинные черные волосы, расчесанные на прямой пробор, были заплетены в косы. Так это мать Сауда? Блумберг думал, что она старше.

— Марк, — сказал он, тыча себя в грудь и чувствуя себя при этом идиотски. — Марк Блумберг.

— Она Лейла, — ответил мальчик вместо матери. — А я Ахмед.

Блумберг постарался объяснить, кто он такой и что случилось с Саудом. Женщина и мальчик немного понимали по-английски, и, видимо, Блумбергу удалось им растолковать, что Сауд работал у него, что он жив и здоров и направляется в Каир. На глаза матери то и дело наворачивались слезы. Блумбергу трудно было без арабского. Как глупо, что он пришел один. Надо было прихватить переводчика. Но на кого он мог положиться?

Он пил сладкий кофе, смущенный, что пришел с пустыми руками. Неужели он может одарить этих людей только безрадостными новостями?

— Спасибо, — улыбнулся он Лейле.

На полу лежала блуза с незаконченной вышивкой, рядом — небольшая стопка белья,

дожидающегося починки. Блумберг вспомнил, как его мать, подслеповато щурясь, штопала вещи в их гостиной на Крисчен-стрит, пальцы ее были в мозолях от шитья. Он почти не помнил мать молодой, в возрасте этой женщины. Для Блумберга она почти всегда была седой, но при этом крепкой и бодрой — этакий домашний Атлас, держащий на плечах свой мирок. Ему захотелось сказать матери Сауда, что и в его семье привыкли иметь дело с пуговицами, молниями и катушками, но сдержал этот порыв.

Он пробыл, может, около часа, повторяя одни и те же простые фразы и отчаянно жестикулируя, чтобы убедить Лейлу: с ее сыном все в порядке. Он знал от Сауда, что к ним в дом наверняка наведывалась полиция, как знал и то, что Росс по какой-то причине решил отпустить мальчика.

В комнате царила приятная прохлада. Блумберг замолчал. Лейла протянула ему блюдо с инжиром, он взял один плод. Но вместо того чтобы поставить вазу обратно на стол, она опустила ее на пол, затем встала на колени и принялась вращать столешницу. Та чуть сдвинулась — деревянная тумба внизу оказалась полой. Она что-то сказала Ахмаду, мальчик сунул внутрь руку и вытащил одну за другой четыре потрепанные

книги и одну с виду новенькую. Ахмад сложил книги в стопку и протянул их Блумбергу.

— Пожалуйста, — сказала Лейла. — Для Сауда.

Потом коротко поговорила с Ахмадом по-арабски.

— Она хочет, чтобы вы их передали Сауду, — перевел он.

— Но я не… — начал было Блумберг, но оборвал себя на полуслове. — Хорошо, я все сделаю.

Он взглянул на корешки: учебник геометрии, английская грамматика для начинающих, поэтическая антология и две тонкие книжки с названиями «Weespraak» и «Beemdgras». Блумберг открыл одну из голландских книг. И прочел на форзаце высокопарную надпись Де Гроота — если не явное признание в любви, то нечто близкое к тому: дружеские, ободряющие, теплые слова.

Блумберг бегло полистал антологию английской поэзии. На некоторых, зачитанных, страницах были загнуты уголки: «Я встретил путника; он шел из стран далеких»[68], «Сварливой старости и юности прелестной вдвоем не быть: стихии несовместны»[69]. Блумберг отложил

---

[68] Примечания: 68

П. Б. Шелли «Озимандия». Перевод К. Бальмонта.

[69] Примечания: 69

У. Шекспир «Мадригал». Перевод И. Палий.

английскую, взял другую книгу: голландские стихотворения. Она выглядела нечитаной. Когда он открыл томик, из него выскользнул сложенный лист бумаги. Блумберг его расправил — это была сделанная под копирку копия письма в Министерство по делам колоний в Лондоне за подписью Де Гроота. Блумберг пробежал письмо глазами, потом прочитал его более внимательно, а затем опять сложил и сунул обратно в книгу.

Лейла и Ахмад наблюдали за ним — со страхом или с надеждой, Блумберг точно не понял, поскольку оба не произнесли ни слова.

— Мне пора. — Он похлопал по обложке книги: — Не волнуйтесь. Это ерунда.

Мать Сауда встала. Блумберг протянул ей руку на прощание, но она скромно потупила глаза. Тогда он, в порыве чувств, быстро шагнул к мальчику и обнял его.

Блумберг спустился по каменной лестнице, свернул в сук, все еще безлюдный в эту пору. И быстро зашагал к Яффским воротам, крепко прижимая книги к груди. Информация, которой владел Де Гроот, стоила ему жизни. А теперь она известна и Блумбергу.

32

— Залезайте скорей! — бодро крикнул Липман. — А то опоздаем на первый забег. Он самый важный.

У него был тот же тембр голоса, что и у Марка, даже интонации похожие. Вероятно, они родом из одной и той же части Лондона. С годами Джойс научилась разбираться в английских акцентах, служивших отличительным признаком того или иного класса, района, области и, как уверял Марк, веры.

Она подошла к калитке — возле машины ее поджидал, ухмыляясь, Джонни Липман, послушный болванчик. С преувеличенно низким поклоном открыл перед Джойс дверцу:

— Прошу, миледи.

Джойс села в машину.

Липман был ростом под метр девяносто, но он не выглядел высоким: при длинном торсе у него были на удивление короткие ноги. Каштановые волосы на крупной голове уже начали редеть (это обстоятельство почему-то казалось ему забавным, в прошлый вечер он даже в шутку предложил Джойс потрогать его залысину, было

бы чем гордиться!), но взгляд серых глаз был жестким и не внушал доверия. Хотя это Липману стоило бы задуматься, можно ли ей доверять, а не наоборот. Он также продемонстрировал ей шрам на носу, как будто его лицо и голова были увлекательными старыми картами.

— Когда мне было пять лет, налетел на дверь теплицы. Хорошо хоть не сортира.

Джойс надеялась, что следующее после «свидания» с Липманом утро принесет свежесть и прохладу. Что все посторонние запахи за ночь смоет проливным дождем, но не тут-то было: по-прежнему стояла тягостная августовская жара, нещадно палило солнце, ее тело было скользким от пота, а дом, куда она недавно вернулась, пропитали странные запахи. Сильнее всего был запах козьего помета, к которому добавлялась вонь сточной канавы, что проходила в ста метрах от дома. Погода явно не собиралась идти у нее на поводу, так что она была просто обязана надеть чистое белое платье.

В конце вечера Липман попытался — не слишком решительно, но все же сказав: «Я конечно, знаю, вы не такая» — затащить ее в постель, и Фрумкин был бы несомненно доволен, если бы так и случилось, но Джойс пробормотала, мол,

«не те дни», и он быстро отступился, назначив свидание на следующее утро.

Подцепить его оказалось совсем не трудно. Фрумкин ей сказал, что Липман по пятницам обычно завтракает в «Интернешнл», и именно там Джойс «на него наткнулась». Они провели день, гуляя по Старому городу (Джойс все озиралась в смутной надежде увидеть Роберта Кирша), и именно здесь, уже ближе к закату, когда к Стене Плача на вечернюю молитву потянулись евреи в черных одеяниях и собольих шапках, Липмана посетила блестящая мысль поехать на другой день в Лидду на скачки. Если его и удивила поспешность, с которой она приняла предложение от полузнакомого мужчины, то виду он не подал. Наверное, решил, что неотразим. Вот и отлично.

Когда они выехали из Иерусалима и начали спускаться под гору, за ними пристроился черный «форд», точь-в-точь как у них. Он висел у них на хвосте и когда они медленно вписывались в повороты меж Иудейских холмов, и когда пересекали Аялонскую долину. Когда возле Рамле показалась квадратная лиддийская башня, «форд» исчез, свернув в направлении Английского лагеря, но уже в следующий миг вновь вынырнул из-за навесов в том месте, где дорога шла параллельно

железнодорожному полотну, соединяющему Иерусалим и Яффу.

— Поглядите-ка, кто вернулся, — Липман глянул в зеркальце над рулем. — Ему явно с нами по пути. Я знал, что в Иерусалиме найдутся любители скачек. Эндрю Натан еще ого-го, хоть я уверен, что некоторые только и ждут, когда его осадят.

Джойс смотрела в окно. Там, в тени оливковой рощи, белело кладбище, куда она доставляла оружие. При мысли о ночных вылазках она вздрогнула, хотя днем место выглядело совершенно обычным. Джойс почувствовала опустошенность — такое и раньше случалось, когда она начинала остывать к своим увлечениям: искусству, танцам, даже любви. Она вовсе не хотела этого, но конец наступал, как она ни пыталась его отсрочить. Ее увлечения могли длиться годами, и вдруг — точно прыжок в пропасть: становилось ясно, что все это просто тщетная борьба с хронической скукой. Было ужасно сознаваться себе самой, что она хамелеон, а ее убеждения яйца выеденного не стоят. На этот раз она всерьез убедила себя, что сионизм, пусть она и не еврейка, станет делом ее жизни. Но теплые камни рамлеского кладбища, казалось, говорили об обратном. Не пора ли порвать с сионистами? По словам Фрумкина, она

сделала уже достаточно. Она нащупает подход к Липману, выяснит, насколько тот симпатизирует сионизму, и передаст его Фрумкину. И на этом точка.

Следующие пятнадцать минут они ехали по тряской мощеной дороге. Когда они затормозили у клуба, увязавшаяся за ними машина опять пропала из виду.

До начала соревнований еще оставалось время. Военный оркестр, игравший что-то патриотическое, вдруг выдал: «Что значит День империи?» Липман, оживившись, выпрыгнул из автомобиля, и стал подпевать: «Зачем звучит труба?»

— Это Девятый королевский ланкастерский полк! — пояснил он Джойс восторженно. — Лучший оркестр на Ближнем Востоке.

Может, ночные вечеринки в Иерусалиме и отменили, но по оживленным лицам членов охотничьего клуба «Ладд» и офицеров, намеренных побороться за кубок, который вручал сам коммодор авиации И. Л. Джерард, ни на минуту не заподозришь, что в этом жарком уголке Британской империи что-то неладно.

— Липман, — раздался голос из паддока, — хочешь пари?

— Фрэнки! Так это ты ехал за нами? Узнал твою

гнусную физиономию.

— Как насчет десятки?

— Я что тебе, деньги печатаю, что ли?

— Ладно, ставлю пятерку, что Гоггин на Божьей Коровке обойдет твоего дружка Натана.

— А Эндрю на ком?

— На Шотландской Серой.

— Тогда пятерка.

Казалось, Липман не заметил в голосе Фрэнки пренебрежительных ноток, а если и заметил, то пропустил мимо ушей. Нет, хуже, Джойс теперь была совершенно уверена: Фрэнки услышал то, что хотел. «Что я тебе, деньги печатаю, что ли?» — прозвучало с характерным для Степни[70] выговором, а еврейская интонация была как белый флаг. «Все верно, — словно говорил Липман. — Я еврей, и хватит об этом». И Джойс, хотя всего двадцать минут назад чувствовала и усталость, и опустошенность, вдруг воспряла: обрадовалась тому, что занимается подрывной деятельностью. Это британское самодовольство, и в Англии довольно неприятное, здесь было просто невыносимо. Кем они себя возомнили, эти люди, восседающие на складных стульях со

---

[70] Примечания: 70

Степни — рабочий район Лондона.

своим джином-тоником и лондонскими газетами недельной давности, похлопывающие друг друга по спине и несказанно счастливые, что они не ровня местным, евреям или арабам — без разницы? Она не могла понять, почему этот снобизм не претит ни Марку, ни Роберту Киршу, ни даже этому ее новому знакомому Джонни Липману. У всех английских евреев, кроме тех, кто приехал обживать Палестину, на глазах шоры, подумала она. Им так проще живется. Англичане их ненавидят. Фрумкин, при всем его раздутом самомнении, совершенно прав.

— В первом забеге участвуют тяжеловесы. Длина дистанции — пять километров по пересеченной местности. Средний вес — восемьдесят пять килограммов. На первой дорожке полковник Э. Дж. Макнил на Чемпионе. На второй дорожке подполковник Г. Р. И. Фоли на Джимми Джеймсе. На третьей дорожке командир полка Дж. С. Гоггин на Божьей Коровке…

Голос вещал через громкоговоритель, пока не были объявлены все семь наездников. Офицеры натягивали поводья, стараясь угомонить лошадей. Дважды, когда все уже было готово, какая-нибудь из лошадей бросалась вперед до объявления старта, и приходилось начинать все

заново. Публика, человек двести с лишним, начала волноваться, но наконец с третьей попытки дали старт, и лошади сорвались с места, замелькали копыта, вихрем заклубилась пыль.

Липман перебрался на другое место, чтобы лучше видеть единственный прыжок в воду — мелкий прудик с коричневатой водой под низкой насыпью: устроители скачек все-таки понимали, что в стране туго с водой. Джойс осталась одна. Глазами она следила за тем, что происходит на поле, насколько позволяла видимость, но мыслями она витала далеко. В этом маленьком колониальном анклаве ей было крайне неуютно.

— Если друг Эндрю будет продолжать в том же духе, я потеряю пятерку.

Джойс обернулась.

— Фрэнсис Аттил. Старый приятель Джонни. Из яффского участка. — Он протянул руку.

— Джойс Блумберг.

Они смотрели друг на друга.

Аттил рассмеялся:

— Значит, вы меня не помните? Не удивительно. Тогда вы были под хмельком.

Джойс уставилась на румяное, улыбающееся лицо Аттила. Сердце у нее ёкнуло.

— Ах, да, — сказала она. — Рамле. Вы меня от-

пустили, спасибо.

— Знай я, что вы связаны с Джонни Липманом, я бы вас сразу арестовал.

Аттил расхохотался. Но Джойс успела пробормотать:

— Ничего подобного. Никак я с ним не связана.

Но сама понимала, что играет из рук вон плохо.

В километре от них лошади одна за другой беззвучно взмывали — коричневые и серые силуэты появлялись на миг на фоне синего неба — и опускались в воду, поднимая тучи брызг.

Издалека Джойс видела, как Липман оторвался от кучки людей и побежал к тем, что полукругом обступили финиш.

— Подойдем поближе? — предложил Аттил.

Джойс брела позади него по желтой пожухшей траве. Аттил без остановки болтал — о том, что хочет поехать в Америку, у него двоюродный брат в Чикаго, а из какого города миссис Блумберг? Ах да, из Нью-Йорка. Что-то не так, Джойс это нутром чувствовала. Что-то в том, как тараторил этот разбитной молодой человек, было не так.

Джойс коснулась его руки:

— Я отлучусь на минуточку.

Она направилась к палатке, служившей жен-

ской уборной. Взяла одну из баклаг, стоящих на земле, и, полив на руку, ополоснула лицо. В маленьком зеркальце, прикрепленном резинкой к вентиляционной трубе, увидела свое отражение. Неприятно удивили темные круги под глазами. Она слышала, как в соседнюю палатку вошли двое мужчин.

— Говорят, он потерял ногу.

— Неужели? Бедняга Кирш. Вот не повезло. Мне он нравится. Он ведь не такой, как эти… ну, сам знаешь.

— Не такой, как они? Будь у него хоть малейший шанс.

— Всяко, конечно, бывает. Но знаешь, такого и врагу не пожелаешь.

У Джойс часто забилось сердце, к голове прихлынула кровь. Она выбежала из палатки и кинулась назад, к финишу. Лошади неслись по прямой галопом. Толпа дико вопила.

Джойс схватила Липмана за руку, развернула к себе:

— Роберт Кирш. Что с ним?

— Что такое?

Липман все оглядывался. Лидирующие лошади шли ноздря к ноздре. Было слышно, как свищет хлыст по крупу.

Джойс впилась ногтями ему в руку.

— Роберт Кирш. Вы его знаете, ведь так? Должны знать. Где он?

— Гадство! — Липман смотрел на нее как на буйнопомешанную. — Давай, Эндрю! — крикнул он прямо Джойс в лицо, затем вырвал руку и отвернулся — как раз в этот момент Божья Коровка, вырвавшись вперед на полголовы, пересекла финишную линию.

— Он в больнице в Иерусалиме. Уже несколько недель там. — Это произнес Аттил — он стоял поблизости. — Его ранили в прошлом месяце в Абу-Торе.

Джойс старалась сохранять самообладание, хотя ей хотелось кричать.

— Как называется больница? Где она находится?

— Будь оно проклято, — сказал Липман, не обращаясь ни к кому конкретно. — Держи свои деньги.

Он полез было в карман, но Аттил запротестовал:

— Не надо.

— Нет, надо.

У Джойс кружилась голова.

— Отвезите меня туда, — сказала она. «Если вам

от меня что-то нужно, я готова с вами сотрудничать, только отвезите меня к Роберту», — хотела она добавить, но сдержалась.

— Что за черт? — Аттил отпустил Липмана, и тот опять потянулся за кошельком — отдать проспоренную пятерку.

— Хорошо, — сказал Аттил, словно услышал тайные мысли Джойс. — Я отвезу вас в больницу.

Они ехали на «форде» Аттила. Липман отпустил ее без возражений, он даже рад был от нее избавиться. Она сидела, закрыв глаза, откинувшись на кожаную спинку сиденья.

Время от времени Аттил поглядывал на нее. Притворяется ли, что спит, чтобы с ним не разговаривать? Возможно. В любом случае, пусть ее. В том, как она реагировала на новости о Роберте Кирше, не было ни капли фальши.

Джойс проснулась, когда они свернули к Иерусалиму и дорога пошла в гору.

— У вас есть сигарета? — спросила она.

Аттил полез в карман гимнастерки, вытащил турецкую пачку с гаремной девушкой на картинке, сам закурил, затем передал Джойс пачку вместе со спичками.

— Знаете, до войны я ни разу не видел, чтобы

женщина курила, — а теперь все дымят.

Джойс сделала глубокую затяжку. Она была не в силах поддерживать разговор. Все, что ей было нужно, — поскорее попасть к Роберту.

Дорога зигзагами шла в гору, двигатель громко фырчал, пока Аттил выруливал на поворотах, а вокруг — выжженное пространство: валуны, колючки, голая земля, лишь изредка вдали виднелась роща кипарисов и домишки, словно выросшие из скал. Небо, ярко-голубое над Рамле, в предместьях Иерусалима было пергаментно-белым. На такой высоте дневное пекло было бы еще терпимым, если бы не хамсин, который только называется ветром, а на самом деле — волны жаркого воздуха и клубы желтой пыли.

Аттил вытер пот со лба.

— Вы давно знакомы с Робертом Киршем?

Он задал этот вопрос как бы между прочим, но оба знали, что он спрашивает не из чистого любопытства и что это только первый из множества вопросов, которых не избежать.

— Мы познакомились в начале лета, вскоре после того как приехали, — ответила Джойс.

Она сделала глубокую затяжку. Такое чувство, что «начало лета» было вечность назад. Вот Марк едет на велосипеде, осторожно придерживая еще

сырые холсты, она в смятении, но виду не подает, и вдруг — не успела она оценить бесконечную прелесть нового жилища, хотя, конечно, учитывая ее душевное состояние, красота эта служила слабым утешением — человек с ножом в сердце вваливается к ним в сад. Потом был Роберт Кирш. Но она не могла всего этого объяснить Аттилу, да и зачем?

— А майор Липман — ваш новый знакомый?

— Верно.

— У вас много друзей в армии и полиции.

— Как и у вас, — парировала Джойс.

Аттил улыбнулся.

Джойс смотрела прямо перед собой на голые склоны — ни дать ни взять скелеты гор, с которых содрали всю зелень. Молочные реки с кисельными берегами? Надо же придумать такое? Фрумкин! Питер Фрумкин знал про Роберта и ничего ей не сказал. «Неудивительно», — бросил он, когда она пожаловалась, что Роберта не видно, не слышно. Будь в комнате тогда посветлее, она бы догадалась по его лицу. Фрумкин знал, что Роберт ранен, весь Иерусалим об этом знал, только она пребывала в неведении, потому что отсиживалась в Яффе либо развозила винтовки для Фрумкина. Надо же быть такой идиоткой! А

Роберт остался без ноги, бедный одинокий мальчик, который и мухи не обидит. Но кто в него стрелял? Она почувствовала, как внутри поднялась волна и вот-вот снесет хлипкую дамбу.

— Остановите! Остановите, пожалуйста, — взмолилась Джойс.

— Здесь нельзя останавливаться, слишком опасно. Мы на повороте.

Лицо Джойс стало белым, как ее платье.

— Тогда помедленнее.

Аттил сбавил скорость. Джойс высунулась из окна: каменный мир поплыл у нее перед глазами, ее вырвало.

Через полкилометра начался участок ровной прямой дороги, и Аттил остановил машину. Он перегнулся через сиденье, взял с пола вещевой мешок, достал из него флягу с водой:

— Держите.

Белое платье Джойс было заляпано рвотой. Она поднесла флягу к губам.

— Много сразу не надо, — предупредил Аттил. — Понемножку. Возможно, у вас легкое обезвоживание. Здесь нужно все время пить.

— Спасибо.

— На таком серпантине кого хочешь укачает.

— Мне уже лучше.

Аттил опять пошарил под задним сиденьем и достал сухую тряпку. Джойс взяла ее, свернула, запрятав внутрь масляное пятно, смочила водой из фляжки и принялась оттирать платье, но мелкие коричневые пятна оттереть не удалось.

— Мне уже лучше, — повторила она.

— У меня такое ощущение, что вы мне хотели что-то сказать.

Джойс продолжала водить тряпкой по платью.

— Возможно, — ответила она. — Но сейчас забыла что.

Больница напоминала сонное царство, как обычно бывает в конце дня. Во время шабата в коридорах оставалось несколько человек дежурных, но Джойс показалось, что и сюда проникла удушающая белизна, накрыв всех сонной волной. Она кинулась к справочной, а чувство было такое, словно пробирается в толще воды. Средних лет женщина, ярко-рыжая, с веснушчатым лицом, что-то писала в регистрационном журнале.

— Я ищу Роберта Кирша. Капитана Роберта Кирша.

— Подождите минуточку. Мне надо закончить с этими людьми.

Джойс оглянулась. На скамейке сидела чета ортодоксальных евреев. Женщина плакала,

уткнувшись лицом в сюртук мужа, тот пытался ее успокоить.

— Пожалуйста, присядьте.

Джойс не выдержала и минуты, вскочила и принялась ходить по больнице, расспрашивая о Роберте всех, кто попадался ей на глаза. Аттил ходил за ней следом и извинялся перед озадаченными медсестрами — Джойс, не дослушав ответа, шла дальше.

Она свернула в тускло освещенный коридор, в дальнем его конце кучкой стояли врачи и медсестры. Когда она подошла к ним ближе, из палаты в коридор выкатили узкую койку. У одной медсестры в глазах стояли слезы. Тело на койке было накрыто простыней и занимало чуть больше половины матраса.

— Извините за беспокойство, — сказала Джойс. — Я ищу Роберта Кирша.

Один из врачей обернулся к ней, глянул сердито, досадуя, что его прервали. И продолжал разговор с медсестрой:

— Хорошо. Разумеется, я с ними поговорю. Где они? В холле?

Потом повернулся к Джойс, смерил Аттила быстрым взглядом.

— Что вы хотите?

Джойс повторила вопрос.

— Его здесь нет. Доктор Бассан его вчера выписал. Отправил домой.

— Домой? Куда домой? В Англию?

Врач пожал плечами:

— Ну, туда, где он живет.

Пришел санитар, чтобы отвезти тело.

Джойс вглядывалась в коридорную мглу, как будто оттуда вот-вот появится Роберт и пойдет ей навстречу.

Санитар меж тем толкал койку на колесиках.

— Сколько лет? — поинтересовался Аттил.

— Девять, — ответил врач. — Девочка. — И воздел вверх руки — жест безысходности.

33

Автобус, в котором ехали Кирш и Майян, подался к обочине, пропуская бронированный автомобиль. В открытом кузове сидело полдюжины индийских солдат, направляющихся в лагерь в Рош-Пинне. Их привезли в Палестину как подкрепление на случай новых волнений. Кирш наклонился к окну, чтобы поглядеть на них. У солдат были каменные лица. В Наблусе у автобуса лопнула шина, и они смогли продолжить путешествие только на рассвете. Ночь Кирш провел плохо: затекала нога, он старался держаться прямо, но то и дело задремывал, склонив голову Майян на плечо. Вспоминал увиденное по пути: костры, горящие вдоль дороги, крики. В дороге он гнал от себя все тревоги, но, когда он наконец задремал, ему привиделся мятеж, который он не сумел предотвратить. Он не знал, сколько прошло времени, кажется, он опять умудрился заснуть. Однако Майян. в легком голубом платье, выглядела такой же бодрой, как когда они садились в автобус в Иерусалиме. На коленях у нее лежала широкополая соломенная шляпа с красной лентой. Палочку, выданную в больнице,

Кирш положил на пол, под сиденье.

Автобус следовал за бронированным автомобилем, пока тот не свернул направо к казарме. Один солдат придерживал на голове берет, чтобы не сдуло.

— Вот мы и приехали, — сказала Майян.

— Слава Богу, — ответил Кирш.

Водитель затормозил. Впереди, на склоне холма, виднелась колония пионеров-переселенцев: маленькие домики, сложенные из каменных блоков, в окружении молодых эвкалиптов — они сильно пахли, но почти не давали тени. Кирш глянул на узкую тропинку, что змейкой тянулась вверх. У него не было уверенности, что по такой жаре он сумеет добраться до вершины — с тех пор, как они остановились, жара резко усилилась, а будет еще жарче.

Кирш и Майян подождали, пока другие пассажиры — две монахини и многочисленное арабское семейство — вылезут из автобуса, затем Кирш медленно поднялся. Выпрямляя ногу, поморщился от боли. Майян вышла первой, спустилась на землю и подала ему руку, но он сделал вид, что не заметил. Поблизости в тени сосен стояла гостиница с беле ними стенами. Майян указала на нее.

— Можете здесь переночевать, — сказала она, понимая, что Киршу трудно карабкаться в гору. — Утром, когда будет попрохладнее, я спущусь и помогу вам подняться наверх.

— А вы? Где живет ваша подруга Роза?

— Она работает в усадьбе. — Майан указала на большой дом на вершине холма, — в администрации колонии. Она и живет там же, ей комнату выделили. Но если вы богатый турист, можете выпить чаю у них на террасе.

— Хорошо, — ответил Кирш. — Если сумею туда взобраться, я так и сделаю. На самом деле я не я, если туда не долезу. А раз уж я такой богатый, приглашаю и вас на чаепитие.

— С удовольствием.

Теперь, когда закончилась их совместная поездка, ненадолго их сблизившая, Кирш чувствовал себя немного неловко. Решение поехать с Майян он принял впопыхах, и теперь ему было странно оказаться на этом аванпосту переселенцев. Хотя все в Рош-Пинне было устремлено в будущее, он чувствовал себя так, словно попал в прошлое или вообще в безвременье. Но все равно он был рад, что Майян рядом, ему нравилось ее открытое лицо, острый ум. Казалось, она может разом решить все его проблемы — хотя, разумеется, это

не в ее силах.

— Я провожу вас до гостиницы, — сказала она и подхватила оба саквояжа, свой и Кирша.

Он робко запротестовал, но она действовала решительно — медсестра как-никак, — а он за недели болезни уже привык слушаться.

Майян надела соломенную шляпу, и они пошли к гостинице.

— Вы всех подбадриваете, — спросил Кирш, — или только меня?

Майян поставила саквояжи между двумя большими кадками с розовой и белой мимозой.

— Вы со мной заигрываете?

— Не уверен.

Беленые стены в номере слишком напоминали больничные, но у Кирша не было выбора. Во всяком случае, здесь чисто, и кровать удобная. Его проводила сюда девочка с длинными косами, словно сошедшая со страниц сказки братьев Гримм. Она была дочерью владелицы, застенчивой польской еврейки с необычно длинным тонким лицом и светло-зелеными глазами. Пока Кирш расписывался в книге постояльцев, отец девочки сидел в углу на табуретке и громко хрустел соленым огурцом. Напротив него араб средних лет, в черном тюрбане и кафтане, прихлебывал

кофе из крохотной чашечки, а стол перед ним был завален грязной посудой. Похоже, кроме Кирша, других постояльцев здесь не было.

Он лежал на кровати и ждал. Майян отправилась искать Розу: если та свободна, девушки вернутся, и они вместе поужинают, в противном случае Майян придет одна. Кирш снял рубашку и брюки и повесил их на стул. Он бы и поспал, если бы не комар, гудевший над ухом. Кирш хлопнул по щеке, гудение прекратилось, но только на краткий миг. Он сел на кровати и взглянул на ссохшуюся ногу, тонкую, как прут, и белую, как кость. Мелькнула мучительная мысль: может, он и приехал в Палестину для того, чтобы получить увечье, хотел повторить судьбу брата, а вовсе не избежать его участи? Что ж, в таком случае он получил то, что хотел, и теперь знал, как и все побывавшие на войне, что игра не стоит свеч. Лежа на кровати, он тщетно боролся с жалостью к себе: Филоктет и его гнойная рана[71]. Натянул простыню до самого подбородка, но как укрыться от всего, что случилось в последние месяцы?

---

[71] Примечания: 71

Филоктет — в греческой мифологии царь города Мелебеи. Принял участие в походе под Трою, однако в пути его ужалила змея, и, так как от незаживающей раны исходило нестерпимое зловоние, ахейцы оставили его на острове Лемнос.

Перед тем как раздеться, он ссыпал все содержимое карманов в стеклянную пепельницу на прикроватном столике: ключ от иерусалимской квартиры, несколько монет и пуговицу, найденную во дворе Блумберга: ее он хранил теперь скорее как талисман, а не как улику. Медсестра в Шаарей-Цедек выложила ее из брючного кармана, когда разрезала на нем штанину, чтобы высвободить ногу. Он протянул руку, взял пуговицу, посмотрел на герб и опять положил в пепельницу. Возможно, Джойс лгала ему с самого начала. Вспомнил, как она гладила военного по затылку, и его бросило в жар.

Прошло немного времени, он встал с кровати и подошел к окну. В начале поездки Майян ему сказала, что по весне здешние холмы сплошь покрыты красным льном и голубым шалфеем и что когда она, всего через несколько дней после приезда в Палестину, впервые сюда попала, здесь был сплошной зеленый ковер, испещренный кремовыми и желтыми цветочками. Когда Кирш смотрел на выжженные солнцем поля, каменистые и пыльные, подрагивающие в знойном мареве, трудно было даже представить себе подобное буйство красок. Может, это оттого, что он утратил способность воспринимать красоту

и радоваться ее проявлениям? С тех пор как с ним случилось несчастье, он видит во всем — и в собственной душе, и в жизни других — только мрачную сторону. И люди как Майян, внешне такие жизнерадостные, вызывали у него недоверие: копни поглубже, думал он, а там беда на беде.

Кирш смотрел из окна на дорогу. Там, где автобус высадил пассажиров, горделиво стоял одинокий аист, будто ожидая следующего маршрута в город. К гостинице подкатил бронированный автомобиль, Кирш его уже видел раньше. Судя по всему, солдаты-индийцы сошли в лагере, остался один водитель. Ему вдруг отчаянно захотелось перемолвиться словом хоть с каким соотечественником — вот уж чего не ожидал. Он натянул брюки — нелегкая задача, учитывая, что колено еле сгибалось, — накинул рубашку и босиком вышел из номера. Опираясь на палку, поспешил к гостиничному холлу, но когда доковылял, водитель-британец, кряжистый коротышка с копной рыжих кудрей, уже шел обратно к автомобилю, держа в каждой руке по открытой бутылке пива и отхлебывая из них поочередно. Судя по румянцу, это была не первая его выпивка за этот день.

— Эй, — прокричал Кирш. — Ты из лагеря?

Водитель обернулся, спрятал бутылки с пивом

за спину и смерил Кирша суровым взглядом. Кирш заметил у него на рубашке сержантские нашивки.

— Допустим, а тебе что за дело?

— Да так. Просто ищу, с кем бы выпить.

— Вот как… — Сержант с подозрением смотрел на Кирша.

— Слушай, мне до лампочки, — Кирш кивком указал на бутылки.

— До лампочки ему… А вообще-то тебе какое дело?

Кирш только пожал плечами. Нелепая ситуация: сначала человек напрашивается в компанию, а потом признается, что он полицейский.

— Слушай, инвалид, ты чего ко мне привязался?

Он подошел к бронированному автомобилю и сел за руль.

— Погоди минутку! — крикнул Кирш. — По-моему, мы с тобой встречались. Ты был в иерусалимском участке? Ты случайно не приятель Сэма Картрайта?

Сержант уже собирался повернуть ключ зажигания, но передумал и обернулся к Киршу. На лице мелькнула слабая улыбка узнавания:

— А, так это ты та сволочь, из-за которой его

подстрелили. Что ты здесь делаешь? Хотя мне на это плевать.

— Подстрелили из-за меня? Вот уж… — Кирш хотел сказать: «Подстрелили как раз меня», но было уже поздно. Сержант запустил двигатель.

— Сукин сын! — крикнул он, отъезжая. — Лучше выпью со своими негритосами.

Кирш вернулся в номер, уселся на железную кровать, подложив под спину подушку, и стал ждать возвращения Майян. Ему даже не пришло в голову прихватить с собой в дорогу какую-нибудь книгу. Где-то возле гостиницы работник опорожнял мусорный бак. Слабый запах мимозы, доносившийся из открытого окна, сменился другим, горьким: кто-то разбил бутылки с пивом возле лондонского паба.

Ему снилась старая еврейка в лоснящемся парике и кашемировой шали. Лицом она чем-то напоминала его мать, она сидела в кабинке паба и рассказывала о своих планах открыть в Палестине фабрику по изготовлению мухоловок. Дело верное, — рассуждала она, — ведь в стране тучи мух. Кирш сначала загорелся этой идеей, но потом стал ее отговаривать. Кто тогда присмотрит за ним и его братом? Они ведь еще маленькие. Не смогут о себе позаботиться.

Его разбудил настойчивый стук. Майян звала его.

— Минуточку, — ответил Кирш.

Он пошел открывать. Майян была одна. Кирш окинул ее затуманенным взглядом. Она вымыла голову и по-новому причесалась: блестящая черная коса струилась у нее по спине. Пока Кирш спал, на улице почти стемнело и только маленькие янтарные угольки тлели над далекими горами.

— Можно войти?

На ней было белое платье, которое она надевала в гости к Бассану. Кирш подозревал, что нарядов у нее не так уж много.

Майян ему улыбнулась. Несмотря на то что она жила в Палестине уже не первый месяц, лицо у нее было бледное (Кирш обратил внимание, что она не выходит на улицу без шляпки), а губы по контрасту казались ярко-пунцовыми.

Он распахнул дверь. Она вошла в комнату и присела на краешек кровати. Он подошел к раковине в углу, ополоснул лицо и стал искать полотенце.

— А Роза где?

— Она еще на работе. Может, попозже подойдет.

Майян потрогала стеклянную пепельницу на прикроватном столике. Взяла ключи, затем положила на место.

Кирш шагнул к ней.

— Где тут можно перекусить? — спросил он, но прежде, чем она успела ответить, нагнулся и поцеловал ее. Поцелуй вышел неуклюжим. Чтобы упростить задачу, Майян встала. Он снова ее поцеловал.

— Подожди.

Она отстранилась, расстегнула крючки и пуговицы на платье и стянула его через голову. Кроме платья, на ней ничего не было.

Кирш наблюдал, как она вешает платье на спинку стула.

— Чтобы не помялось.

Подом подошла к Киршу, он обнял ее. Маленькие груди прижались к нему вплотную.

— Давай я тебе помогу, — сказала она. — Сядь.

Она расстегнула ремень и пуговицы ширинки, сняла с него брюки.

Кирш лежал на кровати. Комнату освещало только вечернее небо, пригоршня звезд едва разгоняла черноту. Кирш погладил Майян по голове. Волосы у нее были еще влажными. Она стала нежно целовать его тело, опускаясь все ниже и

ниже. Но еще до того, как дойти до пылающей точки, приподнялась и поцеловала его иссохшую ногу — нежно и бережно. Позднее, когда она заснула рядом, уткнувшись в подушку, в матовом лунном свете он увидел белые шрамики, лесенкой прочерченные у нее на спине.

34

— С этим нельзя!

Молодой солдатик, недавно заступивший на пост у ворот губернаторской резиденции, указывал ружьем на завернутую в мешковину картину в машине Блумберга.

— Мне только доставить.

Блумберг знал, что мало похож на курьера: лицо в многодневной щетине, волосы в песке.

— Что там?

— Картина для губернатора. Он будет недоволен, если вы меня не пропустите.

— Неужели?

— Слушайте, я знаю, что его нет. Он уехал в Дамаск.

— Откуда вам это известно?

— Оттуда.

— Ладно, покажите, что там у вас.

Охранник подошел к машине. Блумберг развязал веревки, намотанные поверх грубой мешковины. Едва показался коричневато-красный угол край картины, охранник умерил свой пыл:

— Хорошо, достаточно. Можете оставить это здесь у ворот.

— Еще не хватало.

— Тогда поезжайте домой и возвращайтесь с пропуском.

Блумберг хотел было сказать: пусть позовет кого-нибудь из начальства, с какой стати с него пропуск требуют? Но промолчал. Он не должен вступать в переговоры ни с кем, кроме Росса. Ведь неизвестно, знает ли кто-нибудь еще про Сауда: лучше избежать неудобных вопросов.

— Не подскажете, когда возвращается сэр Джеральд?

Постовой сделал вид, что не слышал.

— Я не ожидал…

— Проезжайте. Вы мешаете другим.

Дорога позади Блумберга была пуста. А мешал он разве что солнечным лучам — пробиться к затененному пятачку перед капотом. Блумберг подал машину назад и развернулся. Придется Фредди Пику подождать своего «форда» еще несколько дней.

Блумберг вернулся домой в Тальпиот. Поставил «форд» возле калитки, достал картину и отнес ее в сад, прислонив к извилистому стволу оливы. Затем вернулся к машине за книгами, которые дала ему мать Сауда. Он не был готов объясняться с Джойс и, когда открыл дверь и убедился, что ее

нет дома, даже обрадовался.

В комнате за время его отсутствия мало что изменилось, все тот же беспорядок: постель смята, одежда Джойс разбросана по полу. В раковине грязная тарелка, под стулом две пустые винные бутылки. Рядом с кроватью Блумберг обнаружил и третью, недопитую, и сделал добрый глоток. Сел на краешек матраса, достал из кармана письмо Де Гроота и стал его перечитывать раз, наверное, в четвертый или пятый. Пробежал глазами по машинописным строчкам, которые успел выучить чуть не наизусть: «…исходя из нынешней ситуации я настоятельно прошу вас… оружие, которое сионисты поставляют в Палестину с намерением… желателен мой безотлагательный отъезд из Иерусалима… возможно только на короткое время… моя жизнь в опасности… ясно показывает, что я не пользуюсь авторитетом у местных представителей Его Величества… причины, по которым я обращаюсь непосредственно к Вам… как бы Вы не отреагировали на предупреждение… обязан сказать, что медлить нельзя… оружие прибывает через порт Хайфы, но я точно не знаю… прошу Вас проявить бдительность… Ваш покорный слуга…» Вместо подписи было пустое место: судя по всему, Де Гроот подписал

только оригинальное письмо, перехваченное убийцами. Де Гроот знал о поставках оружия. Знал, что группа радикальных сионистов замышляет серию убийств, чтобы поднять мятеж. Знал, что теперь охотятся за ним.

Блумберг встал и принялся подбирать разбросанные вещи Джойс, складывая их горкой на стуле. Нужно было привести в порядок мысли и решить, как быть дальше. Но это проще сказать, чем сделать. Он провел в Петре всего несколько недель, но успел отвыкнуть от дома, и это усугубляло общее состояние растерянности. Он бродил по комнате, точно это хлипкая декорация, ткни стену — и все развалится. И если в первые дни по приезде из Англии бьющий в окна иерусалимский свет был для него чересчур резок, то теперь он находил его по-весеннему мягким по сравнению со слепящим блеском пустыни. В затененных углах комнаты, между сундуками и кроватью, он пробирался ощупью, точно слепой. Лицо у него горело, в висках пульсировала боль. У него подкашивались ноги, он чуть не упал, встал на четвереньки. Пол кружился перед глазами, превращаясь в зыбучий песок, утягивающий, вязкий. Кое-как дополз до угла, где стояли его картины. Развернул одну к себе лицом. Неболь-

шая работа, законченная всего три месяца назад, приличная, не более того. Пейзаж был передан точно, но полета не чувствовалось.

Он собирался было сходить в сад за последней картиной, как вдруг услышал шаги на дорожке. Дверь распахнулась. Блумберг ожидал увидеть Джойс, но в комнату вошел высокий широкоплечий мужчина с копной светлых волос.

— Кто вы такой?

Вопрос этот задал вовсе не Блумберг, а Фрумкин.

— То же самое я мог бы у вас спросить.

Фрумкин посмотрел на взъерошенного Блумберга, на его опаленное солнцем лицо.

— Бог ты мой. Вы, наверное, муж. Только что вернулись?

— Если я муж, то вы, должно быть?..

— Нет-нет. Ничего такого. Я Питер Фрумкин из кинокорпорации «Метрополис». Джойс у меня на подхвате. Сногсшибательная женщина. Жаль, я не был с ней знаком в начале съемок. У меня половина группы — бестолочи. Ваша жена — настоящая находка.

— Именно по этой причине вы чуть не высадили дверь?

— Прошу прощения. Вы знаете, здесь туго с

вежливостью, волей-неволей заразишься.

Фрумкин оглядел комнату, будто Джойс могла притаиться где-то в углу. Его взгляд упал на листок бумаги, лежащий на постели. Блумберг на миг весь похолодел, затем быстро схватил письмо Де Гроота и сунул в карман. Если Фрумкин и заметил, как Блумберг всполошился, то виду не подал.

— Джойс скоро вернется?

— Понятия не имею, — пожал плечами Блумберг, а сам тем временем скомкал в кармане письмо.

Не дожидаясь приглашения сесть, Фрумкин плюхнулся на кровать, откинулся на подушки, заложив руки за голову.

— Ну, чем промышляете на Святой земле?

У Блумберга чуть отлегло от сердца.

— Земля меня интересует, святость — не очень.

— Вы просто читаете мои мысли. Говорите на иврите?

— Ни слова.

— И зря. Это язык будущего. — Фрумкину как-то удавалось сочетать непринужденность с настырностью.

— То есть, по-вашему, евреи добьются успеха?

— Мы всего добьемся, — сказал Фрумкин твердо.

Блумберг улыбнулся.

— Ну да, я сказал «мы». Удивляюсь я на вас, британцев. Вы нас в упор не видите. Но спорим, ваши чопорные островные дружки за две секунды докопаются, что вы еврей.

— Это точно.

На улице дневную тишину нарушил рокот легкомоторного самолета.

— Вам с женой досталось из-за этого происшествия с Де Гроотом. В свое время об этом много говорили в городе.

Блумберг старался сохранять спокойствие. Кто этот человек? Добродушный болтун или здесь все не так просто?

— Правда? А я и знать не знал, что мы знаменитости.

— Поймали убийцу?

— Вы лучше меня в курсе.

Фрумкин кивнул. Он поднялся с кровати, указал на картины у стенки:

— Можно взглянуть?

— Да пожалуйста.

Фрумкин стал рассматривать картины, передвигая их, как вешалки в гардеробе. Остановился

на одном из ранних заказов Росса.

— Не думал, что вы церковный человек. Но вы ухватили суть этого печального места. Шотландский хоспис, верно? Почему вы не пишете портреты жены? Она красивая.

Блумберг предпочел не отвечать.

Фрумкин встал.

— Ладно, пойду я. Кстати, у вас листка бумаги не найдется? Оставлю Джойс записку.

Инстинктивно Блумберг сжал в кармане скомканное письмо.

— Можете передать мне на словах. Думаю, она скоро вернется.

Издали донеслось фырчание двигателя. Сначала Блумберг подумал, что это опять самолет, однако звук приближался.

— Может, это она наконец, — сказал Фрумкин.

Двигатель заглох, с шумом распахнулась калитка, послышался звук голосов.

Фрумкин метнулся к двери, распахнул ее. По дорожке шла Джойс, рядом с ней мужчина в форме британского офицера, но не Липман.

Вслед за Фрумкиным Блумберг вышел на крыльцо.

— Марк!

Джойс подбежала к Блумбергу, повисла у него

на шее. Впервые за этот год он обнимал ее с непритворной радостью.

Аттил и Фрумкин наблюдали за семейной встречей, Аттил — с легким смущением, Фрумкин — настороженно.

Джойс, заметив Фрумкина, высвободилась первой. Но спросить ни о чем не успела, Фрумкин опередил ее:

— У меня ничего важного. Это не срочно.

Джойс смотрела на него с ненавистью. Она бы с удовольствием плюнула ему в лицо, но знала, что этого делать нельзя.

— Но вы же хотели… — начал Блумберг.

— Ладно, это несущественно, — перебил его Фрумкин. — Опаздываю на встречу в американской колонии. Они хотят посоветоваться насчет продажи фильмов туристам.

Потом обернулся к Аттилу:

— Вы знакомы с Джерри Россом? Мой добрый приятель. Я тоже состою в его обществе «За Иерусалим». Передайте ему привет от Питера Фрумкина из «Метрополиса».

Аттил кивнул, слегка сбитый с толку.

Фрумкин удалился. А через некоторое время они услышали, как он заводит мотоцикл, должно быть оставленный в эвкалиптовой рощице мет-

рах в ста от калитки.

Блумберг заметил, что платье у Джойс запачканное, а глаза красные не то от слез, не то от усталости. Она рухнула на садовый стул.

— Ну, — сказал Аттил, — я вас покидаю. Господин Блумберг, рад был познакомиться. Надеюсь, ваша поездка на юг была плодотворной. Я большой ваш почитатель.

Он взглянул на Джойс:

— А с вами мы еще побеседуем, в самое ближайшее время.

Они вернулись к началу: опять вдвоем в заросшем саду, опять, как тогда, доносится протяжное пение муэдзинов из соседних арабских деревень. Повеяло вечерней прохладой. Блумберг взял с кровати одеяло, накинул на плечи Джойс. Солнце садилось без обычной помпезности, а может, они просто его не замечали. Картина, завернутая в мешковину, так и стояла под деревом. Блумберг принес из дому початую бутылку вина, и теперь они передавали ее друг другу, прикладываясь по очереди. У него была пачка «Люблинера», и Джойс курила сигареты одну за другой, пока не осталась последняя. Блумбергу хотелось рассказать про Сауда и про письмо Де Гроота, но Джойс выглядела такой измученной, что он решил от-

ложить разговор на потом.

Наконец она сама заговорила.

— В Роберта Кирша стреляли, — сказала она.

— Я в курсе. Он в Шаарей-Цедек. Но ведь все обошлось.

— Откуда ты знаешь?

— Его родственница была проездом в пустыне, обычное дело…

Джойс улыбнулась и сама удивилась, что еще способна на это.

— В общем, она заехала ко мне и рассказала последние иерусалимские новости.

— Я хочу его найти, — голос Джойс дрогнул, — то есть если он еще здесь. Из больницы его выписали. Возможно, он уже на пути в Лондон. Но я должна найти его.

— Значит, ничего не изменилось.

— То есть?

— То есть ты в него влюблена.

— Это что-то новенькое, потому что, когда ты уезжал, я не была в него влюблена.

— Но теперь любишь.

— Не знаю. А тебе не все равно?

— Возможно, ты мне не поверишь, — ответил Блумберг, — и имеешь на то полное право, но мне не все равно.

Джойс била озноб, хоть она и закуталась в одеяло. У нее возникло такое чувство, будто за ней наблюдают, хотя посторонних поблизости не было.

Блумберг подошел к картине:

— Завтра я тебе все покажу. Это надо видеть при дневном свете.

Он отнес завернутое полотно в дом и поставил у стены. Когда он вернулся, Джойс на месте не оказалось — она отбежала в дальний угол сада, присела на корточки в высокой траве. Было слышно, как журчит струйка мочи.

Потом пошла обратно к дому, намокший подол платья лип к ногам.

— Чем занималась без меня? — спросил Блумберг. — Не считая влюбленностей.

— Да ничем. Ничем особенным.

Она села к нему на колени, склонила голову на плечо. Он обнял ее, вдыхая миндальный запах ее кожи, провел рукой по спутанным волосам.

— Мне очень жаль, — шепнул он. — Правда.

На ее лице блестели слезы.

— Не плачь, не надо, — сказал он и только потом понял, что эти слезы из-за него. — Я должен был раньше тебя освободить.

Джойс поцеловала его в лоб.

— Не знаю.

Потом встала и направилась к дому. Блумберг пошел за ней. Стоя в сторонке, смотрел, как она зажигает лампу.

— Я знаю, кто убил Де Гроота, — сказал он. — Сауд тут ни при чем, это сделали евреи.

— Какие евреи? — переспросила Джойс. Она, похоже, ничуть не удивилась.

— Евреи, которым нужно было, чтобы он замолчал.

Он достал из кармана скомканный лист бумаги и стал его расправлять на кровати.

— Почитай вот это.

Джойс, похоже неохотно, взяла письмо. Поднесла поближе к свету.

— Евреи убивают еврея, — говорил Блумберг, пока она читала. — Это же ни в какие ворота не лезет…

Джойс держала письмо почти над самой лампой, уголок едва не касался пламени.

— Ты что творишь? — испугался Блумберг.

Она опускала руку с листком все ниже к огню, но в последний миг, передумав, убрала от лампы.

— Что собираешься делать? — спросила она.

— Отдам его Россу, когда вернется. Вместе с

этим. — Он извлек из кармана серебряную пуговицу и показал ее Джойс: — Де Гроот сорвал ее с одежды убийцы. Сауд нашел ее в нашем саду.

Джойс взяла пуговицу, с минуту подержала ее на ладони и вернула вместе с письмом. В какой-то миг Блумбергу показалось, что она хочет сжечь письмо. Или нет?

Джойс села на кровать. На стене у нее за спиной колыхалась гигантская тень.

— Помоги мне найти Роберта Кирша. Пожалуйста, Марк! Мне некого больше просить. Это очень важно.

Блумберг на минуту задумался, затем нагнулся и подобрал с пола страницу «Палестинского бюллетеня», о которую вытирал кисти. Поднес запачканную краской газету поближе к свету.

— *«Муж разыскивает пропавшего любовника жены»*, — прочел он.

Они заснули не раздеваясь, а потом, проснувшись, вдруг сорвали с себя все и набросились друг на друга, отчаянно и исступленно. Наутро казалось, что все это было во сне, а не наяву. Блумберг был близок с женой впервые за много месяцев и, возможно, в последний раз в их совместной жизни. Потом они лежали рядом, в поту и сперме — кажется, Джойс прижималась к нему, засыпая,

потом он к ней. На рассвете Блумберг натянул на них тонкое одеяло, а когда во сне Джойс повернулась к нему спиной, обнял ее и нежно поцеловал в шею.

Их разбудил громкий стук в дверь, Блумберг натянул шорты и пошел открывать — солнечные блики, как желтые птички, метались у него под ногами.

Вернулся Аттил с двумя полицейскими.

— Прошу прощения, — сказал он, — но мы за госпожой Блумберг, хотим ей задать пару вопросов. Пожалуйста, не беспокойтесь. Надеюсь, это не займет много времени.

— Вопросов о чем, позвольте спросить?

Джойс сидела на кровати, кутаясь в простыню.

— Сейчас выйду, — произнесла она чуть ли не с облегчением.

Аттил вывел своих людей, чтобы она смогла одеться.

— Объясни скорей, что происходит, — сказал Блумберг.

— Не могу, — ответила она, впопыхах надевая заляпанное белое платье, в котором была накануне. — Марк, найди Роберта Кирша. Пожалуйста. Я знаю, он может мне помочь, и кроме того, я должна ему кое-что рассказать.

— Помочь в чем? Что ты натворила?

Аттил забарабанил в дверь и слегка ее приоткрыл:

— Госпожа Блумберг, вы готовы?

Джойс поцеловала Блумберга в губы.

— Найди его, — сказала она и выбежала навстречу конвою.

Блумберг вышел следом: Джойс уже бежала к полицейской машине, двое разморенных полицейских едва за ней поспевали — такая перестановка ролей выглядела почти комично. Блумберг что-то крикнул ей вслед, но она даже не оглянулась. Он попытался прорваться сквозь кордон из двух широкоплечих полицейских, преградивших ему дорогу:

— Как вы смеете! Что, черт побери, вы делаете? Джойс! Джойс! Сволочи.

Аттил шепнул конвойному, чтобы придержал Блумберга — тот уже лез в драку. Остальные залезли в машину. Полицейский повалил Блумберга на землю и быстро запрыгнул в машину.

«Форд» дал задний ход. Блумберг поднялся на ноги и кинулся к своей машине, чуть прихрамывая и путаясь ногами в высокой траве. В отчаянии поднял большой камень и запустил им в облачко пыли на дороге. «Форд» был уже далеко. Включил

зажигание. Двигатель несколько раз чихнул и заглох. Чувствуя полную беспомощность, тупо уставился перед собой. Во что Джойс могла вляпаться? Неужели он не заметил чего-то настолько очевидного, что всем бросалось в глаза? Может, из-за романа с Робертом Киршем натворила дел? Все это не укладывалось у него в голове. Он достал из кофра с инструментами заводную ручку, подошел к капоту и три раза крутанул двигатель, тот взревел и умолк. Что в машине нет бензина, Блумберг сообразил только спустя десять минут.

Блумберг добрался до полицейского участка лишь через два часа: всю дорогу до центра города шел пешком. Он весь взмок, в горле пересохло. В приемной толпился народ, говорили сразу на трех языках. Разгоряченные просители, евреи вперемешку с арабами, осаждали окошко дежурного, требовали, умоляли, размахивали бумагами. В этом гаме Блумберг едва различал собственный голос. Когда ему наконец удалось пробиться вперед, сидевший за столом сержант, угрюмый и безразличный, заявил, что Джойс сюда не доставляли и он не знает, где она может быть. Он предложил Блумбергу посмотреть, не стоит ли возле участка автомобиль Аттила. Блумберг так и сделал, но машины нигде не было

видно. Блумберг вернулся в приемную и опять протолкался к окошку:

— Где мне найти капитана Кирша? Хоть это подскажите.

— Кирша? Понятия не имею. Может, в еврейской больнице.

Из глубины комнаты кто-то окликнул сержанта по-английски:

— Эй, Мэтьюс, что там с понедельничной аварией?

Сержант вместо ответа поднял вверх два пальца.

— Кто-нибудь здесь в курсе, где он? И где мне найти свою жену?

Мэтьюс, с недовольной гримасой, крикнул полицейскому, только вошедшему с улицы:

— Чарли, случайно не знаешь, где сейчас наш капитан Кирш?

— Говорят, отправился на Кипр с симпатичной медсестрой.

— Источник надежный?

— В этом-то поганом месте?

Мэтьюс опять переключился на Блумберга:

— Ну, вот вам и ответ. — Он подмигнул. — Иногда стоит получить пулю.

Мужчина, напиравший сзади на Блумберга,

просунул руку в окошко и выложил кучу бумаг. Этот уловкой воспользовались и другие, и Блумберг моментально стал походить на осьминога — вместо щупальцев вокруг него колыхались руки облепивших его незнакомцев.

Он выбрался из толпы и направился к выходу. Куда увезли Джойс? Может, ее уже выпустили, может, все это лишь недоразумение, и, пока он шел сюда из Северного Тальпиота, она уже вернулась домой? Но как они могли разминуться? Он не встретил по пути ни единого автомобиля. Так он шел в задумчивости, не глядя по сторонам, как вдруг набрел на кучку художников: здесь давали уроки пленэра. Возле Яффской дороги дюжины две учеников — мужчины в длинных шортах цвета хаки и белых рубашках-апаш, женщины — в хлопчатых платьях — расставили свои мольберты. Он поневоле засмотрелся на их работы, отвлекшись от печальных мыслей, и, пока ходил от одного мольберта к другому, ему то и дело хотелось вмешаться: там исправить линию, там добавить мазок. Это было безумие. Он купил в ларьке фруктовый лед и сел на скамейку: надо было все хорошенько обдумать. С противоположной стены, с потрепанного плаката, на него глядели двое улыбающихся переселенцев,

мужчина и женщина — она с граблями, он с киркомотыгой. Мужчина, одетый с иголочки, больше походил на английского джентльмена, отправившегося на пикник, на женщине была юбка до колен и блузка, голова повязана косынкой. На заднем плане зеленели поля, тщательно вспаханные и засаженные кукурузой. А сбоку в долине примостилась деревушка с белыми, как рафинад, домиками. Надпись на плакате звучала бескомпромиссно: «Восстановим землю Израиля». Блумбергу оплатили поездку в Палестину, чтобы он рисовал что-то в этом роде: что сказали бы о нем начинающие художники по ту сторону дороги?

Он прикидывал, что делать дальше, но тут к нему подсел Аттил:

— Хорошо, что я вас нашел. Мне, право, очень неприятно из-за того, что произошло утром.

— Где она?

— У губернатора. Там приличные условия. Мы не хотели бы обращаться с ней как с обычной преступницей. Кстати, меня зовут Фрэнсис Аттил.

Художники-любители споласкивали кисти и складывали свои принадлежности в деревянные ящики. Натурщица, высокая худая, как жердь, брюнетка с короткой стрижкой, перестала пози-

ровать и с наслаждением потянулась. Блумберг бы все отдал, чтобы оказаться среди них: начать все сначала.

— За что ее забрали?

— Мы считаем, что она имеет отношение к доставке оружия сионистам.

Блумберг подавил смешок.

— Джойс? Вы в своем уме?

— Если она будет сотрудничать со следствием, то, уверен, все выяснится. Мы рассчитываем поймать рыбешку покрупнее.

— У вас есть против нее улики?

— Пока ей не предъявлено обвинение. Но я бы вам советовал не затягивать с поиском адвоката.

— Я знаю лучший выход. Попрошу сэра Джеральда Росса немедленно ее освободить.

— Это сэр Джеральд приказал установить за ней наблюдение.

Блумберг принял это сообщение со вздохом, словно втянул в легкие дым, и на самом деле раскашлялся. Аттил налил ему стакан воды.

— И что дало ваше наблюдение? — спросил Блумберг.

Аттил промолчал.

— Отпустите ее, — сказал Блумберг. — Это абсурд.

— Я не могу этого сделать без указания сэра Джеральда.

— Но он в Дамаске.

— Уже нет.

— Значит, вернулся?

— Сэр Джеральд отправился на Кипр. У него там дела.

— Да, я слышал. Он будет там губернатором.

Аттил наморщил лоб, но решил не уточнять, откуда Блумбергу это известно.

— А когда он вернется? — продолжал Блумберг.

— Через неделю. Не волнуйтесь, ничего с вашей женой не случится. Расспросят кое о чем, и только.

Уму непостижимо. Оказалось, что он совсем ее не знает. Джойс в Лондоне: клочки воспоминаний, призрачных, точно голубой осенний дымок от жаровен, тянувшийся с огородов за железной дорогой; какие-то упомянутые вскользь имена, которые он пропускал мимо ушей, ее связи с еврейскими активистами, мыслителями и писателями, какие-то поездки, вечерние прогулки по понедельникам, ее восхищение сионизмом (она не показывала Блумбергу, насколько оно ее захватило!), он считал это глупостью, но довольно

безвредной. А если она и правда развозила оружие, должен ли он гордиться этим или, напротив, стыдиться? В любом случае, она от него ускользнула. Ему казалось, он видит ее насквозь, а на самом деле она была для него тайной за семью печатями — но чего еще ожидать, если он годами был сосредоточен исключительно на себе?

Блумберг в отчаянии озирался вокруг, словно искал поддержки у окружающей действительности. На узкой Яффской дороге мешались в кучу лошади, телеги, машины, автобусы, на одной повозке высилась гора петрушки, груды зелени подрагивали, как кроны деревьев, возчик, спеша на рынок, настегивал худую кобылу в шорах. От обилия информации в голове Блумберга все спуталось: Джойс и Де Гроот, винтовки и нож. Он услышал звук выстрела из собственного револьвера и вздрогнул при воспоминании о мучительной боли, палец на ноге был прострелен до кости, сквозь носок сочилась кровь, вспомнил вонь в траншее: запах тлена и экскрементов. Рядом с ним распластались два мертвых тела.

— Сегодня утром кого она требовала «разыскать»? — спросил Аттил.

— Роберта Кирша, — пробормотал Блумберг, возвращаясь к реальности.

— Мы ходили в больницу. Его там нет. Ваша жена считает, что он сумеет помочь ей?

— Да.

— Тогда, наверное, вам стоит его найти.

— Я этим займусь, — сказал Блумберг.

35

Кирш сидел на просторной террасе и смотрел на раскинувшийся до подножья густой сад. Он вышел из гостиницы задолго до дневной жары, в полной уверенности, что одолеет крутой подъем. Вот уже четыре дня он живет в Рош-Пинне. Майян ночи проводит с ним, днем работает — помогает Розе. Такой отпуск в ее представлении. Ночные бдения еще куда ни шло, но чтобы потом по собственной воле вкалывать с утра до вечера — это, считал Кирш, уже чересчур, хоть и вполне в духе первопоселенцев, а именно такие настроения царили в еврейской Палестине: труд здесь ценился и сам по себе, и как средство для достижения цели. Было еще у него смутное подозрение, что, при всем свободомыслии, которым кичатся рабочие-сионисты, Майян так и не сообщила Розе, где проводит ночи.

Поднявшись, Кирш хотел сделать Майян приятный сюрприз, но ни ее, ни девушки, сколько-нибудь похожей на Розу, пока не заметил: по комнатам благодаря щедрости барона Эдмонда де Ротшильда деловито сновали несколько немолодых людей обоего пола — вот, казалось, и все

обитатели усадьбы.

Но он ее особо и не искал, мышцы здоровой ноги ломило, и все, на что сейчас хватало Кирша, — это сидеть и смотреть по сторонам: за пыльными кучерявыми кронами тонких кипарисов тянулась канава, по дну ее неопрятной бурой струйкой змеился ручей. Вдали белым пятнышком маячил на горизонте город Цфат. Кирш вовсе не чувствовал себя несчастным: учитывая, как он провел четыре последние ночи, грех было жаловаться на жизнь. Для него близость с Майян означала победу над физической немощью, но следовало отдать дань и ее терпению. Она всячески подлаживалась под него, ее движения были осторожными, что придавало их ласкам какую-то непорочность, и в этом была своя прелесть. У Кирша так и не хватило духу расспросить Майян про шрамы на спине — может, потому, что не готов был расстаться со своим привилегированным положением «раненого». Так что он просто старался не думать о них.

Днем в Рош-Пинне он обычно умирал от скуки, коротая время в разговорах с хозяевами гостиницы. Но скука была под стать его настроению, и хорошо, что супруги — оба из польского города Лодзь — не слишком ему докучали. Если даже

их и покоробили ночные визиты Майян, то виду они не подавали. По утрам оба дружелюбно ему кивали и тихо возились у себя за конторкой, пока он пил чай и просматривал «Палестинский бюллетень». Оказалось, новости его не слишком занимают. Как-то раз днем в бар завалились солдаты-индийцы из ближнего лагеря, но без рыжего недруга Кирша. Выпили, поболтали, а потом на единственном более или менее травянистом участке возле хозяйской прачечной решили поиграть в крикет: перевернутое мусорное ведро вместо ворот, вместо биты — старая теннисная ракетка с провисшими струнами, ну и теннисный мяч к ней. Кирша солдатики уговорили стать арбитром, и все шло прекрасно, пока они вдруг не потребовали, чтобы он дал подачу («Давай, Англия, покажи класс!»). Он отказался, приведя железный аргумент: не может бегать.

— Если раненый, тогда пусть другой за тебя бегает, — сказал один солдатик. — Ты только подавай. Это совершенно законно, мы так всегда делаем.

Кирш все равно отказался. Понимал, что ведет себя нелепо: игра шла не всерьез и не по правилам, но глубокая пропасть пролегла между ним до рокового выстрела и им теперешним, и

стоило ему заглянуть в нее, как все его естество охватывала сковывающая жалость к себе.

Ближе к вечеру он, пока Майян не пришла, сел писать письмо родителям. Устроился на кровати с блокнотом и уже поднес ручку к бумаге, как с удивлением поймал себя на мысли, что больше не желает их утешать. Может, пора им узнать правду? После смерти Маркуса он старался не беспокоить родных рассказами о своих неприятностях: в доме, где царит великая скорбь, им нет места. Но теперь решил написал все как есть и рассказал, как плохо ему было в последние недели. Может, он обижен на них за то, что не приехали навестить его сами, а прислали Сару и Майкла? Нет, скорее всего нет, просто их разделила полоса отчуждения. И этого было достаточно: он порвал письмо.

Где-то сейчас Джойс? Он по-прежнему часто думал о ней, но рядом с Майян ее предательство, как и сам их роман, становилось чем-то призрачным. Майян наложила свою печать на все вокруг: всюду с ним был ее голос, в памяти то и дело всплывало ее лицо, руки, ноги, лицо, волосы, губы, груди, промежность, и, что бы он ни делал — читал ли газету за чаем или играл в шахматы с местным шейхом в черном тюрбане, — его оку-

тывал, обволакивал запах их предыдущей ночи.

С террасы он заметил в дальнем конце сада Майян — надвинув на глаза соломенную шляпку, она шла к дому своей обычной решительной походкой. Кирш помахал ей, хоть и не надеялся, что она его заметит. Он уже собирался ей покричать, но не стал: лучше подождать ее здесь. Проводил ее взглядом, пока она не скрылась за углом дома.

Десять минут спустя, уже без шляпки, в цветастом фартуке, она стояла за спиной у Кирша:

— Чаю не желаете, сэр?

Кирш обернулся.

Майян рассмеялась, положила руки ему на плечи и поцеловала в шею.

— Ты взобрался на гору.

Кирш посмотрел вниз на дорожку — длиной она была не меньше километра. За неделю до отъезда в Палестину он поехал на поезде в Уэльс и два дня в одиночестве лазил по Брекон-Биконс. Под проливным дождем (все два дня лило как из ведра), мимо пасущихся овец Кирш поднялся на их вершину, Пен-и-Фэн, и, даже несмотря на непогоду, а может, и благодаря ей, счастью его не было предела: он победил в противоборстве со стихией, и это главное.

Майян села за стол, напротив него.

— А где твоя Роза? — поинтересовался он. — Я уже начинаю думать, что никакой Розы и вовсе нет.

— Она скоро подойдет. Мы с ней сегодня работаем на два фронта. Приезжают еврейские филантропы из твоей страны, а мы будем обслуживать их — местный колорит создавать.

— Не знаешь, как их зовут?

— А вот и они, — Майян указала на дорогу внизу.

Кирш пригляделся: возле гостиницы остановился шарабан, из него вышли трое, среди них женщина в широкополой шляпке. Водитель тотчас подбежал и раскрыл у нее над головой сине-белый солнечный зонтик. Мужчины щеголяли в белых летних костюмах, на голове у того, что повыше, был пробковый шлем.

— Как ты сказала, кто они такие?

— Я ничего не сказала. Но кто бы они ни были, пожалуйста, постарайся быть с ними полюбезней, иначе бедным русским вечером нечего будет есть.

— Но ты этого не допустишь, нет ведь?

Посетители стали подниматься в гору, водитель передал солнечный зонтик одному из спутников дамы, и тот галантно держал его над

ее головой, пока они осторожно продвигались по каменистой дороге. Кирш следил за ними с нарастающим раздражением, как будто они зашли на его территорию.

— Сейчас я принесу тебе чаю, — сказала Майян.

— Я сам. Не хочу, чтобы ты… — перебил ее Кирш, но она уже упорхнула.

Англичане были шагах в двадцати от террасы, когда мужчина в пробковом шлеме заметил Кирша.

— Бобби? Господи, да это же Бобби Кирш. Вот черт! — Он взволнованно повернулся к женщине: — Мириам, черт побери, это же сын Гарольда Кирша.

И Кирш тут же узнал их: Саймон и Эстер Габер, лондонские соседи, родители время от времени приглашали их на ужин. А с ними, должно быть, их сын Робин. В детстве Кирш пару раз играл с ним, но, помнится, они не ладили.

Кирш встал из-за стола. Он хотел сделать это по возможности ловко, но все равно было видно, что двигается он еще с трудом. Госпожа Габер поцеловала его в щеку; пот проделал темные дорожки на ее напудренных щеках и шее.

— Какая приятная неожиданность! — сказала

она,

Габеры подсели к столику Кирша. И миссис Габер, которую, судя по выражению лица, каменные постройки Рош-Пинны интересовали не больше, чем роспись на стене «экзотического» ресторана, порог которого она никогда не переступила бы по своей воле, принялась рассказывать о событиях еврейской общественной жизни в Лондоне за время отсутствия Кирша. И уже приступила к подробному описанию свадьбы Джереми Голдторпа и Наоми Сэмуэль, но супруг вовремя перебил ее замечанием о погоде, а сын пнул под столом по ноге. Но дама не дала себя сбить.

— Что за глупости! Уверена, Бобби давно уже пережил историю с Наоми. Ни на минуту не сомневаюсь, что он хочет послушать о ее свадьбе.

Кирш не успел ей ответить, потому что на террасе появились Майян и Роза — девушки принесли меню. В отличие от своей напарницы, Роза не расточала улыбок и с подозрением косилась на Кирша из-за больших очков в черной прямоугольной оправе.

Кирш понимал, что должен представить Майян лондонским знакомым, но почему-то сразу этого не сделал, а к тому времени, как собрался с духом, Габеры уже сделали заказ, и девушки вернулись

на кухню.

— Какая симпатичная *халуц*, та, которая повыше, — сказала миссис Габер. Она произнесла слово, означающее на иврите «пионер», так, словно оно относилось к чему-то такому, чем можно восхищаться только на расстоянии.

— Ну как жизнь? — продолжил мистер Габер. — Мы слышали, ты служишь в полиции.

— Бобби работает бобби, — сострила его жена.

У бедняги Робина Габера был такой вид, будто он сейчас бросится с края террасы вниз. Должно быть, он уже не первую неделю путешествует со старшими.

— Родители в добром здравии?

— Да, насколько мне известно. Сара, моя двоюродная сестра, была здесь. Она виделась с ними относительно недавно, позже, чем я.

— Она вышла замуж за младшего Корка? — вставила миссис Габер.

— Ты знаешь, мы переехали. В Сент-Джонс-Вуд, — продолжал ее муж. — И, к сожалению, потеряли связь почти со всеми прежними соседями. По родителям твоим очень скучаем. Славная была компания! Твой отец — великолепный рассказчик.

— Такой умный человек, — добавила миссис Га-

бер и печально покачала головой так, будто отец Кирша, несчастный страдалец, отдал Богу душу, как только семейство Габер решило переехать.

Кирш понял, что еще немного — и начнутся разговоры о смерти Маркуса и горе его родителей, а ему совершенно не хотелось слушать разглагольствования миссис Габер. Он повернулся к Робину — тот пока что не проронил ни слова.

— Вы надолго приехали? — спросил Кирш.

— На месяц. В конторе обошлись бы без меня и дольше, но не хочу давать им такую возможность.

— Не скромничай, — сказала миссис Габер. Она следила за их вялотекущей беседой, как ястреб. — Робин — блестящий барристер, — добавила она.

Солнце за домом поднималось все выше, тени ширились — силуэт крыши на лужайке под террасой чем-то напоминал ковчег. Миссис Габер отлучилась в «комнату для девочек», и трое мужчин умолкли. Наконец Робин догадался спросить Кирша о работе — так, для порядка, без особого любопытства. Не такой уж он плохой парень, подумал Кирш, ему даже стал нравиться их ни к чему не обязывающий разговор — он с тех пор, как переселился в Палестину, успел отвыкнуть от таких бесед. Видимо, все же многое объеди-

няет его с лондонскими ровесниками-евреями, больше, чем ему казалось. Робин Габер рассказывал забавные истории про их общих знакомых — Кирш смеялся, и на миг ему захотелось очутиться в этот солнечный день в Англии: валяться на свежеподстриженной травке под пушистыми белыми облаками и ни о чем не думать.

Вернулась миссис Габер. Она переступила через трость Кирша, лежавшую на полу рядом со стулом, но, по счастью, воздержалась от вопросов.

— Все очень мило и чистенько, — сказала она.

Майян и Роза принесли курицу с рисом. Почтительно поставили перед гостями тарелки. Майян больше не улыбалась.

— Скажите мне, барышни, — начала миссис Габер, — вы здесь из-за гонений?

Майян пожала плечами.

— Да что вы, — ответила Роза, насколько могла весело и любезно, — дома в Одессе я как сыр в масле каталась.

Миссис Габер изменилась в лице — казалось, она была разочарована.

— Так зачем же вы сюда приехали?

Кирш ждал удобного повода, чтобы представить Майян, но миссис Габер завладела разговором — а Майян терпеливо ей объясняла, что

породило ее идеализм. Кирш поймал на себе требовательный взгляд Розы: ну же, не молчи! — говорил этот взгляд.

Роза хотела передвинуть тарелку с маслинами в центр стола, но миссис Габер вдруг схватила ее за руку.

— Посмотрите на ее руки! — воскликнула она. — Чем вас тут заставляют заниматься?

Миссис Габер развернула ладони Розы так, чтобы всем было видно мозоли.

Роза вырвала руку:

— Это неважно.

— Она строила дорогу в Беэр-Шеве. Тут нечего стыдиться. Женщины тоже могут дробить камни.

Кирш поглядел на Майян. Он видел, как женщины отесывают камни, которыми мостят дороги в Иерусалиме и Тель-Авиве. Согнувшись над грудами камней, они колотили по ним зубилом — каменная крошка летела во все стороны, иногда в лицо. На них были длинные юбки и белые платки, повязанные так, что напоминали коконы.

— Тогда хорошо, что она теперь здесь, — обратилась миссис Габер к Маяйн.

— Это… это… — Кирш, запинаясь, собрался было представить Майян, но Габеры сосредоточились

на еде.

Майян и Роза быстро удалились.

— То, что они здесь делают, замечательно. Поистине это настоящее чудо. Бобби, а когда ты возвращаешься в Англию? Твои родители, должно быть, очень по тебе соскучились.

Кирш пробормотал что-то невнятное, минуту посидел молча, а потом извинился и вышел из-за стола.

Добрел до кухни, но там была только Роза.

— Где она? Где Майян?

Роза ответила спокойно, с едва скрытым презрением:

— Она ушла.

— Как это? Не могла она все бросить и уйти…

Бросился в смежную комнату, но дверь была заперта.

— Пожалуйста, откройте, — попросил он.

— Вам туда нельзя. Там официантки переодеваются.

Кирш забарабанил по деревянной двери кулаками:

— Майян, Майян, прости меня, пожалуйста. Открой дверь!

В ответ — тишина.

Кирш обернулся к Розе:

— Тогда я тут подожду.

И сел за стол рядом с ней. Минут пять оба молчали. В конце концов Роза открыла дверь. Кирш заглянул — никого, только наружная дверь нараспашку. Он поспешил в сад — Майян нигде не было видно.

Кирш вернулся на террасу, оглядел все закоулки сада. Майян как сквозь землю провалилась. Он взмок, губы были солеными от пота.

Миссис Габер, подцепив вилкой кусочек курицы, произнесла задумчиво:

— Роберт, как странно ты ходишь. В чем дело?

После обеда Робин Габер спустился с холма в гостиницу к Киршу и подвез его в арабскую деревню Джуаннин. Машину он одолжил у одного из конторских служащих. Очень мило с его стороны. Робин еще на террасе заметил, что Кирш не в себе, и уговорил мать оставить его в покое. Кирш пытался найти Майян — затея почти безнадежная, учитывая, что ходить ему было трудно, а Майян, судя по всему, пряталась от него. Он расспрашивал о ней в бакалее — тесной времянке, где мальчик-продавец, взобравшись по приставной лесенке, просто сбрасывал покупателям с верхних полок консервные банки — так шустрая обезьянка в джунглях бросается орехами, желая

отпугнуть нежеланных гостей. Маяйн никто не видел. Если она уехала в Иерусалим без него — все пропало. Ближе к трем пополудни, усталый и вымотанный, он вернулся в гостиницу. Рухнул на постель, и неизвестно, сколько бы пролежал, если бы не Робин Габер — тот заявился к нему с фляжкой в одной руке и ключами от машины в другой и предложил покататься. На узкой дороге автомобиль взбрыкивал, как норовистый конь, но, вырвавшись на просторы, вроде присмирел — а тем временем солнце за холмами уже распустило над горизонтом свой красный шлейф.

Робин и Кирш сидели на холме и отхлебывали по очереди из фляги, глядя, как возвращаются с пастбищ стада. Мимо прошествовали двадцать упитанных черных коров, за ними вприпрыжку — несколько телят. Позади два пастуха в непривычном наряде, вроде как у русских крестьян: сапоги, жилетки и черные фуражки.

— Ну и арабы! В первый раз таких вижу, — заметил Робин со смешком, обернувшись к Киршу. — Должно быть, стадо — еврейское.

— Да тут все просто, — ответил Кирш. — Евреи и арабы пасут скот на одних и тех же полях. Во всяком случае, так Майян говорит.

Дальше на холме был ручеек с заводью. Кирш

смотрел, как коровы собираются у водопоя. Он рассказал Габеру, как у них все было хорошо с Майян и как он сам все испортил, и уже жалел о том, что разоткровенничался.

— И что ты теперь будешь делать? — спросил Робин.

— Не знаю. Найду ее, попрошу прощения. Объясню, что я вовсе не сноб, каким она, наверно, меня считает. А что еще я могу?

Быстро темнело, и последние вехи пейзажа, по которым Кирш ориентировался: усадьба, гостиница, минарет деревни Джуаннин, — исчезли вмиг, словно закрылся объектив небесного фотоаппарата.

— А ты смог бы здесь жить? — спросил Габер.

Кирш удивился: раньше ему не приходило в голову, что, в отличие от его мечтаний о жизни с Джойс, будущее с Майян (возможность которого он сам только что уничтожил) означает, что ему придется надолго осесть в Палестине. Кирш вспомнил про мозоли на руках Розы: временная работа в полиции вполне его устраивала, пока напасти не посыпались одна за другой, но он вовсе не уверен, что готов помогать тут строить государство, а уж тем более воевать за него.

— Жить? — Кирш вглядывался в темноту. —

Жить надо дома, а наш дом — Англия, разве нет?

— Для меня это так, — сказал Габер. — Хотя иногда я думаю, — добавил он с грустью, — что англичане так рвутся в колонии именно из-за того, что мы в Англии.

— Хочешь сказать, они сбегают в колонии от евреев?

— Ну, не только от нас — есть и другие парии, но и мы тоже парии. В Индии или даже здесь они могут еще играть в довоенные игры, рядиться в шлемы с плюмажами и делать вид, что ничего не изменилось. Это не иностранцев они презирают, особенно если те при титуле — князь Бангладеш или наваб Патауди[72], нет, они бегут от «иностранцев» в Англии, от таких, как мы с тобой, поднявшихся по социальной лестнице. Не желают они видеть нас на этой лестнице, а уж тем более наверху ее.

— Но тут половина колониальных служащих евреи: Сэмюэлс, Бентуич…

— Кирш…

Кирш усмехнулся.

— Да-да, — добавил Габер, — очень хитро. Сатрапы и сброд — и те и те евреи. Верный способ

---

[72] Примечания: 72

Патауди — индийское княжество, учрежденное во время британского правления в 1804 году.

нажить неприятности, как думаешь?

Кирш не знал, что сказать, и это настораживало. Он ехал в Палестину за приключениями, как в Цейлон, в Австралию или в любой другой форпост империи. О евреях он особо не задумывался: думал о себе, о брате и о родителях, о том, что не любит Наоми по-настоящему, ну и еще — что хоть на солнышке погреется. Кирш вспомнил, как зимой во время войны болел и за окном его спальни выросла огромная сосулька, свисала с кровли, как гарпун. А когда выздоровел, пришло известие о том, что убили Маркуса. Кирш поднялся наверх, открыл окно и колотил по сосульке, пока она не рухнула в сад, разлетевшись на тысячи кристалликов.

Он поглядел на Габера, потом на небо — там одинокой медузой плыла в темных волнах маленькая ущербная луна.

— Поехали, что ли, обратно, — сказал Габер.

Часа в два ночи Кирш — он так и не заснул — услышал какой-то шорох снаружи. Встал, открыл дверь. Майян стояла метрах в двадцати. Неизвестно, сколько она ходила тут взад-вперед, не зная, что лучше: бежать или вернуться. Он окликнул ее.

— Прости, — сказал он. — Заходи, прошу. Я

ужасно себя вел. Прости, пожалуйста.

Размолвку они быстро уладили в постели. Позже, когда Майян заснула в его объятиях, Кирш, глядя на ее посеребренное луной лицо, вдруг подумал: что-то слишком быстро она его простила. На какой-то миг ему показалось, что он попал в западню, как на ужине у Бассанов, когда заподозрил, что его сватают. Но мысль эта как пришла, так и ушла. В конце концов, он не подарок, было бы за чем гоняться.

Осторожно потрогал шрамы у Майян на спине. Но даже это бережное прикосновение ее разбудило.

— Хочешь спросить, откуда шрамы? — спросила она, глядя в стену.

— Не хочешь — не говори.

— А ты что надеялся услышать? Что шрамы от казацкой нагайки?

— Я тебе не миссис Габер.

Майян потянулась за скомканной простыней, попыталась ее расправить, но не сумела и отбросила в сторону. Лежала на кровати, миниатюрная и изящная, все ее тело на виду.

— Казацкая сабля, мне было тогда шесть лет.

Кирш молчал. Слышно было, как где-то рядом жужжит электропроводка.

— Да ладно, никакая это не казацкая сабля. Мы с папой ехали в порт — забрать с таможни учебники английского. У евреев, отъезжавших в Америку, был большой спрос на них. Лил сильный дождь, на скользкой дороге фургон занесло, он врезался в стену. Стекло — вдребезги, меня поранило осколками. Мне было пятнадцать. А может, какой-нибудь местный антисемит запустил в стекло камнем, кто знает? Такой ответ миссис Габер явно больше бы устроился?

— Успокойся, — сказал Кирш и поцеловал ее в щеку.

— Завтра я возвращаюсь в Иерусалим. — сказала она. — На дежурство в больнице. А ты что собираешься делать?

Именно этот вопрос задал ему накануне Робин Габер. Тогда Кирш был в отчаянии: думал, что потерял Майян навсегда. Теперь она рядом, но он по-прежнему не знает, что ответить.

— А когда ты снова приедешь в Рош-Пинну?

— Может, на следующие выходные.

— Тогда, наверное, я останусь здесь, — сказал Кирш.

Он так и не понял, обрадовалась она или огорчилась.

Поспать им, похоже, так и не удалось: только

они заснули, как за окном послышался голос:

— Мила, Мила! Твой автобус пришел!

Майян вскочила. Кирш сел, протирая глаза.

— Мила — это кто?

Майян судорожно одевалась.

— Это я, — сказала она. — Людмила, но об этом знает только Роза.

Кирш кивнул. Он знал, что еврейские иммигранты часто берут себе новое имя, на иврите. Как знак, что они окончательно закрепились на этой земле.

— Тогда я тоже буду звать тебя Милой.

Может, так он хотел показать, что жизнь в Палестине не для него? Кирш этого не исключал.

Маяйн, расправляя юбку, замерла на миг:

— Лучше не надо.

Роза опять окликнула ее, уже из-под самого окна.

— Иду, иду! — ответила Майян.

Быстро подошла к кровати, наклонилась и поцеловала Кирша в губы.

— Моя Мила, — сказал он, поддразнивая ее, но она не улыбнулась.

Вдали за окном светились фары утреннего автобуса. Водитель что-то крикнул на иврите, завел мотор. Предупреждал так пассажиров, чтобы

поторапливались.

Когда автобус уехал, Роза пошла обратно к усадьбе, не удостоив его даже взгляда. Что ж, по-своему она права.

Облезлые стволы эвкалиптов, согретые утренними лучами, источали теплый смолистый запах. На столике в углу стоял надбитый кувшин и таз, Кирш склонился над тазом, плеснул воды на лицо, потом подставил под струйку голову. Он не слышал стука в дверь и понял, что в комнате кто-то есть, лишь когда молодой человек в форме подошел к нему вплотную.

— Капитан Кирш?

Кирш оглянулся, с лица капала вода.

— Да, а вы кто?

— Капрал Эдвард Хайстенд, сэр. Мне приказано доставить вас в Иерусалим.

Кирш вспомнил про записку от Росса. которую выбросил не читая.

— Я арестован?

— Я бы так не сказал, сэр. Вероятно, понадобится ваша помощь на допросе. Вам полчаса хватит, чтобы собраться, сэр?

— И кого я должен допрашивать? — спросил Кирш, хотя вопрос был излишним. Он понял все сразу, как только капрал сказал, что его вызыва-

ют в Иерусалим.

Хайстенд поглядел в сопроводительное письмо:

— Некую миссис Джойс Блумберг, сэр.

— А если я откажусь с вами ехать?

Капрал был явно озадачен. Видно, это его первое назначение и он не так давно в Палестине, подумал Кирш, глядя на его бледное веснушчатое лицо.

— Меня предупредили, что такое возможно, сэр.

— И что?

— Я не один тут, сэр. Нас трое.

— Ничего себе эскорт, учитывая, что я не арестант.

Хайстенд пожал плечами:

— По-видимому, вы профессионал своего дела, сэр. Поэтому вас так ценят.

— Это распоряжение сэра Джеральда Росса?

— Не могу сказать, сэр. Мне отдал приказ сержант Фиппс.

Кирш заметил, что капрал отводит глаза, стараясь не глядеть на его изувеченную ногу. Поставил кувшин на столик, сел на кровать и стал натягивать брюки.

— Через двадцать минут буду готов, — сказал

он.

На полпути в Иерусалим они поравнялись с автобусом, в котором ехала Майян. Армейский автомобиль тащился за ним в хвосте минут двадцать, и только возле Дженнина, где дорога стала пошире, водителю удалось его объехать. Кирш, неловко примостившись на переднем сиденье, пытался разглядеть Майян, но снизу было плохо видно, к тому же стекла автобуса покрывал слой пыли.

36

Ночью Блумберг отправился в Хайфу. Он понимал, что за рулем долго не выдержит — так он измотан, и попросил водителя грузовика, которому нужно было на стройку в Цфат, подбросить его. И теперь трясся в открытом кузове, среди кирпичей и асбестокартона. Ветра почти не было, но пыль все равно проникала всюду, забиваясь в рот и нос. Даже водитель, отделенный от груза дощатым бортом, круглолицый детина с буйволиным торсом, обвязал пол-лица платком, на ковбойский манер. Блумберг кашлял и отплевывался, в груди теснило, но он знал, что причиной: выходил наружу яд, скопившийся в его душе. Но теперь все уже неважно, главное — найти Кирша, а заодно и Росса. Если ему удастся освободить Джойс, может, этим он хотя бы отчасти искупит свою вину — он только теперь понял, каким эгоистом был все эти годы. Думать о том, что ее истязают допросами в губернаторском доме, было невыносимо.

Шофер, которому не хотелось делать лишний крюк, — до билетных касс оставалось еще километра полтора — высадил Блумберга прямо

посреди дороги. Блумберг собирался отплыть на Кипр на первом же теплоходе. Занял денег у Аттила, немного, только чтобы хватило на билет в одну сторону. Он надеялся, что Росс оплатит ему обратную дорогу — в качестве аванса за картину, которую вот-вот доставят. Он чуть не бегом кинулся к пристани — и сначала она была пуста, но пока он, задыхаясь, ковылял с громоздкой сумкой на плече, к окошку кассы, на бетонный причал с грохотом обрушился трап, и его окружила толпа вновь прибывших. Он с трудом проталкивался в толпе иммигрантов: одни обнимались на радостях, другие, и таких было больше, растерянно озирались по сторонам. Мужчины, в белых рубашках с галстуком и в солидных тройках, придерживали поля шляп и утирали лоб платком, с удивлением оглядываясь вокруг, словно не верили своим глазам: кажется, только недавно вышли из дому в Европе, направляясь в контору, а может, в магазин или на склад, — и вдруг каким-то чудом оказались в жарком и солнечном средиземноморском порту. Чуть ли не у всех бумажки в руках — таможенный пропуск или просто адрес знакомых в Палестине. Женщины. длинные платья и легкие шляпки которых выглядели в здешнем климате более уместно, успокаивали детишек

— кто-то из малышей норовил вырваться, кто-то плакал, уткнувшись лицом в материнскую юбку. У Блумберга сжалось сердце. Когда-то и он был одним из таких детей, только дело происходило на Темзе. Он, двухлетний малыш, только научился ходить, и когда мама вывела его за ручку из трюма, он так вцепился ногтями в ее ладонь, что она вскрикнула от боли. Сам он, конечно, этого не помнит, знает только с ее слов, а она любила вспоминать, как Англия приближалась с каждой минутой, и земля, казалось, качается за бортом, голоса грузчиков в порту были похожи на гомон диковинных птиц, ее муж, обвязанный баулами и чемоданами, потерялся в толкучке, и она высаживает младшенького, плачущего от страха, на незнакомый и сумрачный, но надежный берег.

И снова он в надежном месте — на палубе «Эврезиса», вдали от толпы. Блумберг, с колотящимся сердцем, жадно вдыхал соленый воздух, подставляя лицо прохладному ветерку. Под ногами гулко бухал мотор. Стыдно, конечно, что он поддался панике в толпе иммигрантов, но тут он был над собой не властен. Может, в этом причина его злости: он пытался оправдать материнские надежды — стать в Англии своим. Одно время тешил себя мыслью, что ему это удалось, но потом

армейское начальство и искусствоведы показали, как глубоко он заблуждался. И в Палестину он поехал именно потому, что, казалось, все они, в том числе погибшие, только этого от него и ждали: садись снова на корабль, но на этот раз плыви туда, где три тысячи лет назад все начиналось. Но правда такова, что по-настоящему своим он может назвать только одно место на свете, в четырех ли стенах или на просторе: тот клочок земли, на котором он устанавливает мольберт.

Блумберг стоял у борта и смотрел, как люди, дома и пришвартованные суда, постепенно уменьшаясь, превращаются в серые точки, красные полоски крыш и спички мачт, а затем и вовсе теряются на горизонте, слившись с неровной линией холмов. В кармане у него лежал билет до Фамагусты. Через десять часов он будет в порту, а потом сядет на автобус или такси — и в Никосию. Там он почти наверняка отыщет Росса — правда, насчет Кирша такой уверенности не было.

На главной палубе предлагали напитки и закуски, но Блумберг спускался вниз только в случае крайней необходимости. Пока они плыли из Саутгемптона в Палестину, он почти все время просидел в каюте, согнувшись над ведерком: его тошнило. Когда штормило, Джойс, а у нее, в отли-

чие от мужа, был крепкий вестибуляр, спокойно читала, сидя на койке, как в садовом гамаке. Но пока он на свежем воздухе, его не укачивает, да и день выдался относительно спокойный, на небе ни облачка — сплошное сиянье.

На других пассажиров он внимания не обращал, стоял, задумчиво глядя на зеленые и, по счастью, дружелюбные волны, как вдруг кто-то похлопал его по плечу:

— Опять в дорогу, на месте не сидится?

Блумберг резко обернулся. Это был Джордж Сафир, журналист из «Бюллетеня».

— Что на этот раз вас заинтересовало? Дайте угадаю. Башня Отелло?[73]

Блумберг не ответил.

— Ладно, тогда, может, руины Святого Иллариона?[74] Что-то одно из двух.

— Не знаю, о чем вы говорите.

— Да ладно, неужели просто проветриться? Или это бегство? Господи ты боже мой, вы же несколько дней назад собирались встретиться с женой после двух месяцев в пустыне. Что случилось?

---

[73] Примечания: 73

Башня Отелло — крепость в городе Фамагуста на Кипре.

[74] Примечания: 74

Имеется в виду бывший монастырь на Кипре на склонах Кирений-ского хребта.

Нашла другого, пока вы были в отлучке?

— Вроде того.

Сафир засмеялся, но после ответа Блумберга осекся. Внимательно посмотрел на Блумберга, чтобы убедиться, что это не шутка.

Блумберг улыбнулся, и Сафир облегченно вздохнул.

— Перепугали вы меня, дружище. Известно, вы, художники, народ горячий, но… — От дальнейших комментариев по поводу богемных нравов Сафир воздержался.

Блумберг заметил, что его собеседник был все так же одет «под поселенца» — как и при встрече у гостиничного бара.

— По бутербродику?

Сафир достал из сумки сверток, в котором были два толстых ломтя хлеба с сыром и помидорами.

— Соли только нет, к сожалению.

От бутербродиков Блумберг отказался. Несмотря на кажущуюся безмятежность Средиземного моря, его уже подташнивало.

— Значит, не хотите говорить, что делаете на корабле. Ну и ладно, я не настаиваю.

— Я еду в Никосию. Повидать сэра Джеральда. А вы?

Сафир медлил с ответом, но было видно, что

ему не терпится поделиться новостями.

— Что-то назревает, — сказал он. — Мне по секрету рассказал знакомый грек, отец Пантелидис. И Росс уже подключился. Он не в Дамаске. Ну да вы и сами об этом знаете.

— Что назревает?

— Простите, не могу разглашать подробности. Но Палестины это тоже на руках сенсация. Так что нам по пути — это уж точно.

— В таком случае, — сказал Блумберг, — может, оплатите мне такси из Фамагусты?

Сафир улыбнулся:

— «Бюллетень» не будет против, я уверен. Так что назначаю вас своим официальным иллюстратором.

Палестинский берег исчез за горизонтом, смотреть оставалось лишь на бутылочно-зеленые волны и на дым из корабельных труб.

Блумберг отлепился от перил и стал искать, где бы присесть. Не хотелось, чтобы Сафир догадался, что даже легкое покачивание палубы вызывает у него приступ морской болезни. Нашел подходящее место и сел, вытянув ноги и прислонившись спиной к цепной бухте. Сафир последовал его примеру и уселся рядом.

— Между прочим, — сказал он, принимаясь за

бутерброд с сыром, — помнится, вы спрашивали меня про дело Де Гроота.

Блумберг кивнул.

— Ну так вот какая странность. Сразу после того, как вы ушли из «Алленби», заявляется один тип, мы с ним виделись у губернатора, Фордайс его фамилия, работает на Бентуича и обычно очень осторожничает со мной, ну, вы понимаете — я оголтелый сионист и все такое, но на этот раз вижу, его так и распирает от новостей. «Что такое?» — спрашиваю. И он рассказывает мне про Де Гроота, мол, он был пидором, совращал арабских мальчишек, и, скорее всего, брат или отец одного из них решил отомстить. Все сугубо личное, никакой политики. «Ждем ареста?» — спрашиваю. «Нет, — отвечает, — похоже, преступник смылся. Сбежал в Египет или еще куда». Финита ля комедия.

Блумберг старался не выдать волнения.

— А вы как думали, кто убийца? То есть до того, как получили новую информацию.

— Да всем было известно, что разыскивают араба, весь Иерусалим был в курсе, что полиция гоняется за неким Саудом. И я, как и многие тут, думал, что арабы просто воспользовались удобным случаем, чтобы убить видного еврея.

— Да, но Де Гроот не был сионистом.

— Отнюдь. Знаете, что я вчера слышал? Что черные шляпы сами это сделали, такая уловка, чтобы завоевать симпатии всемирного еврейства. Но это уж чересчур, я считаю.

— А не будет ли «чересчур» предположить, что это дело рук самих сионистов?

Сафир выпучил глаза. Похоже, такая мысль ему в голову не приходила.

— Это невозможно, — пробормотал он. — С тем же успехом можно сказать, что члены его секты его прикончили.

— Но предположим, он знал что-то такое, что представляло угрозу для сионистского движения?

Сафир посмотрел на Блумберга.

— Так вы что-то знаете?

— Ничего я не знаю, — ответил Блумберг. — А только рассуждаю. Ведь, согласитесь, удобно выходит: убийца — араб, сбежавший в другую страну?

— На самом деле они нас ненавидят, я об ортодоксах. Мы их защищаем от арабов, а они в ответ обзывают нас богохульниками и неверными.

— А я думал, это британцы их защищают, как и всех остальных.

— Британцы здесь надолго не задержатся. И по-моему, они не очень справляются. Де Гроота убили. И каждый день здесь будут убивать евреев, если мы не возьмем все под контроль.

Блумберг мог бы возразить, мог бы достать из кармана смятое письмо, показать Сафиру форменную пуговицу, которую дал ему Сауд, рассказать все, что поведал ему мальчик: как напали на Де Гроота и как он спасался бегством.

Но Блумберг не произнес ни слова. Сафиру нельзя доверять. Евреи способны убить еврея, хотя к этой страшной мысли невозможно привыкнуть, и кроме того, вдруг понял Блумберг, информацию, которой он владеет, можно употребить для куда более серьезной и важной цели.

Сафир доел бутерброд, вытер руки об обертку и пошел за выпивкой. Когда он вернулся, Блумберг сидел, закрыв глаза, надвинув на лоб шляпу, и притворялся спящим.

Но вскоре заснул по-настоящему, а когда проснулся, оказалось, что полпути до Фамагусты уже позади. Сафира нигде видно не было. Блумберг спустился в туалет, унитаз был переполнен, на полу образовалась мутная лужа, так что пришлось закатать брючины, чтобы не намокли. Кто-то заткнул за трубу английскую газету, оче-

видно взамен туалетной бумаги, и несколько слов в заголовке привлекли внимание Блумберга. Хоть и совестно было оставлять нуждающегося без спасительного клочка бумаги, он все же оторвал страницу и, сложив, сунул в карман. Роились мухи, от вони кружилась голова, и он поспешил наверх — на свежий воздух, но и там лучше не стало. Пока он спал, погода резко поменялась. Блумберг глянул вниз: подвижная сине-зеленая палитра моря стала зловеще спокойной, казалось, корабль застыл в гладком стекле. Как будто капитан вдруг решил не продолжать путешествие, а бросить якорь прямо здесь.

Блумберг сел на палубу, достал газетный листок. Это была страничка из лондонской «Дейли график», с обзором выставки трехмесячной давности — первой персональной выставки бывшего ученика Блумберга, Леонарда Грина. Заголовок гласил: «У Грина холсты оживают», а ниже — фото самого Леонарда, взгляд темных глаз серьезный и в то же время мечтательный, и здесь же репродукция одной из его последних картин в футуристическом стиле: механизмы швейной фабрики в Ист-Энде. Рецензент, Т. Дж. Фербенкс, утверждал, что манера Грина — это искусство будущего.

Читая рецензию, Блумберг пытался по описаниям понять, как должны воздействовать цвета на этой картине. И, к своему удивлению, с радостью отметил, что — пусть пока что — совсем не завидует: щедрые похвалы, которыми осыпал Леонарда Т. Дж. Фербенкс, никак его не уязвили. Карьера самого Блумберга, о которой он, возможно впервые, думал без горечи, начиналась не так многообещающе. Его годами не замечали, хвалили немногие, вплоть до персональной выставки в Уайтчепелской галерее, после которой — это было пять лет назад — он в одночасье прославился и, как тогда казалось, навсегда. Но эйфория — и у него, и у арт-критиков — длилась недолго: поначалу их хвала была не без изъяна — что-то вроде трещинки, которая постепенно переросла в пропасть. Организованная им коллективная выставка еврейских художников чуть поправила ситуацию, но к концу года пропасть разверзлась снова и стала шириной в каньон. Перечитывая статью про Грина, Блумберг задумался, может ли вообще что-нибудь — карьера, женитьба или даже страна — начавшись неудачно, кончиться хорошо: слишком много сил требуется, чтобы исправить ошибки. Конечно, блестящее начало творческой карьеры, как у Леонарда, может

закончиться полным забвением, но по крайней мере у него есть шанс.

«Эврезис» меж тем продвигался вперед в тусклом и унылом сумеречном свете, по палубе кружили какие-то люди, поодиночке, парами и целыми семьями, подходили к борту, шли обратно, до него доносились обрывки разговоров на четырех или пяти языках, но он улавливал лишь отдельные слова и фразы. Однажды подросток присел рядом, очистил апельсин и предложил ему дольку, но больше никто его не беспокоил. Если бы он захватил с собой карандаш и бумагу, мог бы сейчас порисовать, но, к сожалению, руки занять было нечем. Разум же, напротив, так и кипел в нетерпеливом ожидании.

Вскоре после полуночи звон корабельного колокола известил о том, что корабль входит в узкий фарватер гавани перед Фамагустой. Откуда ни возьмись, рядом с Блумбергом появился Сафир, и они вдвоем стали смотреть, как под покровом ночи проявляются, маня обманчивым спокойствием, фонари старой гавани.

Когда Блумберг с Сафиром сошли на берег, было уже поздно искать автобус или попутку в Никосию. Обоим не терпелось поскорей туда добраться, и больше часа они потратили, загля-

дывая поочередно во все портовые таверны в надежде уговорить какого-нибудь рискового водителя отправиться в неблизкий путь по темным и узким островным дорогам. В конце концов они признали свое поражение, но вместо того чтобы снять комнату на остаток ночи и хотя бы три-четыре часа поспать как полагается, решили дожидаться рассвета на улице. Приглядели скамейку возле таксомоторного гаража братьев Фотис, и зарядились перед поездкой, распив на двоих бутылочку узо, купленную Сафиром на пароходе.

Блумберг устал до предела, от тяжелой сумки болело плечо, все тело ломило. Первый глоток обжег горло, а после третьего-четвертого в мыслях появилась легкость. Казалось, близок конец десятилетию бессмысленных метаний — как их иначе назвать, эти годы, — начиная с отплытия из Фолкстона во Фландрию и заканчивая этим горячим средиземноморским островком. Сколько раз он пытался бежать, сам не зная, чего он ищет, и не имея полной уверенности, что это выход.

Блумберг встал, и тут же Сафир, пьяный и сонный, рухнул на освободившееся место. Блумберг пошел куда глаза глядят. В глубине города при луне четко вырисовывался силуэт большого го-

тического собора. К нему Блумберг и направился — мимо вокзала, по лабиринту узких, мощенных булыжником улиц. Высокие деревянные двери собора были закрыты. Блумберг присел на ступеньку отдохнуть. Все его мысли занимала Джойс — ее лицо мерцало перед ним, как икона. Он представил, как она сидит за туалетным столиком в их лондонской квартире и причесывается перед зеркалом, по-детски выпятив губы, если попадается запутанная прядь, корчит смешную гримасу. Оптимистичное лицо американки, пытливые серо-зеленые глаза. Типичная сионистка-террористка. Жизнь — сплошное безумие.

Башня Отелло и прочие средневековые сооружения Фамагусты остались позади, впереди расстилалась плодородная равнина, тянувшаяся, как объяснил таксист, меж двух горный цепей. Но Блумбергу с Сафиром пока попадались на пути только невысокие лесистые холмы да изредка речушки. А два часа спустя они уже подъезжали к Никосии, об этом свидетельствовали греческие флаги, свешивающиеся чуть ли не со всех балконов и окон рафинадно-белых домов.

— Сдается мне, нам тут тоже не очень-то рады, — заметил Сафир, кивнув на флаги.

— Нам?

Сафир покраснел. В нем заговорил британец, на удивление быстрая перемена, он сам это понимал и потому смутился.

— Где вас высадить? — спросил он.

— Мне надо в резиденцию губернатора.

Блумберг наклонился к шоферу:

— Знаете, где это?

Тот утвердительно кивнул.

Они миновали несколько плантаций, после Палестины это все равно что английский парк, подумал Блумберг, разве что солнца больше. Через не сколько минут показалось длинное приземистое здание, похожее на амбар.

Сафир с Блумбергом переглянулись.

— Это, должно быть, какая-то ошибка, — сказал Сафир. — Куда вы нас привезли?

— Никакой ошибки.

— Но это же конюшни!

— Нет, сэр.

Машина остановилась в пятидесяти метрах от будки охранника, сторожившего, как они увидели, крошечный домик с дощатыми, выкрашенными белой краской стенами. На лужайке торчал флагшток, пока еще без «Юнион Дже-

ка»[75].

Блумберг вышел из такси.

— Спасибо, что подвезли, — сказал он. — Желаю вам не упустить свою сенсацию.

— Постараюсь, — ответил Сафир. — Еще не поздно.

Машина скрылась за поворотом, и Блумберг остался один. Одежда на нем была мятая и грязная после долгой дороги: кирпичная пыль от грузовика, пятна мазута от корабельной цепи. Воняло даже мочой из гальюна — несмотря на все меры предосторожности, кромки брюк все же намокли. Постоял немного в тени серебристых тополей. Солнце здесь было еще злее, чем в Палестине, если такое вообще возможно, правда, эвкалипты источали такой же острый медицинский запах. Он знал, что будет дальше. Дальше начнется торг: свобода для Джойс в обмен на его молчание. Пусть убийцы Де Гроота гуляют на воле, но и Джойс тоже нужно отпустить. Блумберг собрался с духом и направился к будке, но схватился за грудь и, не успел часовой прийти ему на помощь, упал как подкошенный и так и остался лежать посреди пыльной дороги.

---

[75] Примечания: 75

«Юнион Джек» — так называют британский флаг. Кипр был аннексирован Британией в 1914 г. в ходе Первой мировой войны.

37

Когда Кирш вошел в комнату, Джойс вскочила и быстро пошла ему навстречу, но Кирш был не один, так что она не решилась обнять его — и снова села на койку, застеленную грубым одеялом.

Секунд тридцать — казалось, прошла целая вечность — он молча смотрел на Джойс: всклокоченная, глаза воспаленные, в темных кругах от бессонницы. Старший сержант предупредил Кирша, что обращаются с Джойс хорошо и у нее есть все возможности, как он выразился, «совершить омовения», только она отказывается мыться и почти не притрагивается к еде, которую специально для нее готовят. Видимо, желая подчеркнуть, что это женская комната, кто-то поставил на подоконник вазу с желтыми ромашками.

— Кажется, нам надо поговорить, — сухо сказал Кирш.

Джойс смотрела на Роберта — худого, осунувшегося, неловко опирающегося на трость. У нее слегка кружилась голова, но надо было сосредоточиться. В какой-то миг она даже думала притвориться невменяемой, но если эта встреча хоть что-нибудь значит, придется отвечать за

свои поступки. В конце концов, это же Роберт, ее жертва, стоит сейчас перед ней, искалеченный, исполненный праведного гнева. И тем не менее, когда она решилась заговорить, заготовленные слова извинения застревали в горле, получился лишь нервный кашель.

Аттил, стоявший за спиной Кирша, подскочил и, налив стакан воды из графина на тумбочке, поднес ей.

Она глотнула из стакана, спазм прошел, но говорить она все равно не могла.

Аттил обернулся к Киршу:

— Может, мне лучше выйти?

— Не надо, — ответил Кирш.

Джойс сидела с каменным лицом; Кирш заметил — с легкой брезгливостью, оттого что пытался подавить невольное влечение, — что она все в том же белом платье, в котором была, когда он возил ее на мотоцикле в Иерусалимские горы.

— Говорят, ты хотела меня видеть. Я пришел. Итак, что ты можешь нам сообщить?

Резкость его слов ее покоробила, но на что еще она могла рассчитывать после всего, что случилось?

— Я жду, — продолжал он. нарочно распаляясь, — Фрэнсис предупредил меня: — «Она больше

ни с кем не желает говорить». Он сказал, что ты настоятельно просила меня прийти, так как только мне можешь доверить все свои тайны. Итак, я слушаю, выкладывай. Про все свои грязные игры. Кого предавала, кого подкупала, с кем спала, от кого получал а оружие, кто платит тебе, кто направляет?

Аттил тронул его за плечо, и он оборвал тираду.

— С тобой спала, — произнесла Джойс. — Если это важно.

Он всего лишь мальчишка. Странно, что она раньше этого не понимала. Английский мальчишка до мозга костей. Когда он впервые появился на пороге ее дома, на нем были шорты, и надо бы ей сообразить это сразу, но почему-то она предпочитала видеть в нем полицейского.

Джойс снова села на кровать. Что ни скажи сейчас — будет не то. Может, подумала она вдруг, ей всего лишь навсего хотелось увидеть Кирша живым-невредимым? Что она его, в конце концов, не убила.

И Джойс заговорила, но казалось, говорит не она, а кто-то другой:

— Балет… — начала она.

— Какой балет? О чем ты?

Аттил кашлянул, и снова Кирш притих.

— Мой отец, — сказала она и опять замолчала. Плечи ее поникли, как будто сам воздух в комнате навалился на нее тяжким грузом. — Отец возил меня в балетную студию мисс Нуджент.

Кирш глянул на Аттила — тот смотрел на Джойс как зачарованный. Кирш почувствовал укол ревности и перестал кипятиться. Оба с нетерпением ждали от Джойс дальнейших объяснений.

— У меня начали искривляться стопы, как у гейши. Но это меня не остановило. Родители рвали на себе волосы. Отец сказал: «Все, больше никаких танцев». Сказал, что поступает жестоко, но ради моей же пользы. Так кончился мой балет. — Джойс помолчала. Превозмогая себя, посмотрела Киршу в глаза. По ее щекам текли слезы. — Я ни в чем не знала удержу. Кому-то всегда приходилось меня останавливать.

— Поставлять энфилдовские винтовки всем, кто хочет пострелять в британских служащих — это тоже жестокость ради пользы?

Джойс закрыла лицо руками. Вспомнился запах мокрого пальто, когда она после дождя входила в переполненный зал Тойнби-Холла. Выступавший говорил с немецким акцентом. В промозглом Лондоне отмечали Палестинский день цветов,

кто-то приколол к отвороту ее жакета флажок с бумажным цветком: «Я нарцисс Саронский, лилия долин!»[76].

Гневный голос Кирша — не было в нем ни прощения, ни снисхождения — вернул ее к реальности:

— Цель оправдывает средства? Оправдывает то, что Картрайт мертв, Лэмпард лишился руки, и Бог знает сколько их еще убьют, и…

— И ты. Ты чуть не погиб.

— Это не имеет значения, — отрезал Кирш.

— Тогда все не имеет значения, — сказала Джойс.

Кирш все еще любил ее, вопреки всему. Ему вдруг захотелось подхватить ее на руки, как в первый раз, когда она открыла ему дверь коттеджа. Он бы и подхватил, если бы не Аттил — его присутствие сдерживало. Оно и к лучшему.

Аттил тем временем подошел к окну и смотрел на улицу — ров возле Дамасских ворот был завален мусором. На площади перед воротами, на перекрестке четырех дорог, собралась толпа — непривычно большая, учитывая, что сейчас время сиесты. Народу все прибывало, шум на-

---

[76] Примечания: 76
Песнь песней Соломона, 2:1.

растал с каждой минутой. Аттил не обратил внимания, что, хотя женщины обычно ходят на рынок ближе к закрытию, когда товары дешевле, сейчас их в толпе не было. Ему казалось, там идет оживленный торг — обычная деталь восточного колорита, дикий мотив города. Полюбовался зубчатым навершьем ворот, с глухими балкончиками под каменными куполами, с узкими парными окнами, увитыми цепким вьюнком. Потом закрыл окно — на улице было слишком шумно, и от сточных канав несло какой-то дрянью, — и обернулся к Киршу. Хотел что-то сказать, но в ту же секунду брошенный с улицы камень угодил в окно, разбив стекло.

Аттил инстинктивно прикрыл руками голову. Камни посыпались градом, глухо ударяясь о наружную стену, осколков на полу прибавилось. Грянул ружейный выстрел.

— Уводите ее! — крикнул Аттил.

Кирш — при звуке выстрела он замер так, будто пуля попала в него, — бросился к двери. Споткнулся, но, падая, успел обхватить Джойс за талию и бросить ее на пол. Оба поползли к выходу. Аттил тоже полз, но не к выходу, а к окну. Встал у стены, достал из кобуры револьвер и, пригнувшись, быстро глянул в окно. Похоже,

стреляли из губернаторской резиденции — в толпе началась паника. Мужчины и подростки сначала кинулись врассыпную, но вскоре толпа снова стянулась. Послышался многоголосый рев, и над толпой подняли, передавая из рук в руки, окровавленное тело. Ребенок! Это был ребенок! Аттил видел красные пятна на рубашке мальчика, — а потом уже не видел ничего: камень, брошенный наугад, отскочив от рамы рикошетом, ударил ему в лицо. Аттил взвыл от боли и зажал рукой глаз, превратившийся в кровавое месиво.

Кирш с Джойс спустились по лестнице — быстро не получилось, Кирш оставил в комнате свою трость, и Джойс приходилось его поддерживать. Она подставила ему плечо, и они вместе вышли через кафетерий в подвальном помещении. Двигались на север, пару раз свернули, улицы были пусты — и десять минут спустя забрели в тупик, но, по счастью, дверь в его конце была приоткрыта. Кирш первым протиснулся в узкий проем. Они оказались в саду у подножья скалы с рядами каменных гробниц. Кирш сел на пригорок отдышаться. Джойс, повернувшись к нему спиной, смотрела, закинув голову, наверх: выемки в скале складывались в зловещую маску: глаза, нос, рот

— да это же череп! Издали все еще доносился гул мятежной толпы.

У Кирша грудь вздымалась — легкие, казалось, вот-вот разорвутся, он никак не мог отдышаться. Джойс присела рядом. Ему очень хотелось ее обнять — или нет, больше: чтобы она обняла его.

— Я все еще твоя пленница? — спросила она.

— Я не знаю, кто ты.

Застывший воздух был тягуче-медовым — казалось, сама природа, задыхаясь, изнывает от зноя.

Кирш махнул в сторону деревянной калитки:

— Ступай. Я тебя не удерживаю.

— Я останусь с тобой.

— Правда? Но у меня есть другая.

Кирш намеревался сказать ей о Майян в более спокойной обстановке, но зачем-то проболтался — совсем как ребенок. Он встал и, прихрамывая, пошел прочь, но успел сделать лишь пару шагов.

Издали донесся выстрел. Толпа на миг затихла, затем снова послышался рев — на этот раз казалось, он приближается.

— Здесь оставаться нельзя, — сказал Кирш.

Подошел к Джойс. Она поднялась, смахнула с подола травинки.

— Я отведу тебя в безопасное место, — сказал он.

Они шли по узким и тихим, наполовину застроенным улицам, где на пустырях высились груды мусора и стройматериалов. Джойс чуть не вжималась в стены, и Кирш, по возможности, заслонял ее собой — от посторонних глаз. Минут через двадцать они подошли к францисканскому хоспису. Пора было сделать передышку. Они встали рядом, прислонившись к каменной кладке. Джойс мучила жажда, расцарапанные ноги гудели.

— Я отведу тебя в гостиницу, — сказал Кирш. — Хенсмана. Владелец мой знакомый.

Джойс кивнула.

Кирш тяжко вздохнул.

— Я не могу простить тебя, — сказал он.

— И не надо, но есть человек, которому прощение нужно. Мальчик, Сауд. Он никого не убивал. Росс отправил его в пустыню с Марком. Он Марку все рассказал. Марк показал мне письмо. Де Гроот знал, что ему угрожает опасность. Это мы сделали. Твои люди. Еврейская полиция. У Марка есть форменная пуговица. Де Гроот оторвал ее в драке и держал в кулаке. А в нашем саду выронил.

Кирш смотрел прямо перед собой. На другой стороне улицы бездомная кошка искала, чем бы поживиться.

— Вторая пуговица у меня, — сказал он.

Они сидели при свечах в гостиничном вестибюле, в стаканах плескалось виски.

— Тебя наверняка ищут, — сказал Кирш. — Не знаю, как быть дальше.

Джойс пожала плечами:

— Решай сам. Как скажешь, так я и сделаю.

Кирш отхлебнул виски:

— Скажи мне, только честно. Это ты? Из твоей винтовки в меня стреляли?

— Не знаю, — сказала она. — Может быть, но я точно не знаю.

Кирш разглядывал ее. Ее лицо, после долгого пребывания взаперти, побледнело, но серо-зеленые глаза сияли, как прежде.

— Скажешь мне, на кого работала?

В холле стало совсем темно.

— Пошли спать, — ответила Джойс.

Она проснулась среди ночи. Кирш лежал рядом и спал, кое-как примостившись на продавленном матрасе. Этой ночью он не хотел ее, приник к ней и сразу уснул, как младенец, уткнувшись сухими губами в ее голый сосок. Джойс встала с постели, надела его рубашку, вышла из номера и, босая, пошлепала по коридору к общему туалету.

Почему она не сказала Роберту, что работала на Фрумкина? Она и сама не знала. Зато сказала, что, несмотря на все, по-прежнему верит в сионистскую мечту, но насилия больше не хочет. Делать такие заявления, конечно, поздно, поздно раскаиваться, все поздно.

Она сидела на унитазе, ее била дрожь. Из-за хлипких дверей гостиничных номеров доносились храп, кашель, потом самозабвенные крики — люди занимались любовью.

Где сейчас Марк? Она просила его разыскать Роберта Кирша, но люди Аттила нашли его раньше. Если бы она рассказала им про Фрумкина, оставалась бы надежда, что ее не казнят, но, хоть она и ненавидела его, предать его она не могла. Хотя почему бы и нет? Она ведь уже предала Марка, изменив ему с Робертом, и Роберта предала, развозя оружие для Фрумкина. Так почему бы не сделать это в третий раз? Вдруг это поможет уберечь чью-то жизнь? Но винтовки уже здесь, и Фрумкин наверняка успел покинуть страну. А что до того, чтобы сообщить имя Фрумкина в обмен на свою жизнь, — она не уверена, что хочет жить, она этого недостойна.

Джойс потянула ржавую туалетную цепочку, вода хлынула и забулькала в трубах. Рядом, так

близко, что, казалось, звук идет из недр самого здания, зазвонил колокол к заутрене. В промежутках между его гулкими ударами кто-то позвал ее по имени. Голос был Роберта, не сердитый, а скорее отчаянный, как у отца, который ищет потерявшегося ребенка. Джойс была в поезде. Зима, за окна ми сугробы. Небо пепельно-голубое, внизу беломраморной полосой змеится Гуздон, одинокий фигурист сделал пируэт и скрылся с глаз. Она хотела посмотреть на него еще раз и побежала по коридору. Но уперлась в тормозной вагон и втиснулась между гигантскими мешками с почтой. Через некоторое время услышала голос отца, сначала вдалеке, потом все ближе. Она не могла решить: стоит ли дальше прятаться или все же объявиться, но в последнюю минуту, когда, казалось, он уже готов был повернуть назад, выскочила и бросилась ему на шею: «Я здесь, здесь!»

38

Росс с Киршем сидели на крытой веранде, выходящей в сад.

— Желтый камень — традиционный для этих мест, — сообщил Росс, указывая на готические аркады, образующие низкую узкую галерею длиной метров тридцать.

Ему бы все учить, подумал Кирш. Он сел на паром в Хайфе и, как и Блумберг, от Фамагусты взял такси. Водитель, под присмотром Кирша, привязал картину Блумберга к крыше автомобиля очень осторожно, чтобы не повредить. И сейчас картина, в том же сером чехле, как и привез ее из пустыни Блумберг, стояла у стены в новой роскошной гостиной Росса.

— Может, сначала выпьем? — предложил Росс.

Кирш удивился: он был уверен, что губернатор сразу захочет посмотреть на заказанный шедевр. Однако воспринял этот жест как дань уважения — и дань памяти.

Росс, потягивая виски с содовой, указал рукой на сад:

— Если бы почва была побогаче и воды побольше… А так…

Кирш поглядел на голую пустошь с редкими деревьями: да уж, розы здесь не приживутся.

Кирш поднес к губам стакан с лимонадом. От виски он отказался, день сегодня ответственный.

— Мы кучу времени потратили на то, чтобы найти еврейское кладбище, — сказал Росс. — Здесь есть всего одно. В Эрджане. Они пытались лет двадцать обосноваться тут. На деньги французского барона, Мориса де Гирша[77]. Слыхали о таком?

Кирш покачал головой.

— И что его понесло на Кипр — бог весть… — Росс поднял стакан, посмотрел на просвет. — Вы ведь поедете туда с нами?

— Я ей обещал.

— А она не хочет, чтобы его… привезли обратно?

— Нет, говорит, ему Иерусалим не особо нравился. Как и Англия. Думаю, ее привлекает возможность приезжать сюда когда-нибудь в будущем в полном одиночестве, на его могилу. Попросила нанять кого-нибудь, чтобы поухажи-

---

[77] Примечания: 77

Морис де Гирш (1831–1896) — еврейский меценат. Создал много образовательных фондов для евреев. Основатель Еврейского колонизаторского общества, занимавшегося организацией иммиграции евреев в Аргентину.

вал за могилой.

— Столько лет? Вряд ли вы найдете надежного человека.

— Да, — сказал Кирш. — Столько лет. Именно об этом я и хотел бы с вами поговорить.

— Так я и знал.

— Как думаете, можно что-нибудь сделать?

— Ничего — если она не заговорит.

— А если заговорю я?

Росс смотрел мимо Кирша. Сейчас будущий губернатор уже в резиденции, и субалтерн готовился поднять в конце сада на флагштоке «Юнион Джек».

— Про мальчишку? Я отослал его ради его же пользы. И был прав. Не думаю, что тут вы много выгадаете. Что до остального — я имею виду пропавшего сержанта Харлапа и его пропавшие пуговицы, — с этим разбираться вам и моему преемнику.

— А Фрумкин?

— Не сомневаюсь, вы его отыщете и без помощи госпожи Блумберг. Но будет непросто. Зацепиться не за что — ну одолжил он Джойс машину, больше ничего за ним нет. Полагаю, он уже в Калифорнии. Человек он влиятельный. Желаю удачи.

— А то, что она признала вину, разве ничего не значит?

— Позволит скостить срок лет на пять. Послушайте, Роберт, вы сделали все, что могли. И я тоже. Давайте посмотрим картину?

Росс встал с кресла. Казалось, Росс поубавился в росте, а может быть, дело в том, что его власть над Киршем поубавилась, оттого и былой внушительности нет как нет. И оба направились в гостиную. Угол картины торчал наружу, Блумберг сам прорвал в этом месте мешковину, когда препирался с охранником перед иерусалимской резиденцией губернатора.

Кирш разрезал веревку ножом, снял мешковину.

Росс стоял поодаль. Вгляделся, сосредоточенно сдвинув брови. Подошел ближе, потом еще, пока не остановился в двух-трех шагах от полотна. Снял очки. Прошло несколько минут, прежде чем он заговорил.

— Что ж, — сказал он, — я бы покривил душой, если бы сказал, что не разочарован.

Кирш смотрел на взвихренные коричневые, розовые, красные пятна. Изображенное художником древнее святилище было неразличимо среди этой мешанины красок.

— А знаете что? — сказал Росс. — Я не хочу ее держать у себя. Может, вы заберете?

— Если она вам не нужна… Джойс точно захочет взять.

— Ну, как владелец, думаю, я вправе подарить ее кому угодно. Только не уверен, что у госпожи Блумберг найдется достаточно места, чтобы ее вывесить. Но если вам кажется, что так будет лучше, пусть она пока хранится у вас — потом передадите ей.

— Непременно, — сказал Кирш.

Росс все еще смотрел на картину, как будто пытался разгадать кукую-то загадку.

— Пора двигаться, — сказал он наконец. — Простите, что подгоняю.

— Может ли она по крайней мере отбывать наказание в Англии?

— Попробую это устроить. Но вы уверены, что она туда хочет?

— Я ее не спрашивал, но слышал, у нее есть друзья в Лондоне. Там хоть кто-то сможет ее навещать.

— И вы в том числе?

— Не знаю. Я еще не решил, что буду делать.

Они прошли в столовую. Двое слуг распаковывали коробки, доставали оттуда тарелки, бокалы

и осторожно ставили на стол.

Кирш и Росс спустились с крыльца. За катафалком стояла машина с включенным двигателем — их поджидали. Небо было чистое, цвета бутылочного стекла. И хотя такое было маловероятно, у Кирша возникло предчувствие, что собирается дождь.

Они ехали несколько часов, впереди сгущались тучи. Когда они добрались до кладбища, уже лило вовсю. Деревьев, листья которых задерживали бы влагу, здесь не было, и по всему участку, на сколько хватало глаз, растекались мутные желтые ручьи.

Кирш и Росс стояли и смотрели, как гроб с телом Блумберга опускают в могилу.

Росс обернулся к Киршу:

— Я подумал, может, хотите что-то сказать?

Кирш ответил не сразу. Дождь барабанил по непокрытой голове. Он посмотрел на соседнюю могилу. Простое надгробие украшала Звезда Давида, надпись на камне извещала, что здесь покоится Артур Нидерхоффер, 15.12.1886-2.11.1921. Блумберг был последним членом этой колонии.

— Нет, — ответил он Россу. — Нечего мне сказать.

Декабрь

39

Занималась заря, обещая ясный палящий день, и Кирш не мог противиться этому искупительному свету, сплошному белому сиянию. Утренний город манил со всех сторон: над древними стенами, новыми домами и строительными площадками разносился колокольный звон, гнусавое пение муэдзинов, и, словно возвращая воспарившего человека на землю, красочный домашний быт Иерусалима тоже давал о себе знать: женщина на балконе дома напротив вытряхивала клетчатую бело-голубую скатерть, внизу другая женщина несла букет кроваво-красных осенних роз — Кирш подозревал, что она тайком нарвала их в парке на углу и позже пойдет продавать.

Как всегда в последнее время, после возвращения с Кипра, он плохо спал в эту ночь. Мучила совесть, и он долго ворочался в постели без сна. Раз в неделю он навещал Джойс. В первый раз просто сообщил о том, где похоронен ее муж, но в последующие встречи безуспешно уговаривал рассказать все, что знает, иначе ее ждет страшная судьба. Нет, все, что могла, она уже рассказала, ни слова больше — был ответ. Она считала, как

понял Кирш, что должна понести заслуженное наказание, и готовилась — так она себе это представляла — провести следующие двадцать лет в тюремной камере, что казалось Киршу совершенно неоправданной жертвой. Все, что от нее требовалось, — сотрудничать со следствием, и тогда все дороги перед ней открыты. В последние недели из-за ее упорства общаться с ней было особенно трудно. Он однажды сказал ей, что не может ее простить, но это была неправда. Она ведь уже произнесла одно имя — «Сауд», осталось хотя бы шепнуть второе — и ее выпустят. Он не мог понять, почему она запирается, откуда такая покорность судьбе. Через неделю, спасибо Россу, ее должны перевести в Лондон — там она и будет дальше отбывать срок.

При первых звуках машин на новом шоссе, которое недавно проложили возле его дома, Кирш ушел с балкона в комнату. Он был не один. Майян, с уже округлившимся животиком, присела над ночным горшком. Встала, поправила подол сорочки и снова улеглась в постель. Кирш сел рядом с ней. Она вытянула руку, положила ему на бедро.

— Как думаешь, мне понравится в Англии? — спросила она.

— Ты любишь дождь и серое небо?

— Да.

— Тогда понравится.

— А если не понравится, мы можем вернуться сюда.

Кирш не ответил. Вместо ответа сунул руку под ее ночную рубашку и погладил тугой живот.

Майян задержала его руку в своей:

— Ты сегодня опять к ней пойдешь?

— Да, надо дать ей шанс.

Майян беспокойно поерзала на постели.

Кирш смотрел поверх ее головы, на серебристо-зеленую оливу за окном. Майян, похоже, снова заснула. Какое-то время он держал руку на ее животе, потом убрал.

Через несколько минут она открыла глаза.

— Она — твоя самая большая любовь? — спросила она.

— Нет, — сказал Кирш. — Самая большая — ты.

Коротко об авторе

Прозаик, эссеист, журналист Джонатан Уилсон (1951 г. р.) родился в Англии, живет в США (город Ньютон, штат Массачусетс).

В 1977 г. окончил Оксфордский университет, в 1982 г. — Иерусалимский еврейский университет. В Израиле работал в кибуце.

Сейчас он — директор центра гуманитарных наук в университете Тафтса, профессор, читает курсы писательского мастерства и американской литературы.

Написал четыре книги прозы: два сборника рассказов «Шум» («Schoom»; 1994) и «Скорая помощь уже едет. *Рассказы о людях в беде*» («Ambulance Is on the Way: *Stories of Men in Trouble*»; 2005) и два романа «Убежище» («The Hiding Room»; 1995) и «Палестинский роман» («A Palestine Affair»; 2004). «Палестинский роман» стал финалистом Национальной еврейской книжной премии.

В обоих романах речь идет о разных, но одинаково сложных этапах борьбы за создание еврейского государства.

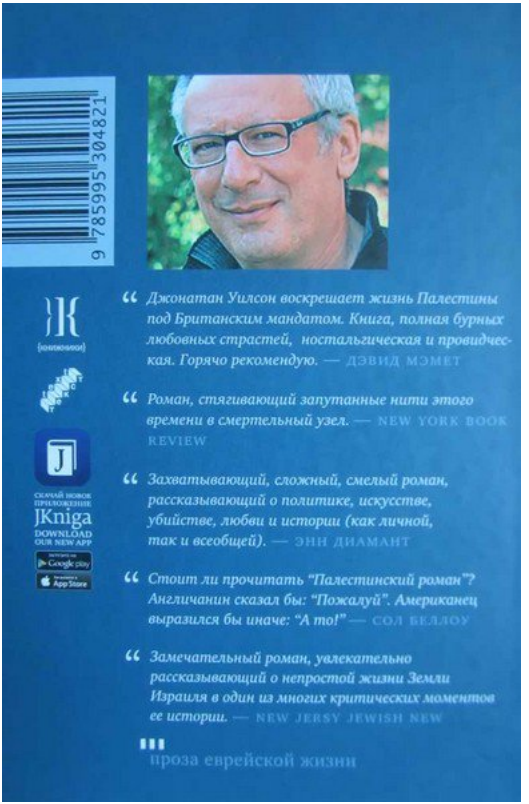
Дж. Уилсон постоянно публикует рассказы и

эссе в «Нью-Йоркере» и «Нью-Йорк таймс мэгэзин», а также статьи об искусстве в еврейском онлайновым журнале «Таблет», в том числе и на такие, к примеру, темы, как «Хасидский кубизм», «Почему поп-арт еврейское искусство» (о выставке одного из основоположников поп-арта Роя Лихтенштейна).

Написал он и две книги о Соле Беллоу: «Герцог: границы идей» («Herzog: The Limits of Ideas»; 1990) и «На планете Беллоу» («On Bellow's Planet»; 1986).

Дж. Уилсон с детства увлекался футболом, который стал для него отдушиной в сложной семейной ситуации, и увлечение это пронес через всю жизнь. Он ведет колонку о футболе для интернет-газеты «The Faster Times». И в своей автобиографии «Бей и беги, мемуары при участии футбольного мяча» («Kick and Run, Memoir with the Soccer Ball»; 2013) рассказывает как о тайнах футбола, так и об удивительном мире еврейской культуры и истории. Критики сравнивают эту книгу с «Другими берегами» Набокова.

На русский переведены книга Дж. Уилсона «Марк Шагал» (2007, пер. 2009), а также два рассказа в сборнике «День рождения в Лондоне. *Рассказы английских писателей*» (2009).



Джонатан Уилсон воскрешает жизнь Палестины под Британским мандатом. Книга, полная бурных любовных страстей, ностальгическая

и провидческая. Горячо рекомендую. — Дэвид Мэмет

Роман, стягивающий запутанные нити этого времени в смертельный узел. — New York Book Review

Захватывающий, сложный, смелый роман, рассказывающий о политике, искусстве, убийстве, любви и истории (как личной, так и всеобщей). — Энн Диамант

Стоит ли прочитать «Палестинский роман»? Англичанин сказал бы: «Пожалуй». Американец выразился бы иначе: «А то!» — Сол Беллоу

Замечательный роман, увлекательно рассказывающий о непростой жизни Земли Израиля в один из многих критических моментов ее истории. — New Jersey Jewish News